

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, History of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, Personality psychology, History of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal "Psychology. Pedagogics. Education" publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts; to promote the integration of academic and university science; stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolo, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Contents

From the editor	10
-----------------------	----

Thematic reports

Maria O. Soboleva

Features of the construction of research on virtual identity of users of social networks	14
---	----

Empirical research

Vladimir A. Mokhov, Svetlana L. Babushkina

Aspects of processing existential experience and its relationship with anxiety during the COVID-19 pandemic	24
---	----

Tatyana P. Emelyanova, Semyon V. Tarasov

Leisure in the structure of viability of two generations of Muscovites	41
---	----

Vasilisa R. Orestova, Daria P. Tkachenko, Marina A. Manchkhavili

Irrationality of thinking as a way to cope with the uncertainty of the modern world	50
--	----

Oksana V. Gavrichenko, Evgeniya A. Bubnovskaya

Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age	65
---	----

Natalia Yu. Fedunina

Competitive anxiety in sports. The view of an analytical psychologist	82
--	----

Elena V. Bakhadova

Psychological aspects of body tattooing in modern youth	96
--	----

Marina M. Mishina, Ksenia A. Vorobyeva
Socio-psychological aspects of the teacher's work
during the pandemic 117

Works of Young Scientists

Irina V. Vets
Adaptation of questionnaire «Secondary benefit
from the disease» 130

Dmitry D. Antonov
Personal readiness of psychology students
of various specializations to professional activity 152

Содержание

От редактора 10

Тематические сообщения

М.О. Соболева

Особенности построения исследований виртуальной
идентичности пользователей социальных сетей 14

Эмпирические исследования

В.А. Мохов, С.Л. Бабушкина

Особенности переживания экзистенциального опыта
и его связь с тревожностью в период пандемии
COVID-19 24

Т.П. Емельянова, С.В. Тарасов

Досуг в структуре жизнеспособности двух поколений
москвичей 41

В.Р. Орестова, Д.П. Ткаченко, М.А. Манчхашвили

Иррациональность мышления как способ совладания
с неопределенностью современного мира 50

О.В. Гавриченко, Е.А. Бубновская

Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения
в молодом и зрелом возрасте 65

Н.Ю. Федунина

Соревновательная тревога в спорте.
Взгляд аналитического психолога 82

Е.В. Бахадова

Психологические аспекты татуирования тела
у современной молодежи 96

М.М. Мишина, К.А. Воробьева

Социально-психологические аспекты работы педагога
в период пандемии 117

Работы молодых ученых

И.В. Вець

Адаптация опросника «Вторичная выгода от болезни» 130

Д.Д. Антонов

Личностная готовность студентов-психологов различных
специализаций к профессиональной деятельности 152

От редактора

Дорогие коллеги, представляю последний в этом году номер нашего Вестника. Приятно отметить, что и в этом номере поддерживается тенденция на разнообразие и актуальность тематики, отраженной в статьях наших авторов. Веер поднятых вопросов затрагивает практически всю наиболее важную на сегодняшний день проблематику – от проблем, возникающих в ситуации пандемии, до специфики виртуальной идентичности, от соревновательной тревоги до психологических особенностей татуировок.

Виртуальные контакты становятся одной из наиболее распространенных форм и межличностной, и межгрупповой коммуникации. Поэтому, естественно, что, несмотря на большое число работ, посвященных специфике виртуальной идентичности и самопрезентации в социальных сетях, эта проблема остается одной из наиболее обсуждаемых в чем мы можем убедиться, познакомившись со статьей М.О. Соболевой.

Вопросы, связанные с экзистенциальными переживаниями и экзистенциальным опытом, к сожалению, все еще мало изучены, особенно в контексте ситуации пандемии. Поэтому статья В.А. Мохова и С.Л. Бабушкиной, в которой исследуется связь экзистенциального опыта и тревожности, представляется особенно интересной и значимой. Проблема пандемии и болезни в разных аспектах поднята и в работах других авторов данного номера. Это и использование иррационального мышления как способа преодоления неопределенности современного мира в статье В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко, М.А. Манчхашвили, и изучение особенностей работы педагогов в ситуации пандемии М.М. Мишиной и К.А. Воробьевой. Ставшие предметом изучения Т.П. Емельяновой и С.В. Тарасова особенности проведения досуга молодыми и пожилыми москвичами, позволили показать не только общие для них формы развлечений, но и выявить факторы, влияющие на различный характер их досуга.

Сравнительный анализ перфекционизма и тревожности у молодых и зрелых людей предложен в статье О.В. Гавриченко и Е.А. Бубновской. Их данные позволили обнаружить связь между тревожностью, перфекционизмом и самоотношением в разных возрастных группах и с разной формой тревожности. Интересные и достаточно редко публикуемые материалы о соревновательной тревоге спортсменов представлены в статье Н.Ю. Федунинной. Работа Е.В. Бахадовой посвящена малоизученной, несмотря на широкую распространенность данного феномена, проблеме татуировок.

И, наконец, работы наших молодых коллег. В статье Д.Д. Антонова анализируется готовность студентов к профессиональной деятельности, что особенно значимо для молодых специалистов. Не менее важным является и данный в работе И.В. Вець методический инструментарий – адаптация русскоязычной версии опросника «Вторичная выгода от болезни».

From the editor

Dear Colleagues, I present the last in this year issue of our Bulletin. It is pleasant to note that in this number the tendency for the diversity and relevance of the topics raised in the articles of our authors is maintained. The fan of questions raised practically touches all the most important today's questions - from the problems arising in a pandemic situation to the specifics of virtual identity, from competitive anxiety to the psychological characteristics of tattoos.

Virtual contacts are becoming one of the most common forms of both interpersonal and intergroup communication. Therefore, it is natural that, despite the large number of works devoted to the specifics of virtual identity and self-presentation in social networks, this problem remains one of the most discussed, which is shown in the article by M.O. Soboleva.

Unfortunately, problems related to existential emotion experiences and existential comprehensions are still poorly understood, especially in the context of a pandemic situation. Therefore, the article by V.A. Mokhov and S.L. Babushkina, which explores the relationship between existential experience and anxiety, is especially interesting and significant. The problem of pandemic and disease in various aspects is also raised in the works of other authors of this issue. This is the use of irrational thinking as a way to overcome the uncertainty of the modern world in the article by V.R. Orestova, D.P. Tkachenko, M.A. Manchkhshvili, and the study of the characteristics of the work of teachers in a pandemic situation M.M. Mishina and K.A. Vorobieva. The subjects of study by T.P. Emelyanova and S.V. Tarasov, are the peculiarities of the leisure time of young and elderly Muscovites. Obtained data made it possible to show not only the common forms of entertainment for them, but also to identify the factors influencing the different nature of their leisure.

A comparative analysis of perfectionism and anxiety in young and mature people became the subject of study in the article by O.V. Gavrichenko and E.A. Bubnovskaya. Their data made it possible to identify the relationship between anxiety, perfectionism and self-attitude in different age groups and with different forms of anxiety. Interesting and little-studied materials about the competitive anxiety of athletes are presented in the article by N.Yu. Fedunina. The work of E.V. Bahadova is devoted to the little-studied, despite the widespread prevalence of this phenomenon, the problem of tattoos.

And finally, I present the works of our young colleagues. In the article by D.D. Antonov is analyzed the readiness of students for professional activity, which is especially important for young

specialists. No less important is given in the work of I.V. Vets methodical toolkit – adaptation of the Russian-language version of the questionnaire “Secondary benefit from the disease”.

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-14-23

Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей

Мария О. Соболева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, maria.soboleva1988@gmail.com*

Аннотация. Исследование виртуальной идентичности является очень популярной темой. Ученые с различных точек зрения подходят к изучению данного феномена. Их интересует множество вопросов - от определения виртуальной идентичности до ее функций и особенностей у разных групп пользователей Интернета. Все больше сфер нашей жизни перемещается в онлайн пространство. Интенсивное развитие сети Интернет и всеобщая компьютеризация во многом определяет формирование новой социокультурной среды. Исследователи ищут отражение современной реальности в психологических особенностях людей. В данной статье приведена попытка обзора наиболее популярных научных взглядов на этот счет. Рассматриваются подходы к пониманию сущности виртуальной идентичности, соотносятся понятия идентичности и самопрезентации. Для некоторых пользователей оказалось характерным наличие альтернативной идентичности. Реальная идентичность и самопрезентация в социальной сети могут различаться. В статье также анализируются различные мотивы самопрезентации людей в онлайн пространстве. Представлены исследования, обнаруживающие половозрастные различия поведения пользователей Интернета. Искажение информации о себе в социальной сети может иметь различные основания в разных возрастных группах. Обозначены возможные проблемные зоны построения научных работ.

Ключевые слова: идентичность, исследования, социальная идентичность, виртуальное пространство, виртуальная идентичность

Для цитирования: Соболева М.О. Особенности построения исследований виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 14–23. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-14-23

Features of the construction of research on virtual identity of users of social networks

Maria O. Soboleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, maria.soboleva1988@gmail.com*

Abstract. The study of virtual identity is a very popular topic. Researchers from different points of view approach the study of this phenomenon. They are interested in many issues: from the definition of virtual identity to its functions and features for different groups of Internet users. More and more areas of our life are moving to the online space. The intensive development of the Internet and the computerization of all spheres of life largely determines the formation of a new socio-cultural environment. Researchers are looking for a reflection of modern reality in the psychological characteristics of people. This article is an attempt to consider the most popular scientific views on this matter. Approaches to understanding the essence of virtual identity are considered, the concepts of identity and self-presentation are correlated. Some users will have an alternative identity. Real identity and self-presentation on a social network may differ. The article also discusses various motives of self-presentation of people in the online space. The studies that reveal age and sex differences in the behavior of Internet users are considered. Distortion of information about oneself on a social network can have different grounds in different age groups. Possible problem areas of research design are indicated.

Keywords: identity, research, social identity, virtual space, virtual identity

For citation: Soboleva, M.O. (2021), "Features of the construction of research on virtual identity of users of social networks", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 14–23, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-14-23

За последние десятилетия появилось множество исследований и публикаций об идентичности. Особый интерес данная тема приобрела в контексте изучения транзитивности мира, а также увеличения роли виртуального пространства в процессе социализации, что было связано с определением различий между «реальной» и «виртуальной» идентичностью, а также с пониманием особенностей появления и проявления нового вида идентичности.

Понятие идентичность было введено в психологию Эриком Эриксоном, который прежде всего понимал под идентичностью процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я, самоотождествление. С его точки зрения, основной задачей Эго

является социальная адаптация. Главным же процесс социализации – это достижение идентичности. Предложенная Эриксоном периодизация описывает развитие и становление идентичности на протяжении всего цикла жизни. В результате прохождения возрастных кризисов человек пытается приспособиться к своему окружению и многообразию социальных ситуаций, соответственно, период может закончиться как негативным, так и позитивным выходом из кризиса [Концепции социализации 2010, с. 13]. Социальная идентичность понимается как личностное образование, отражающее разделяемые человеком нормы, ценности, правила и идеалы референтных групп.

Иную позицию занимал Э. Фромм. Тот трактовал социальную идентичность не просто как самоотождествление, но добавлял к этому интереснейший контекст, обусловленный реализацией человеком потребности в контакте с окружающим миром, потребности в избегании одиночества [Белинская, Тихомандрицкая 2001, с. 283].

В социальной психологии изучение идентичности связано, прежде всего, с именами М. Шерифа, А. Тешфела и Дж. Тернера. Так, в эксперименте, проведенном в детском лагере, М. Шериф показал, как формируется групповая сплоченность и инtragрупповой фаворитизм. Развивая его идеи, А. Тешфел заметил, что для появления инtragруппового фаворитизма необходима положительная идентификация со своей группой. Самокатегоризация влияет на возникновение внутргруппового фаворитизма, социальных стереотипов и определяет нормативность того или иного поведения. Таким образом, самокатегоризация понималась как отнесение социальных объектов в определенные группы для систематизации перцептивного опыта. А. Тешфел выделял персональную и социальную идентичности как составляющие Я-концепции человека. При этом подчеркнем, что социальная идентичность понималась как самоотождествление с различными социальными категориями. Дж. Тернер представлял персональную и социальную идентичности как полярные феномены, то есть актуализация персональной идентичности снижает количество стереотипных самоопределений, а актуализация социальной идентичности ведет к деперсонализации. Через самокатегоризацию человек может использовать созданные групповые прототипы для того, чтобы соотнести, описать и оценить себя, при этом важно, чтобы поддерживалась и сохранялась позитивная самооценка индивида. А. Тэшфел и Дж. Тернер выдвигают общий принцип, согласно ему осознание своей принадлежности к группе неразрывно связано со сравнением и оценкой категоризируемых групп. Таким образом, определение социальной иден-

тичности несколько трансформируется. Социальная идентичность будет пониматься как сумма личностных идентификаций, которые относятся к определенным социальным категориям и переходят в когнитивный компонент Я-концепции [Белинская, Тихомандрицкая 2001, с. 288]. Также к пониманию социальной идентичности добавляется важнейшее уточнение: это не просто необходимость социальной категоризации, но сравнение, осуществляемое в поисках позитивной социальной идентичности, где индивид или группа стремятся самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономность.

Анализируя базовые социально-психологические подходы к пониманию идентичности, мы приходим к выводу, что для того, чтобы изучать идентичность человека как представителя определенной группы, изначально необходимо установить, а идентифицирует ли он себя с интересующей исследователя группой. В качестве примера обратимся к «геймерам», как и в других случаях, нам необходимо понять, есть ли данная идентификация у респондентов. В одном из наших исследований из общего объема выборки в 190 человек – 79,5% респондентов отнесли себя к любителям видеоигр, 56,3% опрошенных считали себя геймерами. Очень интересно, что 100% опрошенных, определивших себя в качестве «геймеров», относят себя и к «любителям видеоигр», однако среди «любителей игр» 27,3% опрошенных не считают себя «геймерами». Таким образом, становится понятно, что, несмотря на то, что человек может играть в видеоигры и признавать этот факт, он совершенно не обязательно будет идентифицировать себя с группой геймеров. То есть выявленные психологические особенности корректно описывать, ссылаясь на идентификацию опрошенных. При этом мы понимаем, что сама принадлежность к группе «геймеров» имеет определенную окраску. Так, человеку будет сложнее идентифицироваться с данной группой, если у него по отношению к ней существуют негативные установки.

При организации исследований, связанных с идентичностью, приходится как бы «перепроверять» наличие искомой идентичности, то есть встает вопрос о том, сформирован ли искомый когнитивный компонент в Я-концепции респондента.

Огромным вызовом для исследователей представляется изучение виртуальной идентичности. От определения, что же считается виртуальной идентичностью, до понимания того, как и для чего она формируется, насколько отличается от «реальной» идентичности, какие имеет особенности и функции – все эти вопросы требуют предварительного разрешения.

Интенсивное развитие сети Интернет и компьютеризация всех сфер жизни во многом определяет формирование новой со-

циокультурной среды. Информационные технологии проникают практически во все сферы деятельности современного человека: обучение, работа, общение и т.д. Основной характеристикой данной среды является практически безграничный доступ к самой разнообразной информации. Однако в нашем контексте важно понимать, что для пользователей становится основной задачей ориентации и эффективного использования получаемой информации. Вполне закономерно, что исследователи ищут отражение современной реальности в психологических особенностях людей.

Виртуальное пространство создает совершенно иные возможности и механизмы для становления и проявления идентичности пользователя. Так, с одной стороны, речь идет об отсутствии социального контроля, что может снимать многие ограничения и оказывать «растормаживающее» действие в самопрезентации и общении пользователей. С другой стороны, пользователь оказывается далеко не в безоценочной среде. Например, в социальных сетях в ответ на его пост другие люди могут оставить как позитивные, так и негативные комментарии. Появляются такие явления, как буллинг в интернет-пространстве, на который часть посетителей сайта реагирует не менее остро, чем на негативные высказывания в реальном мире. Существуют специальные группы «хейтеров», кто за плату готов писать негативные комментарии незнакомым людям. То есть с увеличением охвата аудитории пользователь должен быть готов получить достаточно неприятную обратную связь. Таким образом, по всей видимости, невозможно говорить о полном отсутствии социального контроля. Некоторые исследователи, ведя речь о виртуальном пространстве, указывают на тесную связь таких понятий, как идентичность, публичность и самопрезентация [Козлова 2015, с. 119]. Представляется очень интересным изучение идентичности и психологических особенностей пользователей, намеренно частично изменяющих или искажающих факты о себе, а также тех, которые создают фактически новую идентичность, существенно изменяя информацию о себе (имя, пол, профессия, фотографии, хобби и т.д.). Тем не менее, ряд исследователей указывает на то, что условная анонимность будет связана с формированием идентичности пользователя Интернета, так, например, может усиливаться желание демонстрировать «усредненный» образ для позитивного восприятия другими. Данное стремление можно обнаружить, когда человек начинает проявлять зависимость от откликов аудитории таких, как «лайки», «комментарии», ориентация на количество «подписчиков». Важно отметить, что идентичность в виртуальном пространстве не возникает случайным

образом, а осознанно создается индивидом с учетом средств, позволяющих использовать интерфейс сайта [Солдатова, Погорелов 2018, с. 111]. А также в некоторых работах подчеркивается, что человек может выбирать и конструировать свою идентичность, совершенно сознательно осуществляя выбор из готовых самопрезентаций других пользователей Интернета. [Шарина, Стенякова 2020, с. 23].

Таким образом, перед исследователем встает вопрос о том, насколько совпадают реальная и виртуальная идентичности, насколько респондент презентует свою реальную личность или же стремится создать усредненный образ, весьма условно отражающий реальность. Данная ситуация может создавать дополнительные сложности при ее изучении.

До активного внедрения Интернета в современную жизнь наличие нескольких идентичностей у одной личности относилось к вопросам, которые изучались в рамках психопатологии. Однако в современном мире в контексте виртуального пространства подобный факт относится к нормотипическим проявлениям.

Соответственно, можно определить «виртуальную идентичность» как часть социальной идентичности, связанную с осуществлением деятельности в информационно-коммуникативной среде, в основном речь идет о взаимодействии в виртуальном пространстве Интернета. Безусловно, стоит отметить, что виртуальная идентичность формируется в определенной социокультурной среде по своим уникальным законам, то есть она может отражать реальную идентичность в большей или меньшей степени у разных пользователей.

Стоит также обратить внимание на тесную связь виртуальной идентичности и самопрезентации. Иногда эти понятия становятся практически синонимичными. Однако исследования процесса самопрезентации требуют основательного методологического подхода. Существуют разные точки зрения на то, что могло бы быть включено в понимание структуры и сущности самопрезентации. Так, одни исследователи делают акцент на механизмах взаимодействия субъектов, то есть на поведении, чьей целью является передача о себе определенной информации другим субъектам взаимодействия. И. Гоффман отмечает, что индивид стремится к контролю своего поведения в присутствии других, самопрезентация же понимается как процесс, изменяющийся в зависимости от целей субъекта и обстоятельства, где разворачивается данный процесс. Гоффман определяет самопрезентацию как «запечатленное в большом количестве структурных обсуждений отражение мотива каждого участника взаимодействия, чтобы производить взаимодействие гладко и без инцидентов» [Подберез-

ная 2005, с. 97]. Таким образом, перед исследователями встают сложности, связанными с тем, что поведение практически невозможно изучать с помощью эмпирических методик [Горный 2004, с. 79], поэтому приходится производить огромную работу по качественному анализу контента аккаунтов респондентов, а также применять методы беседы и структурированного интервью.

В своих работах М. Снайдер говорил о том, что не все люди в одинаковой степени стараются управлять впечатлением о себе на других людей. Можно говорить о двух типах поведения: одно будет выстроено согласно своему внутреннему Я, то есть информация в профиле будет во многом соответствовать реальной личности респондента; второй тип поведения будет связан с проективным Я, вероятнее всего, профиль будет отражать максимально социально желательный образ. Анализируя самопрезентацию как поведенческую активность, мы неизменно задумываемся о мотивах данной деятельности. Р. Аркин и А. Шутц говорят в этом контексте о реализации мотивации достижения или избегания неудач, обозначая «приобретающую» и «защитную» мотивации. Интуитивно кажется, что при приобретающей мотивации мы будем видеть самопрезентацию в сетях, где профиль будет являться отражением личности пользователя, соответственно, при избегании неудач, вероятно, будут продемонстрированы популярные социально желательные тенденции для получения положительных реакций от других. При этом существует подход Е.Л. Доценко: самопрезентация здесь рассматривается как манипулирование, то есть сознательное конструирование собственного образа для достижения определенных поставленных перед пользователем целей.

Таким образом, мы видим, что многие исследователи говорят о самопрезентации как о важнейшей социальной активности. Интернет создает уникальное пространство для самопрезентации как для поведения, в котором могут отражаться как социальная, так и личностная идентичность. Анализируя профили пользователей, мы, так или иначе, сталкиваемся с деятельностью, раскрывающей определенные компоненты Я-концепции. Даже если пользователь наполняет свой аккаунт исключительно социально-желательной информацией, то для исследователя это может говорить о том, что, например, у того доминирующей является мотивация, связанная с избеганием неудач. В любом случае мы имеем дело с презентацией определенных личностных особенностей, прямо или косвенно отражающих личностные особенности пользователя, но при этом нельзя отрицать и сознательную презентацию личности, построенную с определенными манипулятивными целями.

Интересный результат был получен в исследованиях А.Е. Войскунского, Е.С. Евдокименко, Н.Ю. Федуниной. Удалось установить, что у юношей идентичность в сети больше совпадает с реальной, чем у девушек. [Войскунский и др. 2013а, с. 109]. Таким образом, самопрезентация юношей в Интернет пространстве во многом отражает их реальные личностные особенности, а у девушек реальная и сетевая идентичность имеют больше отличий. (Возможно, тут было бы любопытно изучить, для каких целей и с какой мотивацией юноши и девушки используют социальные сети.) Тем не менее, по данным Е.П. Белинской и Д.К. Франтовой, актуальной тенденцией становится проявление виртуальной идентичности как идентичности человека, имеющей общие принципы виртуальных и социальных идентификаций, то есть виртуальная среда – лишь особое пространство для проявления идентичности [Белинская, Франтова 2017, с. 34].

Помимо данных о половых различиях также существуют данные и о возрастных различиях. Наличие альтернативной идентичности чаще характерно для подростков, так как она упрощает вхождение в референтную группу; старшие респонденты чаще говорят об альтернативной идентичности, когда речь идет о взаимодействии с друзьями и близким кругом или же выстраиваются более официальные взаимодействия, например, с работодателем. Поскольку специалисты по отбору персонала могут анализировать страницы в социальных сетях, то кандидат будет стремиться создавать благоприятное для работодателя впечатление, дружеское же общение подразумевает более раскрепощенный характер взаимодействия [Войскунский и др. 2013b, с. 79].

Таким образом, в виртуальной среде есть несколько контекстов, сильно влияющих на то, в какой мере будет искажен представленный образ. Как отмечают Е.Л. Солдатова и Д.Н. Погорелов, виртуальная среда «искушает» пользователя и создает множество возможностей для изменения образа собственного Я и выстраивания «идеального образа Я» [Солдатова, Погорелов 2018, с. 111–112].

Таким образом, можно констатировать наличие еще одной сложности, связанной с согласованностью/рассогласованностью истинности информации о себе, представленной пользователем. Особенно любопытным видится изучение психологических особенностей людей, создающих «фейковые» страницы, а также причины их появления. Зачастую подобные страницы являются дополнительным аккаунтом при наличии аккаунта, где информация достоверна. Причем исследователи отмечают, что существуют различия в активности в социальных сетях у пользователей разных возрастных групп [Белинская, Франтова 2017, с. 37],

что означает необходимость учета также и общих тенденций, связанных с возрастными особенностями пользователей сети.

Соответственно, при построении исследований виртуальной идентичности важно понимать, сформирована ли искомая идентичность, иными словами, отождествляет ли себя человек с представителями изучаемой группы; отличается ли «реальная» идентичность от того, что он предъявляет в пространстве Интернета; какие мотивы есть у человека, осуществляющего самопрезентацию в сети; и, конечно, как и для других исследований, следует дифференцировать выборки по полу и возрасту, и все это может дать более точные результаты. При исследовании процессов социализации в виртуальном пространстве весьма интересно, какие общественные нормы усваиваются и транслируются пользователями, какие из них относятся к виртуальному пространству, а какие могли бы относиться и к деятельности человека в реальном мире. Безусловно, данные вопросы становятся актуальными при постановке перед исследователем соответствующих им задач, но любом случае представляется необходимым учитывать данные нюансы при планировании исследований.

Литература

Белинская, Тихомандрицкая 2001 – *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. Учебное пособие для ВУЗов. М.: Аспект Пресс, 2001. 301с.

Белинская, Франтова 2017 – *Белинская Е.П., Франтова Д.К.* Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3 (9). С. 28–43.

Войскунский и др. 2013а – *Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Войскунский и др. 2013б – *Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. 2013. № 1. С. 66–83.

Горный 2004 – *Горный Е.А.* Онтология виртуальной личности // Бытие и язык. Материалы международной конференции. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2004. С. 78–88.

Козлова 2015 – *Козлова Н.С.* Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 118–121.

Концепции социализации 2010 – Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М., Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 284 с.

Подберезная 2005 – *Подберезная В.В.* Самопрезентация – элемент социально-психологической компетентности руководителя // Проблемы управления. 2005. № 3. С. 95–97.

Солдатова, Погорелов 2018 – Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124.

Шарина, Стенякова 2020 – Шарина К.А., Стенякова Н.Е. Феномен виртуальной идентичности // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 4 (32). С. 22–26.

References

Belinskaya, E.P. and Frantova, D.K. (2017), “Activity in virtual interaction as a factor in the construction of identity by users of social networks: intergenerational differences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 3 (9), pp. 28–43.

Belinskaya, E.P. and Tikhomandritskaya, O.A. (2001), *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. Uchebnoe posobie dlya VUZov* [Social psychology of personality. Textbook for universities], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Gornyi, E.A. (2004), “Ontology of the virtual personality”, *Bytie i yazyk. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Being and language. Materials of the international conference], Novosibirsk, Russia, pp. 78–88.

Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2010), *Kontseptsii sotsializatsii i individualizatsii v sovremennoi psikhologii* [Concepts of socialization and individualization in modern psychology], IG–SOTSIN, Obninsk, Moscow, Russia.

Kozlova, N.S. (2015), “Real and virtual identity”, *Sotsium i vlast'*, no. 2 (52), pp. 118–121.

Podbereznaia, V.V. (2005), “Self-presentation is an element of the manager's socio-psychological competence”, *Problemy upravleniya*, no. 3, pp. 95–97.

Sharina, K.A. and Stenyakova, N.E. (2020), “The phenomenon of virtual identity”, *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (32), pp. 22–26.

Soldatova, E.L. and Pogorelov, D.N. (2018), “The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem”, *Obrazovanie i nauka*, vol. 20, no. 5, pp. 105–124.

Voiskunskii, A.E., Evdokimenko, A.S. and Fedunina N.Yu. (2013a), “Network and real identity: a comparative study”, *Zhurnal Vyshei shkoly ehkonomiki*, vol. 10, no. 2, pp. 98–121.

Voiskunskii, A.E., Evdokimenko, A.S. and Fedunina, N.Yu. (2013 b), “Alternative identity in social networks”, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 1, pp. 66–83.

Информация об авторе

Мария О. Соболева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; maria.soboleva1988@gmail.com

Information about the author

Maria O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; maria.soboleva1988@gmail.com

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-24-40

Особенности переживания экзистенциального опыта и его связь с тревожностью в период пандемии COVID-19

Владимир А. Мохов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vltokhov@gmail.com*

Светлана Л. Бабушкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana.babushkina@gmail.com*

Аннотация. Пандемия коронавирусной инфекции стала настоящим потрясением, заставляя людей усомниться в базовом чувстве безопасности в мире и столкнуться с экзистенциальными данностями конечности жизни, одиночества, свободы и смысла жизни. Продолжающаяся эпидемия вызвала волну работ, посвященных механизмам эффективного совладения со стрессом в ситуации угрозы жизни и безопасности. При этом все больше ученых обращают внимание на экзистенциальный характер тревоги, порожденной пандемией, а последние результаты говорят об опосредующей роли экзистенциальной тревоги между симптомами посттравматического стресса и посттравматическим ростом. Цель работы – исследование особенностей переживания экзистенциального опыта и его связи с совладанием с тревогой в период пандемии. Был проведен анализ письменных интервью 108 респондентов в возрасте 25-45 лет, проходивших в период второй волны коронавируса в Москве, на представленность экзистенциальных тем смерти, одиночества, свободы и смысла. Выделены типы переживания экзистенциального опыта, предпринят эмпирический анализ связи особенностей переживания экзистенциального опыта с личностной тревожностью. По результатам исследования 90% респондентов прочувствовали одну или несколько экзистенциальных данностей, что может говорить о присутствии ненормативного экзистенциального кризиса. Обнаружена связь между развернутым чувственным экзистенциального опыта и наличием ресурса и успешным совладанием с переживанием стрессом в условиях пандемии. Обоснована необходимость включения фундаментальных экзи-

стенциальных вопросов в процесс оказания психологической помощи в период пандемии коронавируса, а также помощи лицам, испытавшим травматический опыт.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, экзистенциальный кризис, экзистенциальные данности, тревожность, стресс, пандемия, коронавирус, COVID-19

Для цитирования: Мохов В.А., Бабушкина С.Л. Особенности переживания экзистенциального опыта и его связь с тревожностью в период пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 24–40. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-24-40

Aspects of processing existential experience and its relationship with anxiety during the COVID-19 pandemic

Vladimir A. Mokhov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vlmokhov@gmail.com*

Svetlana L. Babushkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, svetlana.babushkina@gmail.com*

Abstract. The COVID-19 pandemic has been a real shock, forcing people to question the basic sense of security and face existential givens, such as finiteness of life, loneliness, freedom and meaning. The ongoing epidemic has sparked a wave of research on the mechanisms of effective stress coping in the situation of threat to life and safety. At the same time, more scientists are emphasizing the existential nature of anxiety caused by the pandemic, and the results of recent studies indicate a mediating role of existential anxiety between the symptoms of post-traumatic stress and post-traumatic growth. The purpose of this research is to study the aspects of processing existential experience and its connection with coping with anxiety during COVID-19 pandemic. The study analyzed written interviews of 108 subjects aged 25-45 years, held during the second wave of coronavirus in Moscow, for the presence of existential issues of death, loneliness, freedom and meaning. The types of processing existential experience were distinguished; an empirical analysis of the connection between the aspects of processing the existential experience and trait anxiety was carried out. Results showed that 90% of respondents are confronted with one or more existential given, which may indicate the presence of a situational existential crisis. A connection

has been found between an emotional processing of existential experience together with the availability of personal resources and successful stress coping during the pandemic. The necessity of including fundamental existential issues in the process of providing psychological help during the COVID-19 pandemic, as well as assistance to people, who have had traumatic experiences, has been argued.

Keywords: existential experience, existential crisis, existential givens, anxiety, stress, pandemic, coronavirus, COVID-19

For citation: Mokhov, V.A. and Babushkina, S.L. (2021), "Aspects of processing existential experience and its relationship with anxiety during the COVID-19 pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 24–40, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-24-40

Пандемия, продолжающаяся больше года, стала настоящим потрясением для многих людей, заставляя их усомниться в базовом чувстве безопасности в мире и столкнуться с экзистенциальными данностями конечности жизни, одиночества, свободы и смысла существования. Непосредственно пережитый многими людьми опыт болезни, собственной или близких, утраты близких, борьбы с тяжелыми последствиями заражения, а также наблюдение за опытом других людей актуализировали тему смерти и утраты [Воронов 2021]. Закрытие организаций и бизнесов, потеря работы или финансовые ограничения подняли до небывалого уровень неопределенности и страха за собственное выживание, резко повысили уровень экзистенциальной тревоги, с одной стороны, и привнесли депривацию в общении и включенности в социальные контексты, с другой [Blustein, Guarino 2020]. Введенные меры самоизоляции, ограничение свободы передвижения, переживание разрыва с близкими людьми из-за опасности пандемии и необходимость соблюдения ограничительных мер актуализировали темы одиночества и свободы. Многие люди встретились с чувством беспомощности и экзистенциальной вины, невозможности помочь близким. Повышенная осведомленность о неудачных мерах правительств разных стран по борьбе с пандемией могли подорвать доверие миру и веру в справедливое течение жизни [Hoffman 2020]. Беспрецедентный характер и широкое распространение пандемии лишило многих людей привычных способов структурирования жизни, ограничивая доступ к ресурсам и друг к другу. Согласно Д. Бластейну, повсеместная гибель людей может вызвать чувство утраты и горя сродни утрате и скорби, которые существовали после мировых войн XX века [Blustein, Guarino 2020]. Э. Кортни и Дж. Голденберг назвали пандемию глобальной инфекцией смертности, лично затронувшей каждого человека [Courtney et al. 2020].

Продолжающаяся пандемия коронавируса стала причиной волны исследований, посвященных механизмам совладения со стрессом в ситуации угрозы жизни и безопасности [Рассказова и др. 2020; Rogowska et al. 2021; Nelson, Bergeman 2020]. При этом все больше ученых обращают внимание на экзистенциальный характер тревоги, вызванной пандемией. Польский психолог К. Tomaszek сравнивает эпидемию коронавируса с экзистенциальным кризисом или травматическим опытом, который может привести к появлению или обострению психических расстройств, потере смысла и удовлетворенности жизнью. Он также отмечает возможный положительный эффект переживания экзистенциальной тревоги для раскрытия человеческого потенциала, ссылаясь на исследование, подтвердившее опосредующую связь экзистенциальной тревоги между симптомами посттравматического стресса и посттравматическим ростом за счет запуска процесса смыслообразования [Callely 2017]. К. Tomaszek провел исследование во время разгара первой волны эпидемии коронавируса в Польше, обнаружив влияние посттравматического стрессового расстройства на посттравматический рост, опосредованное экзистенциальной тревогой и уровнем удовлетворенности жизнью [Tomaszek, Muchacka-Symerman 2020].

Позитивные личностные изменения в результате конфронтации с экзистенциальными данностями описаны многими экзистенциальными психологами и исследователями такими, как И. Ялом, Дж. Гринберг, С. Куул, М. Темпл, Н.В. Гришина [Ялом 1999; Koole et al. 2006; Temple, Gall 2016; Гришина 2018]. Опираясь на практический опыт работы во время пандемии, Л. Хофман перечислил экзистенциальные темы, актуализированные в опыте клиентов по мере продолжения эпидемии, включающие экзистенциальную вину и смыслоутрату, экзистенциальную тревогу и изоляцию. Согласно психологу, последствия эпидемии оказывают значительное влияние на жизни многих людей, а процесс восстановления после переживания кризиса может занимать много месяцев или годы. Под «восстановлением» Л. Хофман понимает не восстановление состояния до бедствия, а обретение нового состояния, интегрирующего пережитый опыт, что можно рассматривать как посттравматический рост [Hoffman 2020, с. 43].

А. Блэнд также приглашает рассмотреть пандемию в контексте возможностей, как для личного, так и для коллективного роста через совместное создание нового культурного нарратива, основанного на осознанности и взаимной заботе. Так, ситуация угрозы жизни и безопасности может служить платформой для принятия непостоянства жизни, преодоления эгоцентричной зам-

кнутости на себе и развитие большего чувства сострадания и взаимной связи с другими людьми. Социальное дистанцирование предоставляет шансы для замедления и переживания универсальной данности экзистенциального одиночества, что может помочь почувствовать глубокую причастность к миру и желание действовать в интересах общества, а также развитию сострадания к себе и другим. Психолог применяет феноменологический процесс извлечения смысла Р. Баргдила при переживании кризисной ситуации для иллюстрации возможности проявления более эффективных способов жизни и поведения в условиях пандемии [Bland 2020].

Экзистенциальный опыт является результатом переживания человеком экзистенциальных проблем смерти, свободы, одиночества и смысла. Он определяет базовое представление человека о мире и является ценностно-смысловым регулятором его поведения на разных уровнях жизнедеятельности, влияя на ход всей жизни [Гришина 2015; Знаков 2014]. Основной структурный элемент экзистенциального опыта – переживание. Л.Р. Фахрутдинова разработала теорию переживания, описывающую психологический механизм формирования субъективного, в том числе экзистенциального, опыта. Экзистенциальный опыт, наделяя впечатления глубоким личностным смыслом, может привести к изменению восприятия мира, а также сущности самой личности [Фахрутдинова 2013].

В данном исследовании мы анализировали письменные интервью респондентов, проводившиеся в период второй волны пандемии коронавируса в Москве, на представленность и особенности переживания экзистенциальных тем смерти, одиночества, свободы и смысла, с дальнейшей эмпирической проверкой связи особенностей переживания экзистенциального опыта с личностной тревожностью.

Выборка. В исследовании приняли участие 108 человек, из них 87 женщин и 21 мужчина. Возрастной диапазон - от 25 до 45 лет (средний возраст 35).

Методы. Для исследования особенностей переживания экзистенциального опыта было проведено письменное интервью. Респондентам предлагалось развернуто описать 3–5 значимых или примечательных события, произошедших с ними за последний год, а также включить эмоциональное отношение к пережитым событиям.

Для исследования уровня тревожности была использована «Шкала личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю.Л. Ханина [Сергиенко и др. 2003]. Шкала направлена на диагностику тревожности как устойчивой личностной черты,

проявляющейся в поведении и отношении человека к разным событиям на протяжении последних месяцев (не менее шести).

Сбор данных проводился анонимно онлайн (Google Forms) с декабря 2020 г. по март 2021 г. Цели исследования сообщались участникам в общем виде.

Методы обработки данных. Для анализа письменных интервью респондентов на представленность экзистенциальных тем, а также выделения особенностей переживания экзистенциального опыта был проведен контент-анализ данных. Для анализа связи особенностей переживания экзистенциального опыта с личностной тревожностью использовались методы статистической обработки с помощью IBM SPSS Statistics 23.

Анализ переживания экзистенциального опыта

Опираясь на клинический опыт работы с экзистенциальными данностями И. Ялома, детально описанный им в виде практических кейсов [Ялом 1999], письменные интервью респондентов были проанализированы на представленность экзистенциальных данностей, а в случае наличия тем смерти, свободы, одиночества и смысла – на способ их переживания (осознанный или неосознанный).

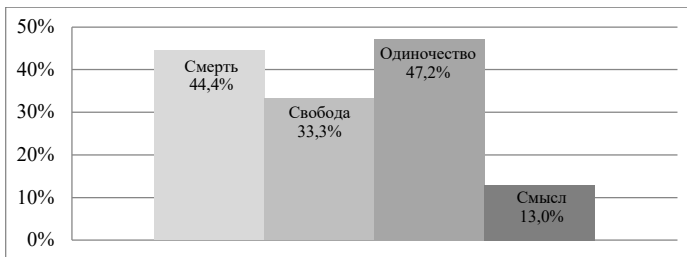

Рис. 1. Представленность экзистенциальных тем в письменных интервью респондентов в процентах от выборки (осознанное и неосознанное проживание)

Анализ письменных интервью респондентов показал, что в опыте 90% респондентов актуализирована одна или несколько экзистенциальных данностей. 10% респондентов предоставили недостаточно информации для оценки наличия экзистенциальных вопросов или не упоминали темы смерти, свободы, одиночества и смысла в описании значимого опыта. 51 респондент переживает тему одиночества (из них 26 осознанно и 25 неосознанно), 48 человек переживают тему смерти (из них 25 неосознанно, 23 осознанно), 36 человек переживают тему свободы-ответственности (из них 19 осознанно и 17 неосознанно), 14 человек переживают тему смысла жизни (из них 10 осознанно и 4 неосознанно).

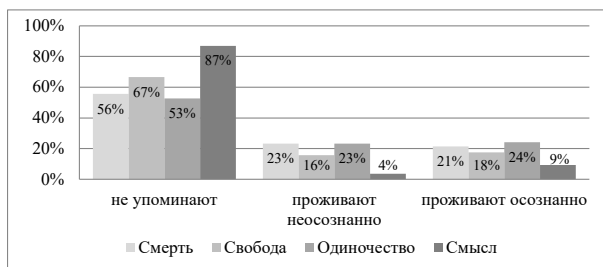

Рис. 2. Способ переживания экзистенциальных тем в процентах от выборки

Выделение типов переживания экзистенциального опыта

Следующим этапом исследования стало выделение типов переживания экзистенциального опыта с помощью контент-анализ письменных интервью респондентов. Опираясь на исследовательские работы Д.А. Леонтьева [Леонтьев 1999] и М. Cohn, J. Pennebaker [Cohn et al. 2003], для анализа значимого опыта респондентов были выделены категории и соответствующие им лингвистические маркеры. Основными критериями стали наличие развернутых чувственных переживаний и рефлексии опыта, а также наличие эмоциональных ресурсов. В соответствии с описанными категориями нами были выделены четыре группы с разным типом переживания экзистенциального опыта.

Группа с *развернутым переживанием опыта и наличием ресурсов (РР)* характеризуется наличием развернутых чувственных переживаний и/или рефлексией описываемого опыта, а также наличием эмоциональных ресурсов, выраженных в преобладании позитивных переживаний и позитивной оценке опыта и наличием активной позиции респондента по отношению к жизни.

Группа с *развернутым переживанием опыта и дефицитом ресурсов (РД)* характеризуется наличием развернутых чувственных переживаний и/или рефлексией описываемого опыта и дефицитом эмоциональных ресурсов, выраженных в преобладании негативных чувственных переживаний и негативной оценке опыта, а также наличием пассивной позиции респондента по отношению к жизни.

Группа с *кратким описанием опыта и наличием ресурсов (КР)* характеризуется событийным описанием значимого опыта, отсутствием или дефицитом чувственных переживаний и/или рефлексии опыта, а также наличием эмоциональных ресурсов, выраженных в преобладании позитивного опыта и наличием активной позиции респондента по отношению к жизни.

Группа с *кратким описанием опыта и дефицитом ресурсов (КД)* характеризуется событийным описанием значимого опыта, отсут-

ствием или дефицитом чувственных переживаний и/или рефлексии опыта, дефицитом эмоциональных ресурсов, выраженных в преобладании негативного опыта, а также наличием пассивной позиции респондента по отношению к жизни.

Описание групп с разным типом переживания экзистенциального опыта

Группа РР представлена 45 респондентами (средний возраст 34,5), из них 36 женщин и 9 мужчин. Группа РД включает 32 респондента (средний возраст 34), из них 27 женщин и 5 мужчин. Группа КР представлена 19 респондентами (средний возраст 35), из них 14 женщин и 5 мужчин. Группа КД включает 12 респондентов (средний возраст 37), из них 10 женщин и 2 мужчины.

Анализ переживаемых экзистенциальных данностей в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта

Смерть. В группе с развернутым типом переживания опыта и наличием ресурсов (РР) 27 человек не упоминают тему смерти, 18 человек переживают тему смерти (из них 10 осознанно и 8 неосознанно). В группе с развернутым типом переживания значимого опыта и дефицитом ресурсов (РД) 11 человек не упоминают тему смерти, 21 человек переживает тему смерти (из них 9 осознанно и 12 неосознанно). В группе с кратким описанием значимого опыта и наличием ресурсов (КР) 16 человек не упоминают тему смерти, 3 человека переживают тему смерти неосознанно. В группе с кратким описанием значимого опыта и дефицитом ресурсов 6 человек не упоминают тему смерти, 6 человек переживают тему смерти (из них 4 осознанно и 2 неосознанно).

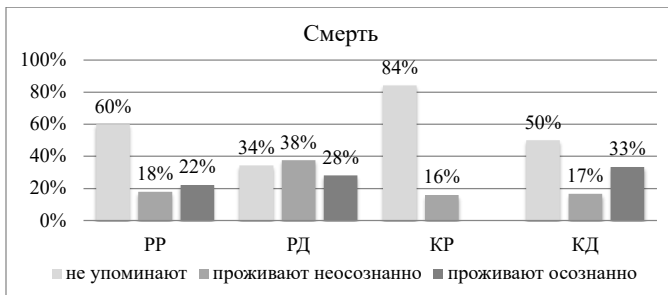

Рис. 3. Способ переживания темы смерти в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта в процентах от группы

Одиночество. В группе с развернутым переживанием значимого опыта и наличием ресурсов (РР) 24 человек не упоминают тему

одинокости, 21 человек переживает тему одиночества (из них 14 осознанно и 7 неосознанно). В группе с развернутым переживанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (РД) 9 человек не упоминают тему одиночества, 23 человека переживают тему одиночества (из них 12 осознанно и 11 неосознанно). В группе с кратким описанием значимого опыта и наличием ресурсов (КР) 13 человек не упоминают тему одиночества, 6 человек переживают тему одиночества неосознанно. В группе с кратким описанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (КД) 11 человек не упоминают тему одиночества, 1 человек переживает тему одиночества неосознанно.

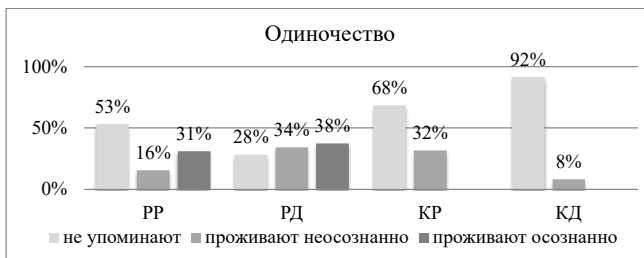

Рис. 4. Способ переживания темы одиночества в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта в процентах от группы

Свобода. В группе с развернутым переживанием значимого опыта и наличием ресурсов (РР) 22 человека не упоминают тему свободы, 23 человека переживают тему свободы (из них 14 осознанно и 9 неосознанно). В группе с развернутым переживанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (РД) 25 человек не упоминают тему свободы, 7 человек переживают тему свободы (из них 5 осознанно и 2 неосознанно). В группе с кратким описанием значимого опыта и наличием ресурсов (КР) 16 человек не упоминают тему свободы, 3 человека переживают тему свободы неосознанно. В группе с кратким описанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (КД) 9 человек не упоминают тему свободы, 3 человека переживают тему свободы неосознанно.

Смысл. В группе с развернутым переживанием значимого опыта и наличием ресурсов (РР) 37 человек не упоминают тему смысла, 8 человек переживают тему смысла (из них 5 осознанно и 3 неосознанно). В группе с развернутым переживанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (РД) 26 человек не упоминают тему смысла, 6 человек переживают тему смысла (из них 5 осознанно и 1 неосознанно). В группах с кратким описанием значимого опыта и наличием ресурсов (КР) и группе с кратким описанием значимого опыта и дефицитом ресурсов (КД) испытуемые не упоминают тему смысла.

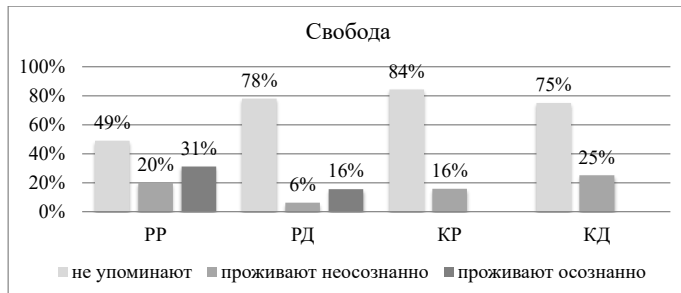

Рис. 5. Способ переживания темы свободы в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта в процентах от группы

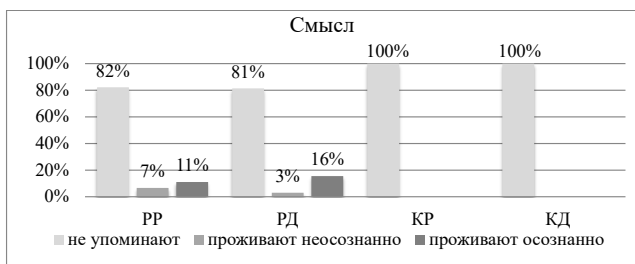

Рис. 6. Способ переживания темы смысла в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта в процентах от группы

Таким образом, самыми актуализированными в опыте респондентов экзистенциальными данностями стали темы одиночества и смерти. Наиболее редко упоминаемая – тема смысла жизни. Мы использовали критерий хи-квадрат Пирсона для оценки значимости отличий между группами развернуто переживающих экзистенциальный опыт с наличием или дефицитом ресурсов (PP и PD) по способу переживания темы одиночества и смерти, показавший существенно более частое переживание темы одиночества ($p=0,05$) и тенденцию, не достигающую статистической значимости ($p=0,07$), к более частому переживанию темы смерти в группе с развернутым типом переживания экзистенциального опыта и дефицитом ресурсов (PD). В группе кратко описывающих значимый опыт и имеющих дефицит ресурсов (KD) респонденты переживают осознанно только тему смерти. В группе кратко описывающих значимый опыт и имеющих ресурсы (KP) респонденты либо не упоминают экзистенциальные тем, либо проживают их неосознанно.

Анализ связи особенностей переживания экзистенциального опыта с личностной тревожностью

Для анализа связи особенностей экзистенциального опыта с личностной тревожностью было проведено сравнение результатов опросника «Шкала личностной тревожности» Ч.Д. Спилберга, в адаптации Ю.Л. Ханина [Сергиенко и др. 2003] по критерию Манна-Уитни в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта. В качестве нормы взят верхний предел, отвечающий умеренной личностной тревожности, в соответствии с диагностическими критериями, предоставленными авторами методики.

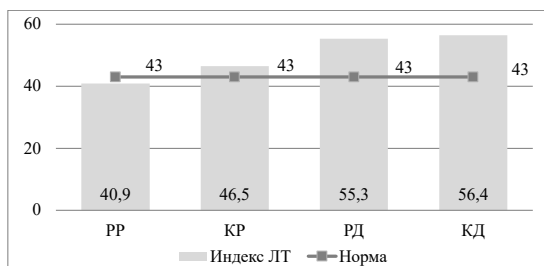

Рис. 7. Показатель личностной тревожности шкалы личностной тревожности Ч.Д. Спилберга в изучаемых группах, средние

Индекс личностной тревожности в группе с развернутым переживанием экзистенциального опыта и наличием ресурсов (РР) соответствует умеренному уровню тревожности, в остальных группах – высокому.

Уровень личностной тревожности в группе с развернутым переживанием экзистенциального опыта и наличием ресурсов (РР) значимо ниже уровня тревожности в группе с кратким описанием значимого опыта и наличием ресурсов (КР) ($p < 0,05$). Анализ личностной тревожности в группах РД и КД с дефицитом ресурсов, отличающихся в части развернутости переживания опыта, не показал значимых отличий между группами. В группе с развернутым переживанием опыта и наличием ресурса (РР) уровень личностной тревожности значимо ниже по сравнению с группой с развернутым переживанием опыта и дефицитом ресурсов (РД) ($p < 0,01$). В группе с кратким описанием опыта и наличием ресурса (КР) уровень личностной тревожности значимо ниже по сравнению с группой с кратким описанием опыта и дефицитом ресурсов (КД) ($p < 0,01$). В группе с кратким описанием опыта и наличием ресурса (КР) уровень личностной тревожности значимо ниже по сравнению с группой с развернутым переживанием опыта и дефицитом ресурсов (РД) ($p < 0,01$). В группе с развернутым переживанием опыта и

наличием ресурса (РР) уровень личностной тревожности значимо ниже по сравнению с группой с кратким описанием опыта и дефицитом ресурсов (КД) ($p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Более половины респондентов демонстрируют высокий уровень тревожности (58,3%). Согласно контент-анализу письменных интервью, 90% респондентов переживают одну или несколько экзистенциальных данностей, что может говорить о присутствии ненормативного экзистенциального кризиса. Это свидетельствует о том, что, помимо работы со стрессовым совладанием, психологическая помощь в период пандемии коронавируса должна включать экзистенциальные вопросы смерти, одиночества, свободы и смысла. В более широком смысле это также может говорить о том, что после переживания травматической ситуации, связанной с угрозой жизни и безопасности, люди к тому же переживают экзистенциальный кризис, включающий страх смерти, экзистенциальную вину и смыслоутрату, что подтверждает необходимость включения фундаментальных экзистенциальных вопросов в процесс оказания психологической помощи лицам, пережившим травматический опыт. Высказанное предположение согласуется с данными зарубежных исследований последнего года [Hoffman 2020; Tomaszek, Muchacka-Cymerman 2020].

Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов имеют умеренный уровень личностной тревожности, респонденты с другими типами переживания экзистенциального опыта - высокий уровень тревожности. Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов имеют значимо более низкий уровень личностной тревожности по сравнению с респондентами с кратким типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов. Полученные данные могут говорить о том, что повышенная тревога в условиях пандемии связана как с отсутствием ресурсов, необходимых для переживания актуализированного экзистенциального опыта, так и отсутствием доступа к чувственным переживаниям и рефлексии опыта. Способность к развернутому чувственному переживанию экзистенциального опыта и наличие ресурса помогает успешному совладанию со стрессом в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Согласно анализу представленности экзистенциальных данностей, темы смерти и одиночества значимо чаще встречаются в интервью респондентов с развернутым типом переживания опыта и дефицитом ресурсов по сравнению с респондентами с разверну-

тым типом переживания опыта и наличием ресурсов. Это говорит о важности ресурсов в процессе переживания экзистенциальных данностей для успешного совладания со стрессом в условиях пандемии. Согласно И. Ялomu, конфронтация с данностями бытия болезненна, однако может привести к исцелению и личностному росту [Ялом 1999]. Это также согласуется с эмпирическими исследованиями, отмечающими опосредующую связь экзистенциальной тревоги с симптомами посттравматического стресса и посттравматическим ростом за счет запуска процесса смыслообразования [Callely 2017]. При этом более тяжелые посттравматические симптомы, вызванные пандемией, опосредованные удовлетворенностью жизни, связаны с большим посттравматическим ростом [Tomaszek, Muchacka-Sumerman 2020]. В контексте осуществления психологической помощи, это свидетельствует о важности эмоциональной поддержки клиента в переживании экзистенциального опыта. Для оказания эффективной психологической помощи в работе с экзистенциальной тревогой терапевты должны быть готовы проделать собственную внутреннюю работу.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении программы оказания психологической помощи в период эпидемии коронавирусной инфекции, а также в кризисных ситуациях и работе с травмой.

Выводы

1. Согласно контент-анализу письменных интервью, 90% респондентов переживают одну или несколько экзистенциальных данностей, что может говорить о присутствии ненормативного экзистенциального кризиса.

2. Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов имеют умеренный уровень личностной тревожности, респонденты с другими типами переживания экзистенциального опыта - высокий уровень тревожности. Развернутое переживание экзистенциального опыта и наличие ресурсов положительно связаны с более низким уровнем личностной тревожности.

3. Темы смерти и одиночества значимо чаще встречаются в интервью респондентов с развернутым типом переживания опыта и дефицитом ресурсов по сравнению с респондентами с развернутым типом переживания опыта и наличием ресурса. Это может говорить о значимости ресурса в процессе переживания экзистенциальных данностей для успешного совладания со стрессом в период пандемии. В контексте же осуществления психологической помощи это свидетельствует о важности включения экзистенциальных вопросов в процесс оказания психоло-

гической помощи в ситуациях неопределенности, угрозы жизни и безопасности.

Ограничения исследования. Ограничением является недостаточная численность и территориальный охват выборки, неоднородность полового состава респондентов, а также отсутствие экспертной группы в части проведения качественного анализа материалов исследования.

Литература

- Воронов 2021 – *Воронов В.М.* Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал Фронтальных Исследований. 2021. № 1. С.41–68.
- Гришина 2015 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 42 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 3 июля 2021).
- Гришина 2018 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2018.
- Знаков 2014 – Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
- Леонтьев 1999 – *Леонтьев Д.А.* Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М.: Смысл, 1999.
- Рассказова и др. 2020 – *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. № 2 (28). С. 90–108.
- Сергиенко и др. 2003 – *Сергиенко С.К., Бодров В.А., Писаренко Ю.Э.* Практикум по инженерной психологии и эргономике: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Л.П. Стрелкова. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- Фахрутдинова 2013 – *Фахрутдинова Л.Р.* Переживание, впечатление и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Под ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 455.
- Ялом 1999 – *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
- Bland 2020 – *Bland A.* Existential Givens in the COVID-19 Crisis // Journal of Humanistic Psychology. 2020. Vol. 60 (5). P. 710–724.
- Blustein, Guarino 2020 – *Blustein D., Guarino P.* Work and Unemployment in the Time of COVID-19: The Existential Experience of Loss and Fear // Journal of Humanistic Psychology. 2020. Vol. 60 (5). P. 702–709.
- Callely 2017 – *Callely N.* Overcoming Trauma: Utilizing Existential Anxiety to Stimulate Posttraumatic Growth [Электронный ресурс] // College of Social and Behavioral Sciences. 2017. no. 1. URL: <https://scholarworks.lib.csusb.edu/meeting-minds/2017/oral-pres-full/62/> (дата обращения 3 июля 2021).
- Cohn et al. 2003 – *Cohn M., Mehl M., Pennebaker J.* Linguistic Markers of Psychological Change Surrounding September 11, 2001 // Psychological Science. 2003. Vol. 15 (3). P. 687–693.

Courtney et al. 2020 – Courtney E., Goldenberg J., Boyd P. The contagion of mortality: A terror management health model for pandemics [Электронный ресурс] // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 59 (3). P. 607–617. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7323320/> (дата обращения 3 июля 2021).

Hoffman 2020 – Hoffman L. Existential–Humanistic Therapy and Disaster Response: Lessons From the COVID-19 Pandemic // *Journal of Humanistic Psychology*. 2020. Vol. 61 (1). P. 33–54.

Koole et al. 2006 – Koole S., Greenberg J., Pyszczynski T. Introducing Science to the Psychology of the Soul // *Current Directions in Psychological Science*. 2006. Vol. 5 (5). P. 212–216.

Nelson, Bergeman 2021 – Nelson N., Bergeman C. Daily Stress Processes in a Pandemic: The Effects of Worry, Age, and Affect // *Gerontologist*. 2021. Vol. 61(2). P. 196–204.

Rogowska et al. 2021 – Rogowska A., Kusnierz C., Ochnik D. Changes in Stress, Coping Styles, and Life Satisfaction between the First and Second Waves of the COVID-19 Pandemic: A Longitudinal Cross-Lagged Study in a Sample of University Students // *Journal Of Clinical Medicine*. 2021. Vol. 10. P. 1–21.

Temple, Gall 2016 – Temple M., Gall T. Working through existential anxiety towards authenticity: a spiritual journey of making meaning // *Journal of Humanistic psychology*. 2016. Vol. 58 (2). P. 1–26.

Tomaszek, Muchacka-Cymerman 2020 – Tomaszek K., Muchacka-Cymerman A. Thinking about My Existence during COVID-19, I Feel Anxiety and Awe – The Mediating Role of Existential Anxiety and Life Satisfaction on the Relationship between PTSD Symptoms and Post-Traumatic Growth // *International Journal of Environmental research and Public health*. 2020. Vol. 17. P. 1–13.

References

Bland, A. (2020), “Existential Givens in the COVID-19 Crisis”, *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 60 (5), pp. 710–724.

Blustein, D. and Guarino, P. (2020), “Work and Unemployment in the Time of COVID-19: The Existential Experience of Loss and Fear”, *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 60 (5), pp. 702–709.

Callely, N. (2017), “Overcoming Trauma: Utilizing Existential Anxiety to Stimulate Posttraumatic Growth”, *College of Social and Behavioral Sciences* [Electronic], available at: <https://scholarworks.lib.csusb.edu/meeting-minds/2017/oral-pres-full/62/> (Accessed 3 July 2021).

Cohn, M., Mehl, M. and Pennebaker, J. (2003), “Linguistic Markers of Psychological Change Surrounding September 11, 2001”, *Psychological Science*, vol. 15 (3), pp. 687–693.

Courtney, E., Goldenberg, J. and Boyd, P. (2020), “The contagion of mortality: A terror management health model for pandemics”, *British Journal of Social Psychology*, [Electronic], vol. 59 (3), pp. 607–617, available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7323320/> (Accessed 3 July 2021)

Fakhrutdinova, L.R. (2013), *Perezhivanie, vpechatlenie i ehkzistentsial'nyi opyt. Chelovek, sub'ekt, lichnost' v sovremennoi psikhologii. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu A.V. Brushlinskogo* [Impression, processing, and

existential experience. Man, subject, personality in modern psychology. Materials of the International Conference dedicated to the 80th anniversary of A.V. Brushlinsky], Institut psikologii RAN, Moscow, Russia.

Grishina, N.V. (2015), "Existential psychology in search of development vector", *Psikhologicheskie issledovaniya*, [Electronic], no. 42 (8), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 3 July 2021).

Grishina, N.V. (2018), *Ehkzistentsial'naya psikhologiya* [Existential Psychology], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia.

Hoffman, L. (2020), "Existential–Humanistic Therapy and Disaster Response: Lessons From the COVID-19 Pandemic", *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 61 (1), pp. 33–54.

Koole, S., Greenberg, J. and Pyszczynski, T. (2006), "Introducing Science to the Psychology of the Soul", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 5 (5), pp. 212–216.

Leont'ev, D.A. (1999), *Metodika predel'nykh smyslov (MPS): Metodicheskoe rukovodstvo* [Ultimate Meaning Technique (MPS): Methodological Guide], Smysl, Moscow, Russia.

Nelson, N. and Bergeman, C. (2021), "Daily Stress Processes in a Pandemic: The Effects of Worry, Age, and Affect", *Gerontologist*, vol. 61 (2), pp. 196–204.

Rasskazova, E.I., Leont'ev, D.A. and Lebedeva, A.A. (2020), "Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping", *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, no. 2 (28), pp. 90–108.

Rogowska, A., Kusnierz, C. and Ochnik, D. (2021), "Changes in Stress, Coping Styles, and Life Satisfaction between the First and Second Waves of the COVID-19 Pandemic: A Longitudinal Cross-Lagged Study in a Sample of University Students", *Journal Of Clinical Medicine*, vol. 10, pp. 1–21.

Sergienko, S.K., Bodrov, V.A. and Pisarenko, U.E. (2003), *Praktikum po inzhenernoi psikhologii i ehrgonomike: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshihkh uchebnykh zavedenii* [Workbook on engineering psychology and ergonomics: Textbook. university student manual], Akademiya, Moscow, Russia.

Temple, M. and Gall, T. (2016), "Working through existential anxiety towards authenticity: a spiritual journey of making meaning", *Journal of Humanistic psychology*, vol. 58 (2), pp. 1–26.

Tomaszek, K. and Muchacka-Cymerman, A. (2020), "Thinking about My Existence during COVID-19, I Feel Anxiety and Awe – The Mediating Role of Existential Anxiety and Life Satisfaction on the Relationship between PTSD Symptoms and Post-Traumatic Growth", *International Journal of Environmental research and Public health*, vol. 17, pp. 1–13.

Voronov, V.M. (2021), "The COVID-19 Pandemic as an Existential and Cultural Event: Groups, New Cultural Boundaries, and the Phenomenon of Mood (a Sase Study of the Russian Society)", *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, no. 1, pp. 41–68.

Yalom, I. (1999), *Ehkzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential Psychotherapy], Klass, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. (2014), "Theoretical foundations of the psychology of understanding the multidimensional world of man", *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 16–29.

Информация об авторах

Владимир А. Мохов, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *vlmokhov@gmail.com*

Светлана Л. Бабушкина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *svetlana.babushkina@gmail.com*

Information about authors

Vladimir A. Mokhov, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *vlmokhov@gmail.com*

Svetlana L. Babushkina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *vetlana.babushkina@gmail.com*

Досуг в структуре жизнеспособности двух поколений москвичей

Татьяна П. Емельянова

*Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru*

Семен В. Тарасов

*Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия, sementarasovnas@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению предпочитаемой досуговой активности двух возрастных групп москвичей и выявлению связи этих предпочтений с другими социально-психологическими параметрами их жизнеспособности. Выборка включала 258 респондентов двух возрастных групп: 18-35 лет – 158 респондентов и 61-84 года – 100 респондентов. Использовались методики: ценностных ориентаций, авторские опросники предпочтений досуговой активности, социальной ответственности, оценки позитивного и негативного восприятия городской среды, «шкала идентификации с городом» М. Лалли. Обнаружено, что выбор досуга характеризуется развлекательной направленностью в обеих группах, но его культурно-образовательный вид – посещение выставок, музеев, театров – характерен в большей степени для старшего поколения. Молодежь чаще практикует на досуге посещение кафе, баров, ресторанов, а также шопинг и экстремальные развлечения, что связано с переживанием стресса в городе. Отмечается роль позитивного восприятия города (городские праздники и др.) в выборе досуга. Дефицит ответственности интернального типа у молодежи может быть связан как с недостаточностью временных ресурсов, с общей гедонистической направленностью досуга, так и с неверием в свою способность повлиять на решение городских проблем.

Ключевые слова: жизнеспособность горожан, большие социальные группы, поколенческий анализ, досуговая активность, ценностные ориентации, социальная ответственность

Для цитирования: Емельянова Т.П., Тарасов С.В. Досуг в структуре жизнеспособности двух поколений москвичей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. №4. С. 41–49. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-41-49

Leisure in the structure of viability of two generations of Muscovites

Tatyana P. Emelyanova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru*

Semyon V. Tarasov

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, sementarasovcas@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to comparing the preferred leisure activity of the two age groups of Muscovites and to identifying the connection of these preferences with other socio-psychological parameters of their viability. The sample consisted of 258 respondents with two age groups: 158 aged 18-35 and 100 aged 61-84. Methods were used: value orientations, author's questionnaires of preferences for leisure activity, social responsibility, evaluation of positive and negative perception of urban environment, «scale of urban identity» M. Lalli. It is found that leisure choices are characterized by entertainment in both groups, but its cultural and educational appearance – visiting exhibitions, museums, theatres – is more characteristic of the older generation. Young people are more likely to engage in leisure activities such as cafés, bars, restaurants, shopping and extreme entertainment, which are related to the stress of the city. The role of positive perception of the city – city holidays, etc. - in the choice of leisure activities is noted. A lack of internal responsibility among young people may be related both to a lack of time, to a general hedonic focus of leisure, and to a lack of confidence in their ability to influence urban solutions.

Keywords: urban viability, large social groups, generational analysis, leisure activities, values, social responsibility

For citation: Emelyanova, T.P. and Tarasov, S.V. (2021), “Leisure in the structure of viability of two generations of Muscovites”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 41–49, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-41-49

Введение

Проблема жизнеспособности горожан в мегаполисе не теряет своей актуальности, а, напротив, становится все более насущной в связи с психологическими перегрузками жителей столицы. Они могут компенсироваться рекреационным потенциалом, которым располагает мегаполис. Разнообразные возможности проведения досуга, его оптимальное использование жителями

является одним из факторов жизнеспособности горожан. Наличие этих возможностей повышает жизнеспособность, т.е. способность противостоять разрушительным факторам среды и возможность устойчивого развития в условиях города жителей - представителей различных социальных групп. Сравнительный поколенческий анализ двух, в своем роде контрастных, возрастных групп – представителей поколений «дедов» и «внуков» – позволит выявить роль досуговой активности в структуре жизнеспособности разных поколений.

Обзор литературы

В науке утвердилось понимание того, что жизнеспособность – это сложный конструкт, и его можно определять по-разному в контексте жизни отдельных людей, семей, организаций, обществ и культур [Southwick et al. 2014]. Понятие жизнеспособности, в том числе, представляется перспективным для изучения ресурсов, обеспечивающих продуктивное и проактивное начало в жизнедеятельности больших социальных групп городских жителей. Исследовались такие ее элементы, как вера в лучшее будущее и надежда, ответственность перед будущими поколениями, активная деятельность на благо общества, городская идентичность, рекреационная активность в городе и роль природных объектов в нем [Lalli 1992; Vale, Campanella 2005; Нестик 2016; Menardo et al. 2019]. Р. Ольденбург предполагает, что для психологически благополучного существования граждане должны жить в балансе трех сфер: семейной жизни, рабочего места и мест для общения [Oldenburg, 1999]. Встает вопрос: в какой мере потребность жителей современного города в подобной форме проведения досуга зависит от эпохи, культуры, образа жизни, поколенческих особенностей? В этом плане обращает на себя внимание ряд работ, посвященных досугу современной молодежи. В них показано, что молодые горожане чаще выбирают не просоциальные формы досуга, их досуговая активность направлена скорее на самореализацию и получение пользы для себя, чем на пользу окружающим [Воробьева, Акбарова 2020].

Свойственна ли подобная направленность досуговой активности представителям других поколений москвичей? Малоизученным остается вопрос о досуговой активности старшего поколения москвичей – связана ли она с другими социально-психологическими элементами жизнеспособности. Эти вопросы обусловили постановку цели нашего исследования: провести сопоставление предпочитаемой досуговой активности у двух возрастных групп москвичей и выявить ее роль в ряду других социально-психологических параметров жизнеспособно-

сти. На основании результатов предшествующих исследований для анализа были выбраны такие элементы жизнеспособности, как ценностные ориентации, ответственность, готовность к активной деятельности в жизни города, городская идентичность. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи. Первая задача – анализ различий элементов жизнеспособности двух групп горожан. Вторая задача – выявление связи вида досуга с другими социально-психологическими элементами жизнеспособности в двух группах горожан.

Программа исследования

Для реализации цели нашего исследования был проведен опрос жителей Москвы. Выборка включала 258 респондентов, представленных двумя возрастными группами. В первую группу, молодежь, вошли горожане от 18 до 35 лет – 158 респондентов (73 мужчины и 85 женщин), проживающих во всех административных округах Москвы, в большинстве неженатые (60,1%). 45% респондентов данной группы указали, что родились в Москве, 28,5% проживают в городе от 5 до 20 лет.

Вторая группа, люди старшего возраста, состояла из горожан от 61 до 84 лет – 100 респондентов (52 мужчины и 48 женщин), жителей разных административных округов Москвы, имеющих средний и высокий уровень дохода, в большинстве женатых (62%). 85% указали, что родились в Москве или проживают свыше 20 лет. Больше половины группы имеют высшее образование (75%), ученую степень имеют 17% респондентов, большинство является неработающими пенсионерами (72%).

Были применены следующие методики: методика ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой [Фанталова 2001], шкала идентификации с городом [Lalli 1992], опросник предпочитаемых видов досуга и оценки позитивного и негативного восприятия городской среды был составлен авторами на основе проведенного ранее контент-анализа интервью. Опросник «Ответственность горожан» (разработка Т.В. Дробышевой) был построен по результатам анализа высказываний москвичей разного возраста пользователей ресурса «Яндекс.Район» [Дробышева 2020]. Краткий авторский опросник «Готовность к активному участию в жизни города» (разработка С.В. Тарасова) также создан на материале ресурса «Яндекс. Район».

Статистический анализ данных включал: частотный анализ, применение непараметрического критерия U Манна-Уитни и коэффициент корреляции r_s Спирмена.

Результаты исследования

Для решения первой задачи был предпринят анализ различных элементов жизнеспособности двух групп горожан, для этого проводился статистический анализ (U Манна-Уитни, $p \leq 0,05$). Результаты показали, что группы различаются по социальной ответственности, готовности к проявлению активности для блага города, идентификации с городом проживания, негативного восприятия городской среды и выбора форм досуга. Так в группе молодежи выше, чем в группе горожан старшего возраста, выражено повседневное переживание стресса ($p=0,001$), выбор в качестве досугового времяпрепровождения шопинга ($p=0,023$), обеда в кафе или ресторане ($p=0,000$) и экстремальных развлечений (полеты в аэротрубе, на планере, квест-игры, и т.п.) ($p=0,000$). В группе горожан старшего возраста более, чем в группе молодежи, представлен общий уровень идентификации с городом ($p=0,000$), а также такие его отдельные сферы, как общая привязанность ($p=0,000$), связь с прошлым ($p=0,000$), восприятие близости ($p=0,000$) и целеполагание ($p=0,000$). У возрастных жителей столицы чаще встречается интернальный тип социальной ответственности ($p=0,000$) и готовность к проявлению активности на уровне своего района/округа ($p = 0,008$).

Для решения второй задачи выявлялись связи вида досуга с другими социально-психологическими элементами жизнеспособности в двух группах горожан. В первой группе корреляционный анализ показал (при $p \leq 0,05$ или $p \leq 0,01$), что выбор в качестве досуга посещения торгового центра для шопинга связан с категориями позитивного восприятия города - «наличие большого выбора магазинов», «культурный отдых» и «городские праздники», с ними также связан выбор экстремальных развлечений. Вид досуга «посидеть в кафе, вкусно поесть в ресторане» обусловлен теми же категориями и категорией негативного восприятия города «переживание повседневного стресса».

Во второй группе проведенный корреляционный анализ показал следующее (при $p \leq 0,05$ или $p \leq 0,01$). Выбор посещения торгового центра для шопинга положительно связан с категориями позитивного восприятия городской среды – «ресурс для развития», «культурный отдых» и «городские праздники» – и шкалами идентификации с городом – «общая привязанность», «связь с прошлым» и «восприятие близости». Вид досуга – «посидеть в кафе, вкусно поесть в ресторане» – со шкалами идентификации с городом – «общая привязанность», «восприятие близости» и «целеполагание».

Обсуждение и заключение

Выбор досуга характеризуется развлекательной направленностью в обеих группах, но при этом молодые горожане склонны, прежде всего, удовлетворять свои гедонистические потребности. Наши результаты показывают, что молодежь на досуге значимо чаще практикует посещение кафе, баров, ресторанов, чем старшее поколение. Кроме того, шопинг и экстремальные развлечения (полеты в аэротрубе, на планере, квест-игры, и т.п.) – это также преимущественно выбор молодежи в силу возрастного интереса к необычному и увлекательному. Досуг старшего поколения менее разнообразен, по-видимому, по причине занятости домашними делами и воспитанием внуков, что типично для российских пенсионеров [Зинина 2016]. Если рекреационный вид досуга предпочитается обеими возрастными группами, то его культурно-образовательные виды характерны в большей степени для старшего поколения: «сходить в музей, на выставку» (79%), «посетить театр, концерт» (76%). Молодежь практикует преимущественно развлечения гедонистического и аффилиативного характера: «посидеть в кафе, вкусно поесть в ресторане» (82,3%), «принять гостей/навесить друзей» (74,6%). Такой выбор досуга объясняется потребностью молодежи в экстенсивном общении, а также в психоэмоциональной разгрузке. Это подтверждается выявленной связью выбора экстремальных развлечений и переживанием повседневного стресса.

В рамках анализа ответственности за качество городской жизни проявляются различия в типах: так группа молодежи обнаруживает преимущественно экстернальный тип, вся ответственность возлагается ею на власть, в то время как старшая группа наравне с мнением об ответственности властей предполагает и личную ответственность за то, что происходит в городе. Дефицит ответственности интернального типа у молодежи может быть связан как с недостаточностью временных ресурсов, с общей гедонистической направленностью досуга, так и с неверием в свою способность повлиять на решение городских проблем.

Подводя итоги исследования, можно заключить следующее. Жизнеспособность москвичей старшего и молодого возраста поддерживается с помощью разнообразных социально-психологических ресурсов. Негативные стороны столичной жизни, отмеченные обеими группами, компенсируются такими возможностями релаксации, как прогулки в парке, шопинг. При этом способы релаксации у столичной молодежи в основном характеризуются гедонистической и аффилиативной направленностью, тогда как старшее поколение предпочитает культурно-познавательный до-

суг. Кроме того, старшее поколение проявляет большую готовность к практической деятельности по благоустройству города, а также в большей степени берет на себя ответственность за состояние города, чем молодежь. Вероятно, поколение нынешних пенсионеров имеет соответствующий опыт общественной работы, находит в ней удовлетворение потребности в социальной активности и испытывает ощущение востребованности, что поддерживает их жизнеспособность. Почему молодые москвичи не склонны к такой деятельности? Возможно, помимо внешних причин – занятости учебой или работой – есть причины психологического характера, например, слабая вовлеченность в общественную жизнь, неумение или нежелание с пользой для общества организовать свой досуг. Подобные вопросы могут определить перспективы дальнейших исследований. Результаты нашей работы будут полезны для формирования программ досуговой активности молодежи.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в «кризисном городе» и мегаполисе» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00461.

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Value-affective component of the viability of different citizen’s groups in conditions of living in “crisis city” and megapolis”, no. 20-013-00461.

Литература

- Воробьева, Акбаровая 2020 – *Воробьева А.Е., Акбаровая А.А.* Личностные факторы досуговой активности молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 55–64.
- Дробышева 2020 – *Дробышева М.М.* Различия в коммуникативных ресурсах горожан-жителей разных районов Москвы (на материале социального сервиса «Яндекс.Район») // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 748–757.
- Зинина 2016 – *Зинина А.А.* Готовность к возрастным изменениям как фактор конструирования социальных представлений о психологическом благополучии в старости // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 35–43.
- Нестик 2016 – *Нестик Т.А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 29–61.

Фанталова 2001 – *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 2001. 128 с.

Lalli 1992 – *Lalli M.* Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. Vol. 12 (4). P. 285–303.

Menardo et al. 2019 – *Menardo E., Brondino M., Hall R.* Restorativeness in Natural and Urban Environments: A Meta-Analysis // *Psychological Reports*, 2019. № 124 (1). P. 1–21.

Oldenburg 1999 – *Oldenburg R.* The great good place: Cafe's, coffee shops, book-stores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community (2nd ed.). New York: Marlowe, 1999. 384 p.

Southwick et al. 2014 – *Southwick S.M., Bonanno G.A., Masten A.S., Panter-Brick C., Yehuda R.* Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives // *The European Journal of Psychotraumatology*, 2014. № 5. P. 1–14.

Vale, Campanella 2005 – *Vale L.J., Campanella Th.J.* Axioms of Resilience // *The Resilient City: How Modern Cities Recover from Disaster*. N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 335–356.

References

Drobysheva, M.M. (2020), “Differences in communicative resources of city-residents of different regions of Moscow (on social service material «Yandex.District»)”, in Zhuravlev, A.L., Kholodnaya, M.A. and Sabadosh, P.A. (ed.), *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Human capacities and mental resources in a world of global change], Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, Moscow, Russia, pp. 748–757.

Fantalo, E.B. (2001), *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict], *Izdatel'skii dom «BAKhrAKh»*, Samara, Russia, 128 p.

Lalli, M. (1992), “Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings”, *Journal of Environmental Psychology*, vol. 12 (4), pp. 285–303.

Menardo, E., Brondino, M. and Hall, R. (2019), “Restorativeness in Natural and Urban Environments: A Meta-Analysis”, *Psychological Reports*, no. 124 (1), pp. 1–21.

Nestik, T.A. (2016), “Resilience of social group: definition, structure and research approaches”, *Scientific e-JOURNAL “Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology”*, vol. 1, no. 2, pp. 29–61.

Oldenburg, R. (1999), *The great good place: Cafe's, coffee shops, book-stores, bars, hair salons, and other hangouts at the heart of a community*, 2nd ed., Marlowe, New York, USA, 384 p.

Southwick, S.M., Bonanno, G.A., Masten, A.S., Panter-Brick, C. and Yehuda, R. (2014), “Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives”, *The European Journal of Psychotraumatology*, no. 5, pp. 1–14.

Vale, L.J. and Campanella, Th.J. (2005), “Axioms of Resilience”, *The Resilient City: How Modern Cities Recover from Disaster*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 335–356.

Vorob'eva, A.E. and Akbarova, A.A. (2020), "Personal leisure activity factors of youth", activity factors of youth, *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, no. 1, pp. 55–64.

Zinina, A.A. (2016), "Readiness for age changes as a factor of constructing social representations about psychological wellbeing at an old age", *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology*, no. 1, pp. 35–43.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; *t_emelyanova@inbox.ru*

Семен В. Тарасов, аспирант, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; *sementarasovvas@gmail.com*

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya street, Moscow, Russia, 129366; *t_emelyanova@inbox.ru*

Semen V. Tarasov, Ph.D. student, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya street, Moscow, Russia, 129366; *sementarasovvas@gmail.com*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64

Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Марина А. Манчхашвили

*Тилбургский университет
Тилбург, Нидерланды, marina.manchkhashvili@gmail.com*

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей мировоззрения, в частности, иррациональных установок современных людей, оказавшихся в ситуации резких изменений. Анализируется их значимость для совладания с неопределенностью и поддержания чувства безопасности и контролируемости мира. Рассмотрены отечественные и зарубежные подходы к пониманию механизмов преодоления и переосмысления изменяющейся реальности, а также вклада иррациональных убеждений в стратегии, направленные на совладание с кризисом. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей мировоззрения людей, столкнувшихся с пандемией COVID-19 и введенным режимом самоизоляции в марте 2020-го года. Проведен сравнительный анализ данных, полученных у 188 респондентов, по показателям базисных убеждений, веры в сверхъестественное и теории заговоров, склонности к псевдо-интенциональности, а также локуса контроля. Показаны вклады половых и возрастных факторов в выраженность базисных убеждений, иррациональных установок, веры в сверхъестественное и псевдо-интенциональность. Продемонстрирована связь базисных убеждений со склонностью к псевдо-интенциональным установкам, иррациональным верованиям и верой в теории заговоров. Сделан вывод о преобладающей значимости поддержания базисных установок личности при столкновении с резкими изменениями привычного мира. Отмечены ограничения экстраполяции результатов исследования в связи со специфичностью обследованной выборки.

Ключевые слова: пандемия, самоизоляция, иррациональность, базисные убеждения, кризис, транзитивность, неопределенность

Для цитирования: Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Манчхашвили М.А. Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 50–64. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64

Irrationality of thinking as a way to cope with the uncertainty of the modern world

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Marina A. Manchkhshvili

*Tilburg University,
Tilburg, Netherlands, marina.manchkhshvili@gmail.com*

Abstract. This work is devoted to the study of the peculiarities of the worldview, in particular, the irrational attitudes of modern people who find themselves in a situation of abrupt changes. Their significance for coping with uncertainty and maintaining a sense of security and control of the world is analyzed. The article considers domestic and foreign approaches to understanding the mechanisms of overcoming and rethinking the changing reality, as well as the contribution of irrational beliefs to strategies aimed at coping with the crisis. The results of an empirical study of the peculiarities of the worldview of people faced with the COVID-19 pandemic and the self-isolation regime introduced in March 2020 are presented. A comparative analysis of the data obtained from 188 respondents was carried out in terms of basic beliefs, belief in the supernatural and conspiracy theory, propensity to pseudo-intentionality, and locus of control. The contributions of gender and age factors to the expression of basic beliefs, irrational attitudes, belief in the supernatural and pseudo-intentionality are shown. The connection of basic beliefs with a tendency to pseudo-intentional attitudes, irrational beliefs and belief in conspiracy theory is demonstrated. The conclusion is made about the predominant importance of maintaining the basic attitudes of the personality when faced with abrupt changes in the familiar world. The limitations of extrapolation of research results due to the specificity of the surveyed sample are noted.

Keywords: pandemic, self-isolation, irrationality, basic beliefs, crisis, transitivity, uncertainty

For citation: Orestova, V.R., Tkachenko, D.P. and Manchkhshvili, M.A. (2021), "Irrationality of thinking as a way to cope with the uncertainty of the modern world", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 50–64, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64

Введение

Мощные социальные потрясения и катастрофы мирового масштаба вызывают резкие сдвиги в мировоззрении и мироощущении людей, оставляя их в растерянности и вызывая попытки переосмыслить изменившуюся реальность. Это приводит к появлению разнообразных по форме и содержанию психологических феноменов, которые, порой, изменяют качество жизни сильнее, чем материальные и социальные последствия катастроф. За последние годы одним из наиболее ярких событий современности такого масштаба стало неожиданное появление коронавирусной инфекции и ряда последовавших жестких и довольно резких мер (например, введение карантина), из-за которых под угрозой оказалось субъективно переживаемое чувство безопасности. Накопленные за это время данные Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), а также психологических исследований в странах, затронутых эпидемией, подтверждают, что в связи с этим произошло повышение уровня тревожности и дистресса среди населения по всему миру. Опираясь на современные отечественные подходы к пониманию переживания неопределенности и изменчивости мира [Федотова 2013; Дубовская, Киселева 2018], можно рассматривать данный социальный кризис с помощью модели жесткой (кризисной) и текучей (мягкой) транзитивности [Марцинковская 2018]. Обе фазы транзитивности характеризуются высоким уровнем неопределенности, однако различны именно по интенсивности субъективного ее переживания и тяжести последствий. Так, при текучей транзитивности индивид тяжело переносит ощущение неотвратимых перемен, а при кризисной транзитивности изменения происходят стремительно, а потому создают некую шоковую ситуацию для всего общества. И такой кардинальный и неотвратимый характер изменений неизбежно влечет за собой качественные сдвиги в мировосприятии и переосмыслении ценностей.

В ходе длительного переживания изменчивости и непредсказуемости мира человек начинает все острее испытывать потребность в стабилизации и нахождении опоры и постоянства в обыденной жизни [Орестова 2017]. Происходит активная выработка разнообразных способов совладания со стрессом как продуктивных, так и непродуктивных и даже вредоносных.

Множественность и неоднозначность социальных контекстов и вариантов во многом исключает возможность использования рациональных стратегий, так как чаще всего в динамике современного мира рациональность приводит к личностному и когнитивному диссонансу «со временем, с нелинейностью и безмерностью настоящего» [Асмолов 2015]. В результате этого на первый план психических возможностей личности выходят бессознательные эмоционально-ориентированные стратегии совладания с кризисом [Марцинковская, Юрченко 2016]. В ответ на рост неопределенности, множественности и сложности человечество все более делится на людей, готовых принять неопределенность и сложность, и людей, склонных упрощать реальность. В условиях пространственно-временной запутанности копинг-стратегии могут иметь разные направления: неприятие изменений и опора на традиционные нормативные ценности; бегство от реальности к незыблемым идеалам культуры и искусства; поиск индивидуального смысла жизни; переконструирование картины мира. Все эти стратегии совладания направлены на гармонизацию внутреннего и внешнего пространства жизни личности [Марцинковская 2015].

Наиболее адаптивным вариантом в такой вариативной социокультурной среде представляется формирование гибких убеждений человека относительно мира и самого себя, включающих стабильность повседневной жизни и допускающих множественность контекстов. Однако чаще всего главенствуют бессознательные эмоционально-ориентированные стратегии совладания [Марцинковская, Юрченко 2016]. Охваченные тревогой перед неопределенностью люди стремятся наполнить мир порядком, а эмоции, которые индивид испытывает в ситуации неопределенности, в свою очередь, запускают процессы компенсаторного контроля [Whitson et al. 2015], ведь, прежде всего, люди имеют сильную мотивацию контролировать окружающую среду и результаты событий [Skinner 1996; Rothbaum et al. 1982].

В эпоху транзитивности пережить множественность и неопределенность помогают позитивные иллюзии (иллюзия неуязвимости, контроля и вера в справедливый мир), именно на них основаны привычные жизненные представления и схемы, при помощи которых индивид конструирует представления об окружающем мире и собственном «Я». Эти положения легли в основу концепции психолога Ронни Янофф-Бульман о базисных убеждениях личности – имплицитных внутренних убеждениях о доброжелательности-враждебности, справедливости и контролируемости мира, а также представления о собственном Я [Падун, Котельникова 2007]. Большинство людей понимают, что престу-

пления, болезни и автомобильные аварии случаются постоянно, однако вместе с тем не верят, что «это может произойти с ними». Наша повседневная жизнь основана на «иллюзии неуязвимости» [Scheppelle, Bart 1983], в целом имеющей адаптивный характер и защищающей нас от стресса и тревоги, связанных с предполагаемыми угрозами и несчастьями. Эта иллюзия основывается, отчасти, на фундаментальном убеждении, что происходящие в мире события закономерны и упорядочены [Antonovsky 1979]. Нам свойственно считать, что своим осторожным поведением мы сможем предотвратить несчастье [Scheppelle, Bart 1983] и что наша «хорошесть» оберегает нас на фундаментальном уровне. Социальные психологи называют это проявлением «веры в справедливый мир». Она позволяет людям знать, чего ожидать, и находить причину негативных событий.

Однако экстремально негативный опыт – эпидемия, карантин, экономический кризис – сильно контрастирует с данной концепцией. Если ей следовать, то человек осознает иллюзорность как своих представлений о собственной неуязвимости, так и о справедливости и закономерности окружающего мира. Убеждение, касающееся враждебности и опасности внешнего мира, и представление о собственном «Я» как слабом и некомпетентном часто являются следствием пережитой психологической травмы [Janoff-Bulman, Frieze 1983]. Негативный травматичный опыт – такой, как ситуация кризисной транзитивности, – часто приводит к серьезным проблемам в самовосприятии и негативно сказывается на образе «Я» [Horowitz et al. 1980]. Подобное состояние дисбаланса, безусловно, вызывает сильный стресс и беспокойство. Процесс продуктивного преодоления психологической травмы включает восстановление и перестроение системы базисных убеждений, когда человек сможет примириться с миром, где плохие вещи случаются с хорошими людьми и никто не застрахован от случайностей. Помимо этого, важным условием посттравматического роста является восстановление образа мира как наполненного смыслом, а также позитивной самооценки. Однако большинство людей прибегают к менее энергозатратным стратегиям совладания с кризисом: выносят локус контроля вовне и возлагают ответственность за произошедшее и дальнейшие последствия на высшие силы, «мировое правительство» и другие объекты социального и мистического мира, доказать существование которых невозможно. Таким образом, иррациональные верования и стратегии позволяют поддерживать иллюзию контроля за окружающим и осмысленности произошедшего, давая людям возможность сделать передышку и решать насущные проблемы их жизни.

Так, по данным социальных опросов, несмотря на фиксируемый рост научной грамотности населения, большая его часть верит в паранормальные явления и обращается за помощью к экстрасенсам, гадалкам и магам (данные ВЦИОМ за 2019 год). По-видимому, в индивидуальном сознании такие архаические структуры, как вера в магическую причинность, сосуществуют с рациональными структурами, появляющимися в процессе обучения и освоения научных знаний. Обыденное сознание соединяет в себе рациональное и иррациональное, являясь медиатором между мифологическим и научным отражением мира [Улыбина 2001]. В повседневной жизни доминирует так называемый «здоровый смысл», состоящий из социальных представлений, позволяющих воспринимать, делать выводы, понимать, придавать смысл и объяснять ситуации [Московичи, Хьюстон 2007]. Свойственная современности утрата интеллектуальной независимости из-за постоянно усложняющейся среды, сосуществование в индивидуальном сознании рационального и иррационального, а также недоверие к науке приводит многих людей в лагерь эзотерики, лженауки и конспирологических теорий. Таким образом, можно утверждать, что иррациональность как вера в паранормальное, теории заговора и преднамеренность жизненных событий связана с поддержанием иллюзии контролируемости и справедливости мира в условиях неопределенности.

Исходя из этого, основной целью нашего исследования стало выявление и изучение особенностей мировосприятия разных возрастных групп в условиях текучей и кризисной транзитивности. *Объектом* исследования явились особенности мировосприятия в условиях неопределенности. В качестве *предмета* исследования рассматриваются особенности связи иррациональности, базисных убеждений, толерантности к неопределенности и локуса контроля у разных возрастных групп в ситуации текучей и кризисной транзитивности.

Общая гипотеза данного исследования выражается в предположении о том, что склонность к иррациональному мышлению проявляется у индивидов в ситуации неопределенности для поддержания позитивного образа мира, а также для совладания с потерей контроля над важными жизненными событиями. Поэтому в условиях социального кризиса будет наблюдаться повышенная иррациональность.

Данное предположение было конкретизировано в следующих *эмпирических гипотезах*:

1. В условиях жесткой транзитивности (условия самоизоляции в связи с пандемией Covid-19), вызванной социальным кри-

зисом, люди в большей степени склонны верить в паранормальное, теории заговора и предначертанность жизненных событий.

2. Экстернальность локуса контроля, вера в справедливость и осмысленность мира положительно связаны со склонностью к вере в паранормальное, теории заговора и псевдо-интенциональностью.

Методы исследования

Операционализация исследуемых характеристик и верификация выдвинутых предположений осуществлена с помощью следующих психодиагностических методик: опросник «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика, адаптированный Д.С. Григорьевым; опросник «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации Кравцовой; опросник «Шкала толерантности к неопределенности» опросника С. Баднера в модификации и адаптации Т.В. Корниловой; методика «Локус контроля» Дж. Роттера; анкета о вере в теории заговора, заимствованная из зарубежных работ, посвященных данной проблематике [Brotherton, French 2014]; тест веры в псевдо-интенциональность [Lindeman et al. 2015].

Характеристика выборки

В выборку вошли 188 респондентов, проживающих в Москве, в возрасте от 18 до 39 лет, среди них 143 девушки (ср. возраст 26; SD=4,9) и 45 юношей (ср. возраст 26,6; SD=5,6). Так как исследование проводилось в 2020-м году, первый его этап пришелся на январь-февраль - до начала пандемии COVID-19 и введения режима самоизоляции, а второй – в марте, когда режим самоизоляции был введен. Таким образом, респонденты были распределены на группы «Карантин» (N=44) и «До Карантина» (N=144). Вся выборка была выравнена по уровню образования, что соответствовало нашей цели - изучению особенностей иррационального мышления у образованных слоев населения.

Количественная обработка данных реализована при помощи пакета программ SPSS Statistics 26.0. Проверка показала несоответствие данных закону нормального распределения, в связи с чем мы использовали непараметрическую статистику для подсчетов: межгрупповые различия оценивали при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test), для изучения связей между показателями применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R).

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, был проведен анализ межполовых различий. При разделении групп по полу Ж (N=143) и М (N=45) удалось выявить следующие достоверные различия (Рис. 1).

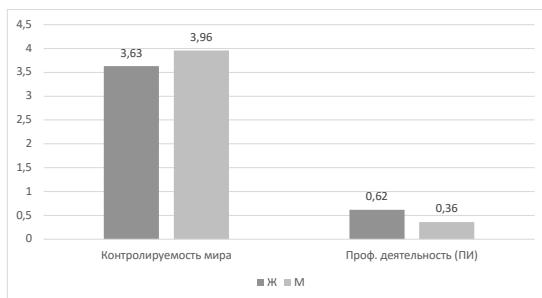

Рис. 1. Результаты оценки межполовых различий с использованием критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test).

Примечания. ПИ – псевдо-интенциональность

Полученные данные по субшкале базисных убеждений о контролируемости мира ($U=3923,00$; $p=0,026$) показали, что мужчины в некоторой степени воспринимают действительность более контролируемой, чем женщины. Также полученные результаты указывают на то, что в области профессиональной деятельности мужчины менее склонны, чем женщины, воспринимать псевдо-интенциональность происходящего ($U=2667,50$; $p=0,05$).

Далее был проведен анализ межвозрастных различий. При формировании групп мы воспользовались периодизацией Б.Г. Ананьева, разделив выборку на группу поздней юности – ранней взрослости (18–25 лет) и средней взрослости (26–35). На статистически значимом уровне удалось выявить следующие различия (Рис. 2).

Полученные данные свидетельствуют о том, что представители ранней взрослости несколько ниже оценивают благосклонность мира ($U=5195,00$; $p=0,011$) и окружающих людей к себе ($U=0,5132$; $p=0,019$), убеждение относительно собственной ценности ($U=5035,50$; $p=0,037$), а также демонстрируют большую убежденность в случайности ($U=3492,00$; $p=0,031$) происходящих с ними событий. Мы также наблюдаем более высокий уровень экстернальности локуса контроля у представителей ранней взрослости ($U=3474,50$; $p=0,027$) в то время, как в группе средней взрослости интернальность локуса контроля ($U=5079,50$; $p=0,027$) преобладает.

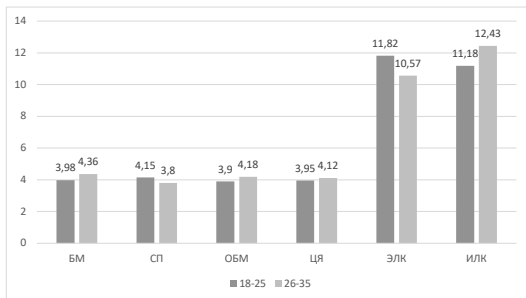

Рис. 2. Результаты оценки межвозрастных различий с использованием критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test). Примечания.

БМ – благосклонность мира, СП – случайность происходящего, ОБМ – общее отношение к благосклонности мира, ЭЛК – экстернальный локус контроля, ИЛК – интернальный локус контроля

Далее был проведен анализ различий между респондентами, опрошенными в период до введения самоизоляции (группа «До Карантина») и в период самоизоляции («Карантин»). Обнаружены статистически значимые различия по нескольким шкалам опросника базисных убеждений (Рис. 3)

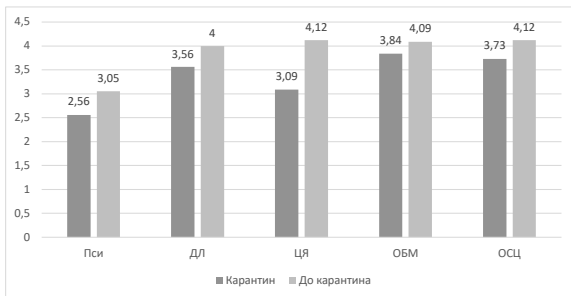

Рис. 3. Результаты оценки межгрупповых различий с использованием критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test). Примечания.

Пси – пси-способности, ДЛ – доброта людей, ЦЯ – ценность собственного «Я», ОБМ – общее отношение к благосклонности мира, ОСЦ – общее отношение относительно собственной ценности

Респонденты, опрошенные после введения режима самоизоляции, демонстрировали более низкие баллы по шкалам: доброта людей ($U=4243,00$; $p=0,00$); общее отношение к благосклонности окружающего мира ($U=3856,00$; $p=0,029$); ценность собственного «Я» ($U=5095,00$; $p=0,00$); убеждение относительно собственной

ценности ($U=4436,00$; $p=0,00$). Интересно, что у группы Карантин вера в Пси-способности оказалась выражена меньше, чем у группы «До карантина» ($U=3827,00$; $p=0,036$). Субшкала «Пси-способности» включала в себя такие пункты, как: «Психокинез – передвижение объектов силой мысли - действительно существует» и «Мысли человека могут влиять на движение физических объектов».

Таким образом, мы видим, что существуют значимые различия на уровне убеждений и иррациональных верований между людьми, оказавшими в условиях текущей (до пандемии Covid-19) и кризисной (в период самоизоляции) транзитивности. Кроме того, вклад в эти мировоззренческие аспекты личности вносят как половые, так и возрастные факторы.

Тем не менее, для выявления связей между показателями базисных убеждений и иррациональных верований мы разделили выборку на группы респондентов, опрошенных до самоизоляции и во время нее. Далее представлены данные (см. табл. 1) группы, прошедшей опрос в период «до самоизоляции».

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа показателей иррационального мышления и базисных убеждений в группе «До карантина» по критерию ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R)

	БМ	ДЛ	СМ	КМ	СП	СУ	ОБМ	ООМ
Традиционная вера	0,345**	0,199	0,287**		-0,197*	0,196*	0,315**	0,276**
Пси-способности	0,257**		0,212*				0,227**	0,221**
Колдовство	0,301**		0,24**		-0,18*		0,251**	0,249**
Суеверия			0,305**					0,204*
Спиритизм	0,255**		0,309**		-0,177*		0,239**	0,293**
Предсказания	0,247**		0,289**			0,171*	0,215**	0,225**
Полная шкала (Тобасик)	0,31**		0,321**				0,27**	0,288**
Вера в ТЗ			0,218**	0,17*				0,252**
ЛЖ (ПИ)	0,188*		0,187*		-0,245**			0,247**
Б (ПИ)					-0,237**			0,215**

МБ (ПИ)	0,17*				-0,193*			0,177*
ПИ	0,185*		0,183*		-0,268**			0,259**

Примечания. На рисунке представлены значимые на уровне $p < 0,01$ и $p < 0,05$ коэффициенты (коэффициенты $> 0,3$ помечены курсивом). Базисные убеждения: БМ – благосклонность мира, ДЛ – доброта людей, СМ – справедливость мира, КМ – контролируемость мира, СП – случайность происходящего, СУ – степень удачи, ОБМ – общее отношение к благосклонности мира, ООМ – общее отношение к осмысленности мира; ЛЖ – личная жизнь, Б – безопасность, МБ – материальное благополучие, ПИ – псевдо-интенциональность.

Так, традиционная вера, а также вера в предсказания на уровне тенденции ($p < 0,05$) положительно коррелирует со степенью удачи. Кроме того, традиционная вера, вера в спиритизм, пси-способности, колдовство и предсказания положительно связана с убежденностью в благосклонности мира. Доброта людей и общее представление о благосклонности мира на уровне тенденции положительно коррелируют с традиционной верой. В то время, как традиционная вера, вера в колдовство и спиритизм на уровне тенденции связаны с убеждением в не случайности жизненных событий. Суеверность, в свою очередь, связана с восприятием мира как справедливого, а вера в теории заговора на уровне тенденции положительно связана с базисными убеждениями о контролируемости и справедливости мира, а также отрицательно коррелирует с убежденностью в случайности происходящего. Общий балл псевдо-интенциональности на уровне тенденции связан с базисными убеждениями о справедливости, осмысленности мира, а также отрицательно коррелирует с убеждением о случайности происходящего. Псевдо-интенциональность в сфере личной жизни на уровне тенденции положительно связана со справедливостью мира.

Корреляционный анализ данных, полученных в группе респондентов, проходивших опрос в период самоизоляции, показал, что в момент кризисной транзитивности иррациональные убеждения в меньшей степени связаны с базисными убеждениями (см. табл. 2).

Вера в осмысленный, справедливый мир оказалась положительно связанной с верой в теории заговора и предсказания. Переживание случайности мира отрицательно связано с верой в пси-способности и теории заговора. При этом ощущаемая преднамеренность событий в сфере материального благополучия отрицательно коррелирует с убеждением о собственной ценности.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей иррационального мышления и базисных убеждений в группе «Карантин» по критерию ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R)

	СМ	СП	ЦЯ	ООМ
Пси-способности		-,404**		,371*
Предсказания	,413**			,395**
Вера в ТЗ	,351*	-,337*		,390**
Материальное благополучие (псевдоинтенциональность)			-,302*	

Примечания. На рисунке представлены значимые на уровне $p < 0,01$ и $p < 0,05$ коэффициенты. Базисные убеждения: БМ – благосклонность мира, ДЛ – доброта людей, СМ – справедливость мира, КМ – контролируемость мира, СП – случайность происходящего, У – степень удачи, ОБМ – общее отношение к благосклонности мира, ООМ – общее отношение к осмысленности мира; ПИ – псевдо-интенциональность.

Выводы

Можно говорить о том, что наши гипотезы получили частичное подтверждение в ходе эмпирической проверки. Интересным представляется тот факт, что ни в одной из групп вера в паранормальное, теории заговора и псевдо-интенциональность не была связана с экстернальным локусом контроля. Этот результат представляется достаточно неоднозначным. В многочисленных публикациях были найдены корреляции между экстернальным локусом контроля и верой в колдовство, суевериями, спиритизмом, реинкарнацией и необычными формами жизни, однако более современные исследования указывают на то, что иррациональные убеждения часто используются людьми в качестве компенсации потери контроля и позволяют восстановить позитивную картину мира и справиться с неопределенностью [Callaghan, Irwin 2003]. При этом стоит отметить, что, судя по всему, ключевыми аспектами личности, чувствительными к резким изменениям привычного уклада жизни, являются именно базисные убеждения, а не иррациональные верования. Вероятно, они являются фундаментом представлений о себе и о мире, изменение которого происходит на фоне самых резких и пиковых переживаний и столкновения с непреодолимыми обстоятельствами.

Стоит отдельно отметить, что все респонденты из карантинной группы были опрошены в первые несколько недель после введения

режима самоизоляции, когда неопределенность переживалась особенно остро: стремительный переход к новым условиям жизни еще не дал людям адаптироваться. Это можно рассматривать как некоторое ограничение распространения данных на более широкую популяцию и отличные контексты кризисных ситуаций. В нашем исследовании были зафиксированы первые реакции респондентов на пандемию и связанные с ней ограничения, поэтому неизвестно, что происходило с их мироощущением впоследствии. Однако тот факт, что на фоне острого кризиса не было выявлено повышенной иррациональности, позволяет говорить о позитивной тенденции среди людей с высшим образованием.

Литература

- Асмолов 2015 – *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1.
- Дубовская, Киселева 2018 – *Дубовская Е.М., Киселева М.А.* Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 11.
- Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1.
- Марцинковская 2018 – *Марцинковская Т.Д.* Новая эстетика транзитивности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 12.
- Марцинковская, Юрченко 2016 – *Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И.* Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 9.
- Московичи, Хьюстон 2007 – *Московичи С., Хьюстон М.* От науки к здравому смыслу // Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 564–591.
- Падун, Котельникова 2007 – *Падун М.А., Котельникова А.В.* Методика исследования базисных убеждений личности. М.: ИП РАН, 2007.
- Улыбина 2001 – *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
- Федотова 2013 – *Федотова М.Г.* К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 28–32.
- Antonovsky 1979 – *Antonovsky A.* Health, stress, and coping. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1979.
- Brotherton, French 2014 – *Brotherton R., French C.C.* Belief in conspiracy theories and susceptibility to the conjunction fallacy // Applied Cognitive Psychology. 2014. no. 28. P. 238–248.
- Callaghan, Irwin 2003 – *Callaghan A., Irwin H.J.* Paranormal belief as a psychological coping mechanism // Journal of the American Psychiatric Association. 2003. Vol. 67. P. 200–207.
- Horowitz et al. 1980 – *Horowitz M.J., Wilner N., Marmar C., Krupnick J.* Pathological grief and the activation of latent self-images // American Journal of Psychiatry. 1980. Vol. 137 (10). P. 1137–1162.

Janoff-Bulman, Frieze 1983 – *Janoff-Bulman R., Frieze I.H.* A Theoretical Perspective for Understanding Reactions to Victimization // *Journal of Social Issues*. 1983. Vol. 39 (2). P. 117.

Lindeman et al. 2015 – *Lindeman M., Svedholm-Hakkinen A.M., Lipsanen J.* Ontological confusions but not mentalizing abilities predict religious belief, paranormal beliefs, and belief in supernatural purpose // *Cognition*. 2015. Vol. 134. P. 63–76.

Rothbaum et al. 1982 – *Rothbaum F., Weisz J.R., Snyder S.S.* Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 42. no. 1. P. 5–37.

Scheppele, Bart 1983 – *Scheppele K.L., Bart P.B.* Through women's eyes: Defining danger in the wake of sexual assault // *Journal of Social Issues*. 1983. Vol. 39 (2). P. 63–81.

Skinner 1996 – *Skinner E.A.* A guide to constructs of control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71 (3). P. 549–570.

Whitson et al. 2015 – *Whitson J.A., Galinsky A.D., Kay A.* The emotional roots of conspiratorial perceptions, system justification, and belief in the paranormal // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 56 (1). P. 89–95.

References

Antonovsky, A. (1979), *Health, stress, and coping*, Jossey-Bass, San Francisco, CA, USA.

Asmolov, A.G. (2015), "Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 8, no. 40, p. 1.

Brotherton, R., and French, C.C. (2014), "Belief in conspiracy theories and susceptibility to the conjunction fallacy", *Applied Cognitive Psychology*, vol. 28, pp. 238–248.

Callaghan, A. and Irwin, H.J. (2003), "Paranormal belief as a psychological coping mechanism", *Journal of the American Psychiatric Association*, vol. 67, pp. 200–207.

Dubovskaya, E.M. and Kiseleva, M.A. (2018), "Social transitivity as a factor in the formation of a value structure in adolescence", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 11, no. 60, p. 1.

Fedotova, M.G. (2013), "On the question of the research methodology of a transitive society", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 6, pp. 28–32.

Horowitz, M.J., Wilner, N., Marmar, C. and Krupnick, J. (1980), "Pathological grief and the activation of latent self-images", *American Journal of Psychiatry*, vol. 137 (10), pp. 1137–1162.

Janoff-Bulman, R. and Frieze, I.H. (1983), "A Theoretical Perspective for Understanding Reactions to Victimization", *Journal of Social Issues*, vol. 39 (2), p. 117.

Lindeman, M., Svedholm-Hakkinen, A.M. and Lipsanen, J. (2015), "Ontological confusions but not mentalizing abilities predict religious belief, paranormal beliefs, and belief in supernatural purpose", *Cognition*, vol. 134, pp. 63–76.

Martsinkovskaya, T.D. (2015), "Modern psychology – challenges of transitivity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 8, no. 42, p. 1.

Martsinkovskaya, T.D. (2018), "The new aesthetics of transitivity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 11, no. 61, p. 12.

Martsinkovskaya, T.D. and Yurchenko, N.I. (2016), "Coping strategies in transitive society", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, vol. 9, no. 49, p. 9.

Moskovichi, S. and H'yuston, M. (2007), *Ot nauki k zdravomu smyslu* [From Science to Common Sense], 7nd ed., Piter, Saint Petersburg, Russia.

Padun, M.A. and Kotel'nikova, A.V. (2007), *Metodika issledovaniya bazisnykh ubezhdenij lichnosti* [Methods of research of basic convictions of personality], IP RAN, Moscow, Russia.

Rothbaum, F., Weisz, J.R. and Snyder, S.S. (1982), "Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 42, no. 1, pp. 5–37.

Scheppele, K.L. and Bart, P.B. (1983), "Through women's eyes: Defining danger in the wake of sexual assault", *Journal of Social Issues*, vol. 39 (2), pp. 63–81.

Skinner, E.A. (1996), "A guide to constructs of control", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 71 (3), pp. 549–570.

Ulybina, E.V. (2001), *Psihologiya obydenmogo soznaniya* [The psychology of everyday consciousness], Smysl, Moscow, Russia.

Whitson, J.A., Galinsky, A.D. and Kay, A. (2015), "The emotional roots of conspiratorial perceptions, system justification, and belief in the paranormal", *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 56 (1), pp. 89–95.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; v.r.orestova@gmail.com

Дарья П. Ткаченко, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bigbro-littlebro@yandex.ru

Марина А. Манчхашвили, Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды; 5037 AB, Нидерланды, Тилбург, ул. Варанделаан, д. 2; marina.manchkhashvili@gmail.com

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; v.r.orestova@gmail.com

Daria P. Tkachenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; bigbro-littlebro@yandex.ru

Marina A. Manchkhshvili, Tilburg University, Tilburg, Netherlands; bld. 2, Warandelaan Street, Tilburg, Netherlands, 5037 AB; marina.manchkhashvili@gmail.com

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-65-81

Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Евгения А. Бубновская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ea7333629@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты проявления тревожности и перфекционизма как феномена самоотношения в период молодости и зрелости в ситуации транзитивности, связанной с постоянными изменениями социальных процессов, системы ценностей и трансформацией повседневного пространства современного человека. В работе анализируются различия в проявлении уровня тревожности и уровня перфекционизма у людей в молодом и зрелом возрасте; рассматривается связь ситуационной и личностной тревожности с компонентами самоотношения; изучаются взаимосвязи между уровнем социально предписанного перфекционизма и уровнем самоотношения личности. Результаты демонстрируют, что молодежь имеет значительно более высокий уровень ситуационной тревожности, в отличие от людей зрелого возраста. В свою очередь для респондентов старшей возрастной группы характерен более высокий уровень самоуважения, самоуверенности, самопринятия, самопоследовательности, а также самопонимая, чем для молодых участников. При этом тревожность как черта личности в целом находится на одном уровне, с незначительным ростом в группе молодых людей. В ходе исследования в обеих возрастных группах не выявлено различий по уровню перфекционизма, ориентированного на себя, однако по шкале перфекционизма, ориентированного на других, между респондентами молодого и зрелого возраста наблюдаются отличия.

Ключевые слова: тревожность, тревога, перфекционизм, самоотношение, прекарность, транзитивность

Для цитирования: Гавриченко О.В., Бубновская Е.А. Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 65–81. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-65-81

Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Oksana-danshina@rambler.ru*

Evgeniya A. Bubnovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ea7333629@gmail.com*

Abstract. The article examines the psychological aspects of the manifestation of anxiety and perfectionism as a phenomenon of self-attitude in the period of youth and maturity in a situation of transitivity associated with constant changes in social processes, value systems and the transformation of the everyday space of a modern person. The paper analyzes the differences in the manifestation of the level of anxiety and the level of perfectionism in people at a young and mature age; the influence of situational and personal anxiety on self-attitude and the level of specific components of self-attitude is considered; the relationship between the level of socially prescribed perfectionism and the level of self-attitude of the individual is studied. The results of the study demonstrate that the young participants experience a significantly higher level of situational anxiety at their age, in contrast to people of mature age. At the same time, anxiety, as a personality trait, is generally on the same level, with insignificant growth in the group among young people. The study did not reveal any differences in the level of self-oriented perfectionism in the two age groups. However, according to the scale of perfectionism oriented towards others, there are differences between young and mature respondents. The study records that the level of situational anxiety is significantly lower in people of mature age. At the same time, the respondents of this age group are characterized by a higher level of self-esteem, self-confidence, self-acceptance, self-consistency, as well as self-understanding than the participants at a young age.

Keywords: anxiety, perfectionism, self-attitude, precarity, transitivity

For citation: Gavrichenko, O.V. and Bubnovskaya, E.A. (2021), "Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 65–81, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-65-81

Введение

На сегодняшний день одной из сфер интересов психологической науки становятся трансформации человека, проявляю-

щиеся в когнитивной, поведенческой, социальной и личностной сферах. Эти трансформации происходят как в глобальном, общемировом, так и в локальном, повседневном пространстве. Они многоаспектны и имеют веерный характер [Гусельцева 2021; Марцинковская, Орестова 2017]. Человек в своей жизни все больше сталкивается с ситуацией транзитивности, чьими характеристиками являются множественность социокультурных контекстов, постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность. Данная нестабильная ситуация увеличивает уровень тревожности людей за свое будущее и способствует их стремлению проявлять себя в разных областях деятельности самым наилучшим образом. Социально-предписанный перфекционизм воздействует на человека и его готовность соответствовать высоким требованиям как к себе, так и к окружающим. При этом перфекционизм может быть силой, которая мотивирует, двигает вперед, дает энергию к развитию, но может быть и мощным фактором-предиктором различных личностных расстройств [Кохт 2003].

Дональд Хамачек первым высказал идею о том, что существует «нормальный» перфекционизм, позволяющий человеку демонстрировать высокую работоспособность, лидерские качества, стабильную активность и мотивацию на достижение цели, при этом сохранять самокритичность и способность объективно оценивать свои реальные возможности [Hamachek 1978]. Однако желание стать самым лучшим может быть связано и с эгоистическими проявлениями, за которыми будут скрываться неуверенность, отсутствие удовлетворенности и недостаток любви. В этом случае эгоист должен постоянно доказывать себе и окружающим, что он не хуже остальных [Фромм 2016]. В данной ситуации у человека увеличивается уровень беспокойства, и тревожность может переходить в такие поведенческие реакции, как агрессия, уход в зависимость, склонность к обману и т.д., что впоследствии может приводить к развитию деликвентного и аддиктивного поведения [Прихожан 2001].

В настоящий момент из-за эпидемии Covid-19 многие люди переживают стресс и вынуждены кардинально менять привычной образ жизни. Глобальная неопределенность не дает возможность человеку планировать свое будущее, что способствует развитию тревожности, невротизации и росту индивидуальной и групповой прекарности [Полева 2021]. Основной психологической структурой прекарности является тревога и тревожность, которые выступают как негативные эмоциональные реакции на фрустрацию индивидуализации и отсутствие достаточной институциональной поддержки в решении значимых проблем [Хо-

рошилов 2021]. Особую актуальность изучение перфекционизма и тревожности приобретает в связи с действующими в эпоху постмодернизма макросоциальными установками: культом совершенства, успеха, стремлением к физическому и ментальному идеалу, эмоциональной сдержанностью и т.д. Все это будет воздействовать на уровни самооотношения человека. Данное личностное образование, связанное с выражением смысла «Я», является сложной системой и по своей природе и содержанию не сводится к эмоциям. Самоотношение – есть личностное образование, которое может быть понято как непосредственное выражение (или представление) личностного смысла «Я» для самого субъекта [Пантилеев 1988]. При этом нужно помнить о том, что эмоциональная стабильность, психологический комфорт, необходимые в ситуации транзитивности, резких сломов и изменений, не могут заменить значимость самореализации, интенции к самозменениям и личностному росту. И на сегодняшний день ведущим психологическим вызовом современности является проблема сохранения эмоционального благополучия и, одновременно, стремления к самореализации личности. Эти две тенденции – к эмоциональной стабильности и развитию самореализации – являются континуумами, но иногда с противоположными полюсами [Марцинковская 2021].

Целью исследования было проанализировать связь перфекционизма и тревожности у людей в молодости и зрелости.

Общая гипотеза исследования: существует определенная взаимосвязь между уровнем тревожности и уровнем перфекционизма.

Частные гипотезы:

- существуют различия в уровне тревожности и уровне перфекционизма у людей в молодом и зрелом возрасте;
- вероятно, наличествует специфика взаимосвязи между уровнем ситуационной и личностной тревожности и уровнем самооотношения и его компонентами;
- возможно, есть взаимосвязь между уровнем социально предписанного перфекционизма и уровнем самооотношения личности.

Выборка: всего в исследовании участвовали 145 человек в возрасте от 21 года до 60 лет. Из них 97 молодых людей в возрасте от 21 до 37 лет и 48 людей зрелого возраста от 37 до 60 лет. Из них: 124 женщины и 21 мужчина. Респонденты, принявшие участие в исследовании, отличались по семейному положению, социальному статусу, уровню образования и профессиональной направленности. Для выявления значимых тенденций

и корреляции полученных данных участники выборки были разделены на 2 возрастные группы: 1 группа от 21 до 37 лет и 2 группа от 37 до 60 лет.

Методики и методы исследования

Для исследования уровня тревожности использовался тест Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю.Л. Ханина. Этот опросник из ряда высказываний является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека).

Для измерения уровня перфекционизма и определения характера соотношения его составляющих у респондентов применялась «Многомерная шкала перфекционизма Хьютта и Флетта».

Третьей методикой был взят «Опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантлеева». Цель опросника: выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: 1) глобальное самоотношение; 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутсимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; 3) уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я».

Проведен корреляционный анализ результатов, а также сравнительный анализ двух групп респондентов: группа 1 – возраст молодости (N=97), группа 2 – возраст зрелости (N=48). Последовательно проанализированы количественные показатели, полученные нами в результате проведенного исследования. На первом этапе проведен анализ данных по каждой из психодиагностических методик, на втором этапе представлены результаты статистической обработки данных с использованием методов математической статистики.

Статистическая обработка данных: г-коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Вычисления производились в офисном пакете MS Office Excel и многофункциональной программе IBM SPSS Statistics 21.0.

Результаты диагностики по опроснику измерения уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю.Л. Ханина

В рамках работы нами были исследованы особенности переживания состояния ситуационной и личностной тревожности у респондентов различных возрастов. Результаты представлены на рисунке 1.

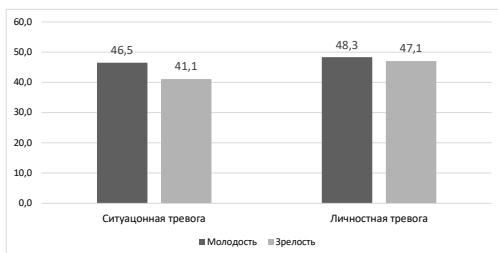

Рис. 1. Гистограмма результатов исследования уровня тревожности

В группе респондентов молодого возраста наблюдается некоторый рост уровня ситуационной тревожности (46,5), между тем у респондентов в зрелом возрасте 41,1. Это позволяет предположить, что участники исследования в возрасте 27–37 лет более склонны испытывать тревожность в отношении внешних обстоятельств, острее реагируют на стрессовые или непредвиденные ситуации, в отличие от участников в возрасте старше 37 лет.

Тревожность как индивидуальная черта личности в двух возрастных группах имеет схожий уровень. Так, у респондентов в молодом (48,3) и зрелом возрасте (47,1) фиксируется отличие всего на 1,2 балла. Это может свидетельствовать о том, что вне зависимости от возраста участники исследования склонны воспринимать обстоятельства и ситуации во внешнем мире как потенциально угрожающие им. Большинство ситуаций оказывают мощное стрессовое воздействие и вызывают рост уровня тревожности и у молодежи, и у людей зрелого возраста.

Отдельно необходимо отметить, что у респондентов в молодом возрасте фиксируются более высокие показатели проявления ситуационной и личностной тревожности. Тогда как у респондентов в зрелом возрасте высокие данные зафиксированы только по шкале личностной тревожности, а показатели по ситуационной тревожности фиксируются на среднем уровне. Интересен тот факт, что результаты другого исследования, проведенного на базе Московского Педагогического Государственного Университета, с применением методики Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю.Л. Ханина показали, что в большинстве своем уровень личностной тревожности у людей в возрасте от 20 до 30 лет также является высоким, а ситуационная тревожность фиксируется на умеренном и низком уровне [Афони́на, Кара́кьян 2021].

Результаты диагностики по многомерной шкале перфекционизма Хьюитта-Флетта

Данная методика позволила нам определить особенности

проявления перфекционизма у респондентов в данной выборке. Мы получили результаты, которые представлены на рисунке 2.

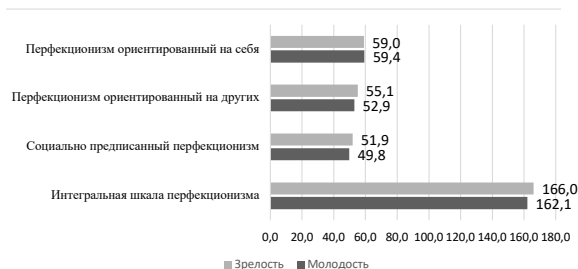

Рис. 2. Гистограмма результатов исследования перфекционизма

Между двумя группами респондентов практически отсутствуют различия по уровню перфекционизма, ориентированного на себя, т.е. вне зависимости от возраста все участники исследования предъявляют высокие требования к себе.

Однако по шкале перфекционизма, ориентированного на других, между респондентами молодого и зрелого возраста наблюдаются отличия. Так, люди зрелого возраста более склонны предъявлять завышенные требования к окружающим, чем респонденты молодого возраста.

При этом следует подчеркнуть, что мы фиксируем различие и по уровню социально предписанного перфекционизма у представителей двух возрастных групп. Люди зрелого возраста более склонны расценивать требования, предъявляемые к ним обществом или окружающими, как завышенные, чем участники молодого возраста из данной выборки.

Результаты по интегральной шкале перфекционизма позволяют говорить о том, что респондентам в зрелом возрасте присущ более высокий уровень перфекционизма, чем молодым респондентам.

Результаты диагностики по тесту-опроснику самоотношения В.В. Столин, С.Р. Пантилеев

В нашем исследовании данная методика позволила определить разницу по показателям самоотношения у респондентов зрелой и молодой возрастных групп.

Результаты, полученные в ходе анализа (Рис. 3), наглядно иллюстрируют, что по шкалам аутосиматии и самоуверенности у участников исследования практически отсутствуют различия.

При интерпретации данных и градации баллов теста-опросника мы опирались на рекомендации Н.С. Глуханюка [Глуханюк 2005]. Результаты, которые варьируются в интервале 45–55 баллов, явля-

ются среднестатистической нормой, т.е. респондент воспринимает и оценивает себя адекватно. Значения в пределах 55–70 баллов свидетельствуют о завышенном самоотношении (самооценке) личности. Значения в пределах 40–45 баллов указывают на заниженный уровень самоотношения (самооценки). Все значения выше 80 баллов и менее 40 являются указанием на связь второстепенных факторов и не предполагают интерпретации.

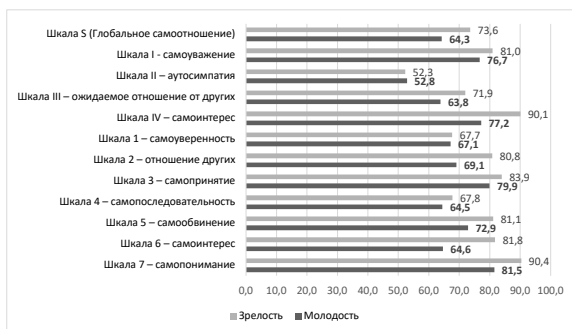

Рис. 3. Гистограмма результатов исследования показателей самоотношения

Исходя из полученных данных, можно сказать о том, что респонденты в зрелом возрасте обладают в среднем более высокими результатами по 9 (из 11) шкалам опросника самоотношения: глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидания от других, самоинтерес, самоуверенность, отношение других, самопоследовательность, самопонимание, за исключением «Шкалы II – аутосимпатии», которая включает в себя пункты, касающиеся «самопринятия», «самообвинения», в сравнении с респондентами в молодом возрасте. Таким образом, участникам данного исследования старше 37 лет присущ более высокий уровень самоотношения и самооценки, чем участникам в возрасте 27–37 лет.

Анализ результатов исследования с использованием методов математической статистики

В качестве метода математической обработки данных исследования с целью выявления взаимосвязи между уровнем тревожности и уровнем перфекционизма у респондентов (N=145) нами был использован г-коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для определения значимых различий между группами респондентов: группа 1 – возраст молодости (N=97), группа 2 – возраст зрелости (N=48) был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Результаты корреляционного анализа были разделены на 3 блока: ситуационная тревожность; личностная тревожность; перфекционизм.

Рассмотрим значимые корреляционные связи, полученные в результате проведенной статистической обработки данных. Анализируемые значимые значения находятся на уровне $p \leq 0,01$.

1-й блок. Ситуационная тревожность.

Значимая, положительная, умеренная корреляционная связь ($r=0,335$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Социально предписанный перфекционизм».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,615$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала S (Глобальное самоотношение)».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,569$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала I – самоуважение».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,532$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала II – аутосимпатия».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,503$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала 1 – самоуверенность».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,504$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала 7 – самопонимание».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,438$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала 3 – самопринятие».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,479$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Ситуационная тревожность» и «Шкала 6 – самоинтерес».

Анализируя полученные данные, можно говорить о том, что рост уровня ситуационной тревожности как ситуативно переживаемого состояния отрицательно взаимосвязан с большинством показателей самоотношения и вызывает их снижение. Так, повышение уровня ситуативной тревожности снижает общий уровень самоотношения, снижает уровень самоуважения личности, аутосимпатии и самоуверенности. При этом человек может терять интерес к самому себе и в меньшей степени способен принимать себя. Кроме того, люди, демонстрирующие высокий уровень ситуативной тревожности, склонны не только негатив-

но воспринимать себя, но и рассматривать требования, которые предъявляются к ним обществом или окружающими (социально предписанный перфекционизм), как завышенные и немотивированные, что может становиться причиной сложностей в личных или профессиональных отношениях.

2-й блок. Личностная тревожность.

Значимая, положительная, умеренная корреляционная связь ($r=0,349$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Социально предписанный перфекционизм».

Значимая, отрицательная, сильная корреляционная связь ($r=-0,772$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала S (Глобальное самоотношение)».

Значимая, отрицательная, сильная корреляционная связь ($r=-0,714$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала I – самоуважение».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,515$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала II – аутосимпатия».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,325$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала III – ожидаемое отношение от других».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,647$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала 1 – самоуверенность».

Значимая, отрицательная, средняя корреляционная связь ($r=-0,642$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала 7 – самопонимание».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,427$, при $p \leq 0,01$) между показателями «Личностная тревожность» и «Шкала 6 – самоинтерес».

Анализ представленных статистических результатов свидетельствует о том, что с ростом уровня личностной тревожности происходит снижение уровня самоуважения и глобального самоотношения личности. В данной ситуации человек теряет самоинтерес и в меньшей степени готов и способен понимать себя. При этом требования, предъявляемые со стороны окружающих, люди склонны рассматривать как неадекватные и завышенные. В этом случае можно говорить о том, что тревожность как ситуативное состояние и как свойство личности отрицательно взаимосвязана со значительным числом показателей самоотношения личности к са-

мой себе и способствует росту негативного восприятия требований социального окружения.

3-й блок. Перфекционизм.

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,317$, при $p\leq 0,01$) между показателями «Социально предписанный перфекционизм» и «Шкала S (Глобальное самоотношение)».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,432$, при $p\leq 0,01$) между показателями «Социально предписанный перфекционизм» и «Шкала II – аутосимпатия».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,385$, при $p\leq 0,01$) между показателями «Социально предписанный перфекционизм» и «Шкала 5 – самообвинение».

Значимая, отрицательная, умеренная корреляционная связь ($r=-0,317$, при $p\leq 0,01$) между показателями «Социально предписанный перфекционизм» и «Шкала 7 – самопонимание».

Анализ ранговой корреляции Спирмена в данном исследовании говорит о том, что перфекционизм и такая его разновидность, как социально предписанный перфекционизм, взаимосвязаны с самоотношением личности. При росте уровня социально предписанного перфекционизма, т.е. восприятия требований общества, а также ближайшего окружения как завышенных или необоснованных, происходит снижение общего уровня самоотношения личности, понижается принятие и понимание человеком самого себя. Кроме того, человек в большей степени стремится к самообвинениям в случае каких-либо неудач.

С целью выявления наличия значимых различий между двумя группами участников исследования, нами была проведена процедура сравнительного анализа с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни, с предварительным разделением по возрасту: группа 1 – возраст молодости ($N=97$), группа 2 – возраст зрелости ($N=48$).

Результат сравнения двух групп по U-критерия Манна-Уитни позволил установить статистически значимые различия, которые мы представили в таблице №1.

Анализируя полученные данные, мы можем говорить о том, что участники исследования молодого возраста испытывают значительно более высокий уровень ситуационной тревожности. Они острее реагируют на изменяющиеся условия жизни, происходящие событий или неожиданные обстоятельства, в отличие от людей старше 37 лет.

Таблица 1

Результаты сравнения выборок респондентов по возрасту

Переменная шкала	Группа	№	Средний ранг	Сумма рангов	Асимпт. Знач.
Ситуационная тревожность	Молодость	97	62,18	3731,00	0,004
	Зрелость	48	44,90	2155,00	
Шкала S (Глобальное самоотношение)	Молодость	97	48,70	2922,00	0,031
	Зрелость	48	61,75	2964,00	
Шкала I – самоуважение	Молодость	97	45,08	2705,00	0,000
	Зрелость	48	66,27	3181,00	
Шкала 1 – самоуверенность	Молодость	97	47,58	2854,50	0,009
	Зрелость	48	63,16	3031,50	
Шкала 3 – самопринятие	Молодость	97	47,39	2843,50	0,006
	Зрелость	48	63,39	3042,50	
Шкала 4 – самопоследовательность	Молодость	97	47,15	2829,00	0,005
	Зрелость	48	63,69	3057,00	
Шкала 7 – самопонимание	Молодость	97	49,26	2955,50	0,047
	Зрелость	48	61,05	2930,50	

В группе участников зрелого возраста фиксируются показатели, которые статистически значимо различаются по ряду шкал теста самоотношения. Так, для респондентов старше 37 лет характерен более высокий уровень самоуважения, самоуверенности, самопринятия, самопоследовательности, а также самопонимания, чем для участников молодого возраста. Все это позволяет говорить о том, что более взрослые респонденты относятся к себе с большим принятием и их глобальное самоотношение выше, чем у более молодых людей.

Таким образом, проведенный статистический анализ результатов нашего исследования позволяет говорить о наличии взаимосвязи тревожности и перфекционизма у людей в период молодости и в зрелости. Тревожность как ситуационное состояние и свойство личности отрицательно взаимосвязана с социально предписываемым перфекционизмом и такими показателями самоотношения, как «Шкала S (Глобальное самоотношение)», «Шкала I – самоуважение», «Шкала II – аутосимпатия», «Шкала 1 – самоуверенность», «Шкала 7 – самопонимание».

Цель эмпирического исследования достигнута: выдвинутая гипотеза о том, что существует определенная взаимосвязь между уровнем тревожности и уровнем перфекционизма, подтвердилась.

По результатам проведенного корреляционного анализа с ис-

пользованием г-коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявлены взаимосвязи между переменными на уровне $p \leq 0,01$, объединенные в процессе анализа в три блока: ситуационная тревожность, личностная тревожность, перфекционизм. Рост уровня ситуационной и личностной тревожности, как ситуативно переживаемого состояния и свойства личности человека, отрицательно взаимосвязан с показателями самоотношения: общим уровнем самоотношения, самоуважения, аутосимпатией и самоуверенностью, и вызывает их снижение. Положительно взаимосвязан с социально предписанным перфекционизмом и способствует изменению в восприятии предъявляемых обществом требований как завышенных. Повышение уровня социально предписанного перфекционизма взаимосвязано со снижением общего уровня самоотношения личности, понижением принятия и понимания человеком самого себя.

Выявлены значимые различия между группами респондентов: группа 1 – возраст молодости ($N=97$), группа 2 – возраст зрелости ($N=48$) с использованием U-критерия Манна-Уитни по 7 из 18 переменных: Ситуационная тревожность ($p=0,004$), Шкала S (Глобальное самоотношение) ($p=0,031$), Шкала I – самоуважение ($p=0,000$), Шкала 1 – самоуверенность ($p=0,009$), Шкала 3 – самопринятие ($p=0,006$), Шкала 4 – самопоследовательность ($p=0,005$), Шкала 7 – самопонимание ($p=0,047$).

Участники исследования в молодом возрасте испытывают более высокий уровень ситуационной тревожности, чем участники в зрелом возрасте. Участники в зрелом возрасте показали более высокие результаты по следующим шкалам: Шкала S (Глобальное самоотношение), Шкала I – самоуважение, Шкала 1 – самоуверенность, Шкала 3 – самопринятие, Шкала 4 – самопоследовательность, Шкала 7 – самопонимание, в сравнении с участниками в молодом возрасте.

Выводы

1. Существуют различия в уровне тревожности и уровне перфекционизма у людей в молодом и зрелом возрасте.

Респонденты в молодом возрасте испытывают значительно более высокий уровень ситуационной тревожности, т.е. они острее реагируют на изменяющиеся условия жизни, происходящие события или неожиданные обстоятельства, в отличие от тех участников исследования, кто находится в зрелом возрасте (старше 37 лет). В то же время тревожность как черта личности в целом находится на одном уровне, с незначительным ростом в группе молодых респондентов.

Между участниками двух возрастных групп данной выборки практически отсутствуют различия по уровню перфекционизма, ориентированного на себя. Однако, по шкале перфекционизма, ориентированного на других, между представителями молодого и зрелого возраста наблюдаются отличия. Так, люди зрелого возраста более склонны предъявлять завышенные требования к окружающим, чем респонденты молодого возраста (при этом необходимо отметить, что мы фиксируем различие по уровню социально предписанного перфекционизма у представителей двух возрастных групп). Люди зрелого возраста в данной выборке более склонны расценивать требования, предъявляемые к ним обществом или окружающими, как завышенные, чем участники молодого возраста. Результаты по интегральной шкале перфекционизма позволяют говорить о том, что респонденты в зрелом возрасте в среднем обладают более высоким уровнем перфекционизма, чем респонденты, представляющие группу молодых людей в возрасте до 37 лет.

2. Существует взаимосвязи между уровнем ситуационной и личностной тревожности и уровнем самооотношения и его компонентами.

Уровень ситуативной тревожности значительно ниже у людей зрелого возраста. Также эти респонденты показали результаты, которые статистически значимо отличаются по ряду шкал теста самооотношения. Так, для респондентов в зрелом возрасте характерен более высокий уровень самоуважения, самоуверенности, самопринятия, самопоследовательности, а также самопонимая, чем для участников в молодом возрасте. Все это в совокупности позволяет говорить о том, что более взрослые респонденты относятся к себе с большим принятием и их глобальное самооотношение выше, чем у более молодых людей.

3. Существуют особенности взаимосвязи между уровнем социально предписанного перфекционизма и уровнем самооотношения личности.

Между двумя группами респондентов практически отсутствуют различия по уровню перфекционизма, ориентированного на себя, т.е. вне зависимости от возраста участники исследования предъявляют к себе высокие требования. По шкале перфекционизма, ориентированного на других, респонденты из группы зрелого возраста более склонны предъявлять завышенные требования к окружающим людям, чем респонденты молодого возраста. По уровню социально предписанного перфекционизма участники исследования в зрелом возрасте более склонны расценивать требования, предъявляемые к ним обществом или

окружающими, как завышенные, чем участники молодого возраста. По интегральной шкале перфекционизма респонденты в зрелом возрасте обладают более высоким уровнем перфекционизма, чем участники в возрасте до 37 лет. Перфекционизм и такая его разновидность, как социально предписанный перфекционизм, взаимосвязан с самоотношением личности. При росте уровня социально предписанного перфекционизма, т.е. восприятия требований общества, а также ближайшего окружения как завышенных или необоснованных, происходит снижение общего уровня самоотношения личности, что понижает принятие, аутосимпатию и понимание человеком самого себя. Кроме того, при этих условиях человек в большей степени стремится к самообвинениям в случае неудач.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 20-013-00075 «Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates».

Литература

- Афонина, Каракьян 2021 – *Афонина С.А., Каракьян Г.А.* Высокая тревожность у молодежи: причины и способы преодоления [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 291–293. URL: <https://moluch.ru/archive/357/79857/> (дата обращения 22 сент. 2021).
- Глуханюк 2005 – *Глуханюк Н.С.* Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 216 с.
- Гусельцева 2021 – *Гусельцева М.С.* Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей, поведенческих стратегий и норм в малых культуральных движениях // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 4–28.
- Кохут 2003 – *Кохут Х.* Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003. 308 с.
- Марцинковская 2021 – *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования транзитивного пространства // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45.
- Марцинковская, Орестова 2017 – *Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р.* Эстетическая парадигма в транзитивном мире // Артикульт. 2017. № 27 (3). С. 134–143.
- Пантилеев 1988 – *Пантилеев С.Р.* Строение самоотношения как эмоционально-оценочной системы: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1988. 19 с.

Полева 2021 – Полева Н.С. COVID-19. Некоторые аспекты фрустрации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 84–99.

Прихожан 2001 – Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. 304 с.

Фромм 2016 – Фромм Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] // А.И. Фет. Собрание переводов. Швеция: Philosophical arkiv, 2016. С. 92. URL: http://www.aifet.ru/books/transl_v6_Fromm.pdf (дата обращения 20 сент. 2021).

Хорошилов 2021 – Хорошилов Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83.

Hamachek 1978 – Hamachek D. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. Vol. 15. P. 27–33.

References

Afonina, S.A. and Karak'yan, G.A. (2021), "High anxiety among young people: causes and ways of overcoming", *Young scientist* [Electronic], no. 15 (357), pp. 291–293, available at: <https://moluch.ru/archive/357/79857/> (Accessed 22 Sent. 2021).

Fromm, E. (2016), *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom] [Electronic], Philosophical arkiv, Sweden, p. 92, available at: http://www.aifet.ru/books/transl_v6_Fromm.pdf (Accessed 20 Sent. 2021).

Gluhan'yuk, N.S. (2005), *Praktikum po psihodiagnostike* [Workshop on psychodiagnosics: studies. Manual], 2nd ed., Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, Moscow, Russia, p. 216.

Guseltseva, M.S. (2021), "A transdisciplinary approach to the study of latent changes in values, behavioral strategies and standards in modern society", *New psychological research*, no. 1, pp. 4–28.

Hamachek, D. (1978), "Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism", *Psychology*, vol. 15, p. 27–33.

Khoroshilov, D.A. (2021), "Ontological, social and psychological precarity: ways of interaction in transitive society", *Novy'e psihologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 64–83.

Kohut, H. (2003), *Analiz samosti: Sistematicheskij podhod k lecheniyu narcissicheskikh narushenij lichnosti* [Self Analysis: A systematic approach to the treatment of narcissistic personality disorders], Kogito-Center, Moscow, Russia, p. 308.

Martsinkovskaya, T.D. (2021), "New methodology for the investigation transitive space of changing personality", *Novy'e psihologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 31–45.

Martsinkovskaya, T.D. and Orestova, V.R. (2017), "Aesthetic paradigm in a transitive world", *Artikul't*, no. 27 (3), pp. 134–143.

Pantileev, S.R. (1988), "The structure of self-attitude as an emotional evaluation system", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow State University, Moscow, Russia.

Poleva, N.S. (2021), "COVID-19 Some aspects of everyday life's frustration", *Novy'e psihologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 84–99.

Prizozhan, A.M. (2001), *Trevozhnost' u detej i podrostkov: prixologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety in children and adolescents: pichological nature and

age dynamics], Psychological and Social Institute, Moscow, Publishing house of NGO "MODEK", Voronezh, Russia, 304 p.

Информация об авторах

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *Oksana-danshina@rambler.ru*

Евгения А. Бубновская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *ea7333629@gmail.com*

Information about the authors

Oksana V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *Oksana-danshina@rambler.ru*

Evgeniya A. Bubnovskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *ea7333629@gmail.com*

Соревновательная тревога в спорте. Взгляд аналитического психолога

Наталья Ю. Федунина

*ЦТиСК Москомспорта,
Москва, Россия, Natalia_fedunina@mail.ru*

Аннотация. Успешность спортивной деятельности в соревновательной ситуации во многом определяется психологической готовностью, тем, как настроен психический аппарат спортсмена, насколько спортсмен способен справиться с вызовами соревновательной ситуации, психическими механизмами, которые спортсмен использует для совладания с тревогой. В статье ситуации соревновательных трудностей рассматриваются с точки зрения теории объектных отношений, микродинамических сдвигов во внутриспсихической реальности спортсмена. В ситуации повышения тревоги и сложностей ее переработки могут привлекаться примитивные психические защиты: расщепления, идеализации, проекции, отрицания внешней и внутренней реальности, проективная идентификация. Их наиболее типичными следствиями являются переживания неуверенности в себе, снижение точности понимания и антиципации действий соперника, ощущение мышечной скованности, недооценка/переоценка соперника, ухудшение количественных и качественных характеристик спортивного действия. В статье представлены два случая со спортсменами разной спортивной квалификации, на материале которых обсуждаются проявления и следствия действия этих примитивных форм защиты. Также описывается специфика позиции психолога в спорте, значимость понимания им психической реальности спортсмена, потребностей, стоящих за тревогой, а также необходимость помощи в интеграции «я», несмотря на преобладающую целевую ориентацию на быстрый результат.

Ключевые слова: спорт, соревнования, теория объектных отношений, идентичность

Для цитирования: Федунина Н.Ю. Соревновательная тревога в спорте. Взгляд аналитического психолога // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 82–95. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-82-95

Competitive anxiety in sports. The view of an analytical psychologist

Natalia Yu. Fedunina

*Center of Sport Technologies,
Moscow, Russia, Natalia_fedunina@mail.ru*

Abstract. The success of sports activity in a competitive situation is largely determined by psychological readiness, how the athlete's mental apparatus is configured, how much the athlete is able to cope with the challenges of a competitive situation, the mental mechanisms that the athlete uses to cope with anxiety. In the article, the situations of competitive difficulties are considered from the point of view of the theory of object relations, microdynamic shifts in the intrapsychic reality of an athlete. In a situation of increased anxiety and the difficulties of its processing, primitive mental defenses can be involved: splitting, idealization, projection, denial of external and internal reality, projective identification. Their most typical consequences are feelings of self-doubt, a decrease in the accuracy of understanding and anticipation of the opponent's actions, a feeling of muscle stiffness, underestimation/overestimation of the opponent, a decrease in the quantitative and qualitative characteristics of sports action. The article presents two cases of athletes of different sports qualifications, on the basis of which the manifestations and consequences of these primitive forms of protection are discussed. It also describes the specifics of the position of a psychologist in sports, the importance of understanding the mental reality of an athlete, the needs behind anxiety, as well as the need for help in integrating the "I", despite the prevailing target orientation for a quick result.

Keywords: sports, competitions, the theory of object relations, identity

For citation: Fedunina, N.Yu. (2021), "Competitive anxiety in sports. The view of an analytical psychologist", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no. 4, pp. 82–95. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-82-95

Введение

Ситуация соревнования связана со значительным и резким повышением социальной тревоги вследствие таких факторов, как социальная оценка, ответственность, конкуренция и пр. Понимание психических изменений в этой ситуации может служить, как в патологическом методе французских психологов XIX в., тем контекстом, в котором изучаемые явления предстают особенно ярко и рельефно, позволяя лучше понять внутриспсихические микро-изменения, то, как внешняя социальная ситуация соотносится с внутренней.

Психологические факторы, связанные с переживанием соревновательной тревоги, вносят коррективы в систему реализации сложной спортивной деятельности, психомоторного процесса решения двигательной задачи, воздействуя даже на автоматизированные навыки. В.М. Аллахвердов вводит понятие неосознанного негативного выбора, согласно которому «ошибка порождается не помехами, а логикой работы перцептивного механизма. То, что ...испытуемый в других условиях предъявления считает ошибкой, является правильным решением в логике познавательного процесса» [Аллахвердов 1993, с. 76]. Можно предположить, что то, как спортсмен переживает соревновательную тревогу, во многом определяет эту логику, создавая особые настройки психического аппарата, способствующие или затрудняющие реализацию его потенциала.

В данной статье на материале случаев психологического консультирования спортсменов¹ будет рассмотрен феномен соревновательной тревоги, ее психологических проявлений, которые могут лежать в основе реорганизации спортивной деятельности вследствие особенностей переживания и защиты от тревоги в рамках теории объектных отношений. М. Кляйн описывала психику как сцену, где разыгрывается внутренняя драма и актерами предстают внутренние объекты. Собственные психические состояния являются хорошим барометром того, что происходит в нашем внутреннем мире. Например, когда мы переполнены плохими объектами, мы более склонны чувствовать, что нас критикуют, не поддерживают, ругают [Lemna 2015, p. 40]. Можно предположить, что снижение спортивной эффективности и досадные ошибки, сопряженные с состояниями неуверенности, пустоты, растерянности, напряженности, зажатости и пр., связаны не только с особенностями самой соревновательной деятельности (прессинг, внешняя оценка, конкуренция, требование максимальной эффективности и пр.) или психофизиологическими изменениями (существенными колебаниями психофизиологической возбудимости), но и с идентификационными сдвигами, мощной динамикой, которая разворачивается во «внутреннем театре» личности спортсмена под влиянием ситуации.

Соревнование – это ситуация непредсказуемости, остроты требования пребывания «в здесь и теперь», в настоящем, что вызывает необходимость максимальной интеграции личности, «стягивания» всех нитей прошлого и будущего в актуальное действие. Тут не принимаются в расчет былые заслуги или просто интенсивность тренировочного процесса. Это ситуация,

¹ Все личные данные спортсменов изменены.

когда нужно собрать все и вложить в одно выступление, одно само-проявление «я».

В спортивной психологии обсуждается несколько категорий, отражающих способность спортсмена воспринимать спортивную соревновательную задачу как вызов, а не угрозу для личности: целевая ориентация на эго и на задачу, сущностная и динамическая установки [Potgieter 2011]. Ориентированные на решение задачи спортсмены способны лучше фокусироваться на процессе, на поиске с этой целью максимально эффективных и элегантных способов, а не фиксироваться на награде. Тогда как эго-ориентированные спортсмены нацелены на обретение результата ради утверждения себя, подтверждения своей ценности, защиты «я», своей личностной состоятельности.

В концепции Двека [Potgieter 2011] описываются два типа внутренней установки личности в отношении своих способностей – сущностная и динамическая. Сущностная смысловая установка выражает убеждение, что, если у человека есть способность или талант, то его наличие не зависит от приобретаемых умений или навыков. Динамическая же установка предполагает, что талант можно развивать и ошибки, которые спортсмен совершает, не отражают его сущностных качеств. Для спортсменов с динамической ментальной концепцией развития характерно более продуктивное совладание с ситуацией ошибки, восприятие неудачи как мотивирующего фактора. Напротив, среди спортсменов с сущностной установкой соревнование переживается как угроза, а ошибка или неудача может приводить к демотивации и выпадению из деятельности, поскольку ставит под сомнение сущностные категории – таланта, способностей, ценности личности [Potgieter 2011].

С этими категориями соотносится и одна из наиболее популярных, абсолютно справедливых формул спортивного коучинга: фокусируйся на действии, а не на результате. Однако ее реализация затруднена у спортсмена, когда психическое пространство уплощается и решение спортивной задачи ускользает, уступая место куда более важным личностным задачам защиты «я».

Переживание ситуации соревнования как угрозы, а не как вызова, спорта как войны, а состязания как сражения приводят к колебаниям уровня психического и активизации тревог, связанных с самосохранением, к уплощению символической репрезентации спортивной деятельности, переходу на уровень конкретных действий и представлений. Спортсменка Д. говорит, что лучше всего выступает, когда ей удается удерживаться в ситуации игры, когда она, как кошка, может наблюдать за мышкой, играть с ней, а в нужный момент поймать. Способность удерживать соревно-

вательную спортивную ситуацию как ситуацию игры дает возможность сохранять наблюдающую часть «я», не «смешиваться» с соперником, не переходить на уровень конкретного переживания, когда символический спортивный укол становится несущим опасность и выражающим реальность нападения. Сохранение пространства игры – это сохранение трехмерности психического пространства, в котором удерживается позитивный аспект соревнования и не ставится под удар и под сомнение ценность спортсмена. Как отмечал Винникотт, игра предполагает переходное пространство между внутренней фантазией и внешней реальностью, глубину пребывания в этом переходном пространстве и в то же время удержания «как бы». Если человек начинает принимать игру слишком серьезно, он утрачивает способность играть [Greif 2010].

Дуализм спортивной установки «выиграл (величие) или проиграл (ничтожество)» сводит трехмерное пространство к двумерному, для чего характерны совершенно иные феномены и механизмы функционирования [Athanassiou-Popesco 2015]. Опора на внутренние поддерживающие объекты, уверенность (как доверие к внутренним опорам, имеющимся у спортсмена), интериоризированные отношения подменяются более примитивным акцентом на внешние, поверхностные аспекты восприятия и реагирования. Наиболее типичные жалобы, связанные с происходящим в соревновательной ситуации переходом к двумерному пространству, касаются чувства неуверенности в себе, снижения точности понимания и антиципации действий соперника, ощущения мышечной скованности (когда чувство целостности удерживается не опорой на внутренний/внешний хороший объект, внешним защитным панцирем, второй кожей).

В ситуации роста тревоги и невозможности ее переработать приоритетным становится избавление от нежелательного психического содержания с помощью механизма проекции на соперников, тренера, судей, товарищей по команде, а также привлечения других примитивных защит: расщепления, идеализации, отрицания внешней и внутренней реальности, проективной идентификации.

Проективная идентификация связана с процессом расщепления эго, причем хорошая или плохая часть «я» изгоняется из эго и проецируется во внешние объекты, что приводит к слиянию спроецированных частей «я» с внешним объектом [Rosenfeld 1987]. Это вызывает параноидную тревогу: объект, в который спроецированы враждебные части «я», становится преследующим. В открытых видах спорта (единоборствах, игровых и др.) частым проявлением проективной идентификации являются по-

пытки «думать за соперника», когда проективная идентификация используется как способ контроля опасного и непредсказуемого другого. Такое всемогущее внедрение в соперника приводит к смешиванию с ним, потере своей «игры», нарушению ясного видения ситуации, а также тревоге и специфическому переживанию пустоты, потери себя. Внедрение с целью получения контроля над «источником опасности» существенно затрудняет взаимодействие с внешним миром, утрате точности и скорости восприятия, понимания спортивной ситуации, взаимоотношений с соперниками и товарищами по команде. Спортсменка М. сетует, что, посмотрев после поединка запись, сразу видит, что сделала не так и что надо было делать в той ситуации, и удивляется, что это не пришло в голову во время соревнований. Такого рода проявления могут быть следствием действия проективной идентификации, приведшей к смешению с соперницей и затруднениям спортивного мышления, восприятия и анализа моментов соревнования. Ситуация, переживаемая во внутреннем мире, может заглушить восприятие внешней реальности. Тогда фантазия рискует восторжествовать над оценкой реальности и суждением. Избыточное расщепление и проективная идентификация, по Мельцеру [Meltzer 1990], приводят к недифференцированной интроекции и недостатку интеграции «я», существенно ослабляют «я».

Переживание другого, восприятие соперника – одна из ярких сфер, в которых проявляется микродинамика переключения с трехмерного на двумерное психическое пространство. Как отмечает Дж. Стайнер в книге «Психические убежища», одно из последствий проективной идентификации заключается в том, что «субъект относится к объекту не как к отдельной личности. Он может пренебрегать теми аспектами объекта, которые не соответствуют проекциям. ... Осознание отдельности приводит к чувству зависимости от объекта и таким образом к тревоге» [Стайнер 2013, с. 76, 78]. Аналогично А. Лемма подчеркивает, что внутренняя интеграция хорошего и плохого в другом и самом себе базируется на признании отдельности объекта [Lemма 2015, р. 46]. Попытки либо усиления контроля за соперником путем проективной идентификации, либо ухода в «психическое убежище», отдаление от ситуации связаны с переживанием тревоги вследствие отделенности и неконтролируемости другого (соперника).

В то же время соревновательная тревога затрудняет и благотворное проявление проективной идентификации, где проекция части себя в другого служит лучшему пониманию соперника и возможности использования этого знания в поединке, когда спортсмен способен и проецировать, и возвращать проекции.

Жесткость границ «я», возникающая в ответ на соревновательную тревогу, глобальность «no-entry» системы снижает гибкость восприятия и понимания действий соперника, лежащих в основе процессов антиципации, возможности «прочитать» соперника, но не слиться с ним.

Работа депрессивной позиции позволяет преодолеть фантазии всемогущества, связанные с первичным нарциссическим использованием проективной идентификации, в которой «я» не может вынести своей малости и слабости, своей зависимости от объекта и использует магические средства достижения всемогущества, не признавая постепенности процесса взросления и возрастания. Когда «я» не может отказаться от своего всемогущества, оплакать его, и перед соревнованием оказывается доведенным до состояния того, кто ничего не узнал, ничего не приобрел.

Изгоняться могут не только плохие переживания и связанные с ними части «я», но и хорошие, чтобы сохранить в безопасности от того, что переживается как внутреннее плохое, от преследующих внутренних объектов [Klein 1946; Segal 1980]. Этим процессом обусловлены ситуации переоценки соперника, возможностей тренера и пр. Спортсмен К. рассказывает, что в значимые моменты боя он чувствует себя в тупике и начинает искать поддержки, всецело полагаться на подсказки тренера, как будто теряет себя. И в тоже время практически ничего из этих подсказок у него не получалось реализовать, так как они были ему «неудобны». В данном случае спроецированными оказываются хорошие части спортивного «я». В состоянии фрустрации спортсмен пытается «убежать» во внешний идеализированный объект. Эго чувствует себя подчиненным этому идеализированному объекту, теряя ощущение собственной ценности, компетентности, а также агентивные части «я», способные решать конфликты и находить выход из сложной спортивной ситуации. В подобном состоянии спортсмен не может использовать помощь и подсказки, так как тренер становится тем объектом, который «украл» активные и способные части, тем, кто контролирует его, враждебным, коварным внешним объектом, от кого невозможно принять помощь.

В ситуации переоценки соперника, приписывание ему или ей особых способностей, удачи, мастерства и пр. может быть связано с целым рядом феноменов - от проекции хороших частей «я» до переживаний зависти к другому. Спортсмен Т. описывает, как робеет перед опытным соперником, тот для него является идеалом смелости, трудолюбия, стойкости, мастерства. Т. чувствует неловкость и даже считает недостойным выигрывать у Мастера.

Таким образом, ситуация соревнований резко усиливает напря-

жение конфликта требований, сомнений, возможностей в соревновательный период. Трудность выдерживать этот накал внутреннего конфликта, признать и интегрировать разные состояния такие, как нормальные тревоги и страх, может приводить к проекции наиболее сложных переживаний вовне, а, следовательно, и ослаблению это в связи с проекцией состояний и связанных с ними частей «я» вовне. Меняются и ведущие защитные механизмы переживания тревоги. На первый план выходят всемогущество, проекция, проективная идентификация, идеализация, существенно искажающие реальность, меняющие восприятие и отношения с объектом (как с соперниками, так и с помогающей фигурой тренера, а помимо этого - возможностью видеть и принимать помощь). Кроме того, колебания психической организации вследствие ситуаций соревновательной ответственности и требований могут также активировать архаичное суперэго – критическое, осуждающее, наказующее, включенное в ситуацию внутреннего преследования, требующее совершенства. Требование совершенства, в котором «я» как бы приклеивается к своему идеалу и между ними не остается никакого зазора, приводит нас к двумерному пространству, где все, что не является совершенным, приравнивается к нулю, а «игра» цветов, нюансов и вариаций исчезает. Такое уплощение психического мира может свидетельствовать о невыполненной работе интеграции потерь.

Рассмотрим два случая соревновательной тревоги у спортсменов разной спортивной квалификации.

Случай 1. Под гнетом идеальности

Кирилл, 15 лет, КМС. Обратился со сложностями деятельности в ситуации соревнования. «Тренер говорит, да я и сам чувствую, что во время игры я не могу получать кайф, чувствую себя скованно, боюсь ошибиться все время, боюсь, что у меня не получится, очень расстраиваюсь, если ошибаюсь, а уж если это фатальная ошибка, то все... раньше плакал из-за этого, теперь нет, но все равно чувствую себя полным ничтожеством». В контр-переносе при работе с Кириллом я чувствую, что должна показать свою супер-эффективность, я должна задавать хорошие вопросы, оптимально разрешить все проблемы, быстро показать результат, соответствовать всем требованиям и оправдать возложенные ожидания. Это очень довлеющее, давящее переживание: «Ты идеально выполняешь свою работу, иначе ты ноль, никчемный психолог».

Дихотомия обнажает двумерность этой области психического пространства. В нем мало место для «я», которое хочет и готово

учиться, постигать новое, а значит - ошибаться, падать, вставать и искать новые пути. Все блокируется требованием идеальности, требованием совершенного выступления и конкретностью достижения – медалью. Внутренние переживания удовольствия от игры, радости освоения и узнавания, общения чужды двумерной организации. Кирилл бредит медалями и кубками, он должен стать первым, аргументируя, что «медаль – это на всю жизнь», как то конкретное, что может стать гарантом, обеспечить признание и место, остановить мгновение.

Топология его внутреннего пространства – это топология разрыва, где есть высший уровень победы, первого места, и нижний уровень аннигиляции (слабости, поражения, неудачи, сведения к нулю). Всемогущество его вершин гласит: «Ты будешь гигантом, никто тебя не унижит, никто не посмеет тебя не заметить». Но как силен страх этого бесконечного падения с вершины. Любое переживание слабости, уязвимости, малости, не говоря уже о неудаче, служит напоминанием об угрозе падения и необходимости защиты и контроля, чтобы его избежать. Этот разрыв непрерывности внутреннего пространства ограничивает свойственную другой части личности Кирилла способность играть, проявлять терпение и упорство, продолжать работать, чтобы набираться сил и умений, для которой падение не является бесконечным и катастрофическим, которая может сказать: «Я падаю – я встаю». Страх спуститься – это не просто страх стать маленьким, а страх аннигиляции, исчезновения. С одной стороны, будучи все время идеальным, ему не надо работать, чтобы становиться большим, что дает начало ложной силе, так часто обозначаемой им на поверхности, но не переживаемой изнутри. А с другой стороны, оставляет его на растерзание преследующих при любой угрозе неидеальности и слабости.

Такое внутренне расщепление и проекция частей «я» не просто ослабляет эго, но также нарушает точность восприятия реальности. Согласно М. Кляйн, ослабление чувства всемогущества связано с развитием чувства реальности [Кляйн 2008].

Случай 2. Сквозь пустоту

Схожим образом описывает переживаемые ею состояния Ли́ка, 24 года, МСМК. «Я жутко переживаю, если что-то не получается. Я очень хочу выиграть, и все. Меня ловят на моих же ошибках. Если я ошиблась, я уже не могу думать, у меня какая-то паника начинается. И я как будто ничего не знаю и не умею, совершенно пустая. Такую ерунду начинаю делать... потом расстраиваюсь еще больше и уже вообще ничего не соображаю. Ну, и перед соревнованием уже за несколько дней совершен-

но разбитая была: сплошные мысли, что могу проиграть, что у меня не получится. И главное – я все это понимаю, но не могу ничего сделать, это происходит непроизвольно». Дж. Уильямс связывает состояние пустоты с ситуацией пациентов, у которых когда-то было контейнирующее пространство, но они утратили или отказались от него в качестве защиты от психической боли. Место, некогда занятое хорошим присутствующим объектом, не остается вакантным. Его занимают внутренние преследователи [Williams 1997].

Можно предположить, что садистическое, всемогущее, жестокое супер-эго, не знающее пощады, не видящее обстоятельства и ситуации, преследующее и карающее, приводит к бесчувственности к своим нуждам и состояниям, буквальному опустошению профессиональной идентичности, когда нет шансов использовать свое мастерство, реализовать свои возможности, получать удовольствие и радость от любимого дела. Невозможность пережить разочарование от ошибки, преследование и обесценивание приводит к неспособности сохранять хороший, обладающий потенцией объект внутри себя. Ситуация ошибки, переживаемая как ситуация потери хорошего объекта, влечет смену идентификации – на идентификацию с разрушенным, опустошенным объектом, подверженным массированным атакам, обесцениванию и временной потере свойств, связанных с идентификацией с мастером-спортсменом, обладающим опытом и необходимыми навыками.

Согласно А. Дубински, одно из самых распространенных расщеплений заключается в доминировании всемогущей части и отщеплении уязвимой части, которая изолирована от реальности и чьи возможности для роста, развития, взросления существенно ограничены [Dubinsky 1997], что приводит к нестабильности состояния личности, и, как следствие, снижению спортивной эффективности в ситуациях, связанных с повышением эмоционального возбуждения или воспринимающихся как угроза для всемогущей части/идентификации личности. Еще одна часть личности, занимающая понимающую позицию, осознающая происходящее, оказывается в позиции беспомощного наблюдателя, не способного использовать свое знание для регуляции внутренних процессов, осмысления и интеграции разных частей я и их возможностей. Я-нарциссическое чувствует угрозу, сталкиваясь с испытанием реальностью.

Лика говорит, что «упрощается» и из-за этого проигрывает соперницам, теряет в скорости, точности, видении спортивной ситуации. В связи с этим процессом интересно представление П. Жане, различавшего чувства (регуляторы действия) и эмо-

ции (являющиеся следствием трудностей адаптации к ситуации, невозможностью справиться) и описывавшего ситуации трансформации, снижения уровня психического под влиянием эмоций [Janet 1926]. Чувства могут усиливать, временно затормаживать или останавливать определенное первичное действие. Другие действия разворачиваются в своем нормальном режиме. Эмоция же распространяет свое влияние практически на весь организм. Она представляет собой существенное изменение уровня психического, приводящее не только к потере синтетической функции и сведению к автоматическим формам поведения, что ярко видно в случаях истерии, но и к подавлению высших форм поведения и снижению психического напряжения до уровня низших реакций [Janet 1926]. Эти примитивные акты обладают огромным энергетическим зарядом. Для примитивного существа важны не совершенствования действия, не «излишества», но его сила. Эмоция, таким образом, «подменяет качество количеством» [Janet 1926]. Если чувства помогают регулировать действие, понять соперника, отслеживать собственное состояние, усиливать точность метакогнитивного мониторинга, то эмоции переводят поведение, всю систему психомоторной организации на более низкий уровень.

Специфичность позиции аналитического психолога в спортивной психологии

Ситуация соревнования – ситуация резкого повышения уровня тревоги, а следовательно, и переструктурирования уровня защит, совладания с тревогой, напряженной внутренней ситуацией – требования, сравнения, ответственности. Результат действия этих механизмов спортсмены описывают, как «начал думать за соперника», «знал, что надо делать, но почему-то делал другое», «пытался слишком сильно все контролировать, поэтому не получилось выступить свободно, как на тренировке», «весь зажался, стал как деревянный», «переоценил/недооценил соперников».

Область спортивной психологии, особенно применительно к задаче психологической подготовки к соревнованиям, является сферой, где преобладает острое давление результата, срочности, действия. (Впрочем, как и в ситуации консультирования, ориентированного на задачу «убрать» симптом.) И в этом плане, если психолог включается в ту же систему координат, он рискует потерять наблюдающую и понимающую функцию, которую и предполагает его роль.

Как отмечала М. Кляйн, аналитик должен стремиться «лишь анализировать и удерживаться от желания формировать и управлять психикой его пациента. Если тревога не будет пре-

пятствовать ему, он сможет спокойно ждать развития правильного исхода, и таким образом этот исход будет достигнут» [Растин, Растин 2020, с. 49]. Понимание психической реальности спортсмена, микродинамики его идентификационных процессов, хронотопа внутреннего мира, возможность не просто вернуть проекции, а интерпретировать их в контексте отношений, мотивов, характера тревоги и цели проекции [Segal 1980], сфокусироваться на потребности, которая стоит за тревогой [Alvarez 1992], может помочь спортсмену в интеграции «я», возвращении частей «я», усилении эго перед лицом тревоги и фрустрации, и как следствие - в повышении точности восприятия и реагирования на реальность соревнований. Аналитическая психология дает понимание связи переживаний спортсмена, его поведения, эмоциональных реакций/состояний и действий с внутренними объектами и интернализированными объектными отношениями. На сеансе в переносе может быть реконструирована внутренняя ситуация спортсмена, понимание и переработка которой способно изменить внутренний ландшафт психического и помочь спортсмену удерживать трехмерность психической реальности с ее плодами спонтанности, состояния потока, игры, антиципации, удовольствия и радости от соревнования.

Спорт с его сочетанием мастерства и красоты тела и духа в своем подлинном, зрелом воплощении может быть той сферой опыта изучения взаимосвязи телесного и психического, пребывания в настоящем благодаря каждодневному опыту обращения со своими возможностями и несовершенством, без отрицания человеческой неполноты, взаимозависимости и ограничений [Hansell 2010].

Благодарности

Мы благодарим Клеопатру Атанассиу-Попеско за внимательное прочтение нашей статьи и помощь в работе над ней, а также спортсменов за совместный опыт анализа и исследования столь сложной и глубокой темы.

Acknowledgements

I would like to thank Cléopâtre Athanassiou-Popesco for careful reading and assistance in working on the article, as well as athletes for the joint experience of understanding and researching such a complex and deep topic.

Литература

Аллахвердов 1993 – Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб.: Печ. Двор, 1993. 325 с.

Кляйн 2008 – *Кляйн М.* Развитие одного ребенка // Психоаналитические труды в 7 тт. Развитие одного ребенка. Т. 1 / Науч. ред. С.Ф. Сироткин, М.Л. Мельникова. Ижевск: ИД «ERGO», 2008. С. 11–81.

Растин, Растин 2020 – *Растин М., Растин М.* Читая Кляйн. М.: ИОИ, 2020. 347 с.

Стайнер 2013 – *Стайнер Дж.* Психические убежища. М: Когито-центр, 2013. 239 с.

Alvarez 1992 – *Alvarez A.* Live company: Psychoanalytic psychotherapy with autistic, borderline, deprived and abused children. London: Tavistock/Routledge, 1992. 264 p.

Athanassiou-Popesco 2015 – *Athanassiou-Popesco C.* L'aquisition de la troisième dimension psychique. France: Édition Popesco, 2015. 228 p.

Dubinsky 1997 – *Dubinsky A.* The apprehension of emotional experience // Psychotic states in children / Ed. by M. Rustin, M. Rhode, A. Dubinsky, H. Dubinsky. London: Duckworth, 1997. P. 5–25.

Greif 2010 – *Greif D.* Revaluating Sports // Contemporary Psychoanalysis. 2010. Vol. 46 (4). P. 550–561.

Hansell 2010 – *Hansell J.* Sports–Applied Psychoanalysis Par Excellence // Contemporary Psychoanalysis. 2010. Vol. 46 (4). P. 539–549.

Janet 1926 – *Janet P.* De l'angoisse à l'extase: Etudes sur les croyances et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. T. 1. Paris: Alcan, 1926. 532 p.

Lemma 2015 – *Lemma A.* Introduction to the practice of psychoanalytic psychotherapy. Second edition. Chichester: Wiley, 2015. 344 p.

Meltzer 1990 – *Meltzer D.* The Claustroom. London: Karnac Books Ltd., 1990. 195 p.

Klein 1946 – *Klein M.* Notes on some schizoid mechanisms // The International journal of psycho analysis. 1946. Vol. 27. P. 99–110.

Rosenfeld 1987 – *Rosenfeld H.* Impasse and interpretation. New York, London: Tavistock, 1987. 324 p.

Potgieter 2011 – *Potgieter R.* Goal orientation, the growth mindset and coping strategies for success and failure in competitive sport: Ph.D. dissertation. Pretoria: Sciences University of Pretoria South Africa, 2011.

Segal 1980 – *Segal H.* Introduction to the Work of Melanie Klein. New York: Basic Books, 1980. 154 p.

Williams 1997 – *Williams J.* Internal landscapes and foreign bodies: Eating Disorders and Other Pathologies (Tavistock Clinic Series). New York: Routledge, 1997. 158 p.

References

Allakhverdov, V.M. (1993), *Opyt teoreticheskoi psikhologii (v zhanre nauchnoi revolyutsii)* [The experience of theoretic psychology], Pech. Dvor, St. Petersburg, Russia.

Alvarez, A. (1992), *Live company: Psychoanalytic psychotherapy with autistic, borderline, deprived and abused children*, Tavistock/Routledge, London, England.

Athanassiou-Popesco, C. (2015), *L'aquisition de la troisième dimension psychique*, Édition Popesco, France.

Dubinsky, A. (1997), “The apprehension of emotional experience”, in Rustin, M., Rhode, M., Dubinsky, A. and Dubinsky, H. (ed.), *Psychotic states in children*, Duckworth, London, England, pp. 5–25.

- Greif, D. (2010), "Revaluing Sports", *Contemporary Psychoanalysis*, vol. 46 (4), pp. 550–561.
- Hansell, J. (2010), "Sports–Applied Psychoanalysis Par Excellence", *Contemporary Psychoanalysis*, vol. 46 (4), pp. 539–549.
- Janet, P. (1926), *De l'angoisse à l'extase: Etudes sur les croyances et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. Tom 1*, Alcan, Paris, France.
- Klein, M. (1946), "Notes on some schizoid mechanisms", *The International journal of psycho-analysis*, vol. 27, pp. 99–110.
- Klein, M. (2008), "The development of a child", in Sirotkin, S.F. and Mel'nikova, M.L. (ed.), *Psikhoanaliticheskie trudy v 7 tt. Razvitie odnogo rebenka. Tom 1* [Psychoanalytic works in 7 tomes. The development of a child. T. 1], ID «ERGO», Izhevsk, Russia, pp.11–81.
- Lemma, A. (2015), *Introduction to the practice of psychoanalytic psychotherapy*, 2nd ed., Wiley, Chichester, England.
- Meltzer, D. (1990), *The Claustrium*, Karnac Books Ltd., London, England.
- Potgieter, R. (2011), *Goal orientation, the growth mindset and coping strategies for success and failure in competitive sport*, Ph.D. dissertation, Sciences University of Pretoria South Africa, Pretoria, South Africa.
- Rosenfeld, H. (1987), *Impasse and interpretation*, Tavistock, New York, London, USA, England.
- Rustin, M. and Rustin, M. (2020), *Chitaya Klyain* [Reading Klein], IOI, Moscow, Russia.
- Segal, H. (1980), *Introduction to the Work of Melanie Klein*, Basic Books, New York, USA.
- Stainer, J. (2013), *Psikhicheskie ubezishcha* [Psychic retreat], Kogito-tsentr, Moscow, Russia.
- Williams, J. (1997), *Internal landscapes and foreign bodies: Eating Disorders and Other Pathologies (Tavistock Clinic Series)*, Routledge, New York, USA.

Информация об авторе

Наталья Ю. Федунина, кандидат психологических наук, Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта, Москва, Россия; 129272, Россия, Москва, ул. Советской Армии, д. 6; Natalia_fedunina@mail.ru

Information about the author

Natalia Yu. Fedunina, Cand. of Sci. (Psychology), Center for sports technologies and training of sports teams of Moskomspor, Moscow, Russia; bld. 6, Sovetskaya Armii Street, Moscow, Russia, 129272; Natalia_fedunina@mail.ru

Психологические аспекты татуирования тела у современной молодежи

Елена В. Бахадова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bach-ev@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается проведенное исследование молодежи, наносящей татуировки и без таковых. Если в более ранних работах разных авторов татуирование рассматривалось как деструктивная субкультура преступного мира, то в современном мире отношение у молодежи к татуировкам стало предметом самовыражения, самоидентификации и знаком близких им субкультур. Однако, за следованием субкультурам и молодежной моде чаще всего стоят психологические аспекты и механизмы, которые и сделались целью изучения в представленном исследовании. Гипотеза исследования заключается в предположении, что восприятие образа тела, характеристики идентичности и самоотношения, самопрезентация и экзистенциальная направленность молодежи с татуировками и без татуировок будут иметь внутреннюю взаимосвязь и значимо различаться между собой. В исследовании приняли участие 112 человек молодого возраста с татуировками и без них. В результате нами были обнаружены значимые различия между заявленными характеристиками молодежи с татуировками и без них, а также выявлены такие психологические аспекты стремления к татуажу, как: восприятие тела в качестве носителя информации, а не восприятие тела в его целостном контексте; идентификация молодежи с татуировками связана в большей степени с феминными характеристиками и креативными ролями; сюда же следует отнести высокий уровень самопрезентации, адекватная самооценка и сниженный уровень самоотношения; низкий уровень осмысления и экзистенциальной исполненности.

Ключевые слова: психологические аспекты татуирования тела, татуирование, самопрезентация, самооценка, идентичность, телесность, экзистенция, современная молодежь

Для цитирования: Бахадова Е.В. Психологические аспекты татуирования тела у современной молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. №4. С. 96–116. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-96-116

Psychological aspects of body tattooing in modern youth

Elena V. Bakhadova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bach-ev@mail.ru*

Abstract. The study of young people who apply tattoos and without them is discussed in the article. If earlier tattooing was considered as a destructive subculture of the criminal world, today the attitude of young people to tattoos has become a self-expression, a sign of their subculture. However, following the fashion most often has psychological aspects and mechanisms. The hypothesis of the study was the assumption that the perception of the body image, the characteristics of identity and self-attitude, self-presentation and existential orientation of young people with and without tattoos will have an internal relationship and significantly differ from each other. The study involved 112 young people with and without tattoos. Differences were found between the characteristics of young people with and without tattoos, such as psychological aspects of the desire for tattooing were revealed, such as: perception of the body as a carrier of information, rather than the perception of the body in its holistic context; identification of young people with tattoos correlates with feminine characteristics and creative roles; high self-presentation, adequate self-esteem and low self-attitude; low level of comprehension and existential fulfillment.

Keywords: psychological aspects of body tattooing, tattooing, self-presentation, self-esteem, identity, physicality, existence, modern youth

For citation: Bakhadova, E.V. (2021), "Psychological aspects of body tattooing in modern youth", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no. 4, pp. 96–116, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-96-116

Введение

Известно, что татуирование тела явление не новое, ему насчитывается тысячи лет и оно всегда имело культуральное значение, предполагающее отношение к определенной идентичности, культуре и субкультуре, иерархии [Ельский 1997]. В средневековой Европе татуирование тела было запрещено церковью как инородная ритуальность, но могло использоваться в качестве клеймения преступников, и такая ситуация сохранялась довольно долго, вплоть до Нового времени [Atkinson 2004]. В современном европейском менталитете (к каковому сейчас все более относится и российское культурное пространство) татуирование пусть и не повсеместно, но как тенденция стало вполне распро-

страненным модным веянием среди молодежи и взрослых, видом искусства.

Однако, специалисты различных правовых и медицинских, социальных и психологических направлений воспринимают этой моде более ответственно и настороженно. Так, американский психиатр Армандо Фавацца относит татуировки, самопорезы, пирсинг и шрамирование к самоповреждениям, парасуицидальным явлениям [Польская 2014]. Он считает подобное поведение определенным видом копинг-стратегии: при таком типе защиты человек перестает направлять эмоциональную энергию, скрытые эмоции на преобразование внешнего мира, а направляет их на себя.

Крупный специалист в области криминальной психологии, профессор, доктор психологических наук В.Ф. Пирожков, посвятивший ряд трудов изучению стилистического и образного языка криминальной татуировки, описал его через систему ценностей криминальной среды, где каждый из символов несет в себе зашифрованное послание от его носителя [Пирожков 1994].

К изучению татуировки с точки зрения интегральной оценки проявления психопатологии личности носителя имеет многолетнее отношение и клинический опыт их расшифровки врач-психиатр, нарколог Борохов А.Д. [Борохов 2017]. Им была предложена многоосевая классификация татуировок и их патоприменение. Исследователем выделены оси: по изобразительной характеристике, по групповой принадлежности и ось изображений по смысловой нагрузке.

Смысловая нагрузка татуировок выражает основное ее назначение и вступает в коммуникацию с окружающим миром, демонстрируя черты собственного «Я» ее носителя, которые может проиллюстрировать татуировка.

Многими авторами показано также то, что декоративно-украшательский мотив получил за последние годы самое широкое распространение среди молодежи и, как правило, такой вид татуировки предназначен для привлечения дополнительного внимания окружающих. За этим кроется желание вызвать восхищение или удивление, а также и некий эротический эффект, в зависимости не столько от изображения, сколько от локализации *bodi*-рисунка [Борохов и др. 2009; Sperry 1991; Pozgain et al. 2004; Valentine, Schober 2000]. По мнению Борохова А.Д., декоративно-украшательский тип татуировки в некоторой степени «является проявлением не только истеричности и нарциссизма у акцентуированных личностей, но и проявлением эксгибиционизма, потому что параллельно с рисунком демонстрируется еще и тело его носителя» [Борохов 2017].

Социально-психологические исследования говорят более сдержанным языком о том, что, например, «татуировка – это социальное письмо обществу от ее носителя» [Шнырева 2009]; показывают, что татуировки часто наносят люди с высокими амбициями, например, музыканты, художники, артисты [Овсянникова 2017]. Потому большая часть подростков и молодежи, вступившей в возраст активного обретения идентичности, столь подражательна в своих действиях (и в частности, татуированию) вслед своим кумирам либо авторитетам. Посыл о том, что тело принадлежит только самому человеку и что он может делать с ним все, что ему захочется («мое тело – мое дело»), становится раскрепощающим и разрешающим обратиться к нанесению знаков на тело. Это явление объяснимо также стремлением осознания своей телесности и своей идентичности, которые выходят на первое место у подростка в период пубертата, хотя это приводит обычно к шоковому состоянию и к растерянности родителей, видящих в них неадекватную креативность и самоповреждение. С молодежью дело обстоит куда сложнее, так как обращение к татуировкам – это уже скорее не необдуманый импульс, а, на ее взгляд, сознательное стремление к украшению своего тела и самовыражению, метафора завершения сепарации от родителей.

Но всегда за внешним действием стоит действие внутреннее – философский и психологический смысл нанесения на тело различных знаков.

Телесность в становлении личности человека занимает важное место, именно телесность, а не физическое тело. Телесность – это результат процесса онтогенетического личностного развития в соответствии с культурной, смысловой и психологической составляющей человека, его адаптации и самореализации, а не просто взросления или старения.

М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» ставит проблему тела как ценности в единственном конкретном мире по отношению к субъекту: «Мое тело – в основе своей внутреннее тело, тело другого – в основе внешнее тело» [Бахтин 2017]. Внутреннее тело понимается как момент самопознания, своих внутренних ощущений, потребностей, желаний. Внешнее осознание тела – тела другого или моего тела глазами другого – всегда фрагментарно, не достигает полноты, но через внутренний эквивалент, через его посредство принадлежит внутреннему единству. Любить свое тело – это глубокое внутреннее переживание по М.М. Бахтину: «Нарцисс интересен именно как характеризующее и поясняющее правило исключение. Можно переживать любовь другого к себе, можно хотеть быть любимым, можно представлять себе и предвосхищать лю-

бовь другого, но нельзя любить себя как другого, непосредственно... Нельзя любить ближнего как самого себя или, точнее, нельзя самого себя любить, как ближнего, можно лишь перенести на него всю ту совокупность действий, какие обычно совершаются для себя самого» [Бахтин 2017]. Таким образом, представление о себе и своем теле складывается из внутренних и внешних представлений о себе. Этот процесс начинает активно запускаться в подростковом возрасте, как бы на новом витке самопознания себя как нового человека, как взрослого. Но на определенном этапе, в важных кризисных, возможно, конфликтных моментах перед развивающейся личностью встает необходимость также «преодоления социализации» [Зинченко 2005], необходимость нахождения «пути к себе». Эти суждения помогают нам увидеть всю сложность обретения телесности в подростковом, юношеском и молодом возрасте, рассмотреть как противоречивый и не прямой процесс.

Еще один важный для нашего размышления взгляд на телесность мы можем найти в экзистенциальном подходе [Лэнгле 2015], где источниками идентичности являются четыре реальности, или реальных факта: у меня есть тело; у меня есть чувства и переживания; я переживаю самого себя не «как объект», я могу действовать. Отсюда вытекает, что образ «Я» заключается в четырехмерном представлении о себе: о своей внешности, способностях, качествах и характеристиках, навыках и умениях, действиях.

Мы знаем, что активный процесс самоидентификации происходит в подростковом и юношеском возрасте, соответственно в молодости этот процесс уже должен быть достаточно вызревшим и сформированным, как и самоотношение и самооценка молодого человека. Но, как известно, психологический возраст – это явление социально-психологическое, где требования и условия взросления диктуются социумом. Сегодня, по мнению многих специалистов – медиков, социологов, психологов, подростковый возраст пролонгирован в связи с тем, что молодые люди не вступают в возраст ранней зрелости в классические временные рамки, описанные психологами XX века [Силвер 2018].

В научных исследованиях уже есть некоторые наработки в понимании механизма стремления к татуированию тела. Так, исследование татуировок как формы репрезентации социокультурных кодов визуальности в молодежной среде было проведено Л.А. Мельниковой в диссертационной работе. Основным ее выводом стало утверждение о том, что через татуировку происходит адаптация молодежи к миру взрослых, с освобождением ее от семьи через проактивную сепарацию и с возможностью

определился в выборе и формах самовыражения [Мельникова 2015]. Также автором показано, что одной из проблем молодежи является кризис идентичности и трудности в формировании самоидентичности, что приводит ее к стремлению объединяться в различные группы, в том числе включаться в субкультурные объединения: «Молодежь в ситуации переизбытка информации, культурных преобразований, изменения смысложизненных ориентиров прибегает к исторически испытанным кодам репрезентации своей самоидентичности», где татуирование является их внешним выражением [Карабанова, Мельникова 2009].

Выборка

В исследовании приняли участие 112 молодых людей 64 мужского пола и 48 девушек Москвы и Московской области в возрасте от 18 до 23 лет. Разделение на группы происходило с опорой на данные анкеты, которые обнаруживали факт наличия татуировки, что позволило сформировать 2 группы – с татуировками и без них (контрольная группа). В экспериментальную группу – «татуированные» (в сокращении «Т-гр») – вошли 62 человека, в контрольную группу (без татуировок на теле, в сокращении «К-гр») вошли 50 человек. Задачу разделения респондентов по полу и гендеру мы перед собой не ставили.

Методы

Изучение психологических аспектов стремления к татуированию тела современной молодежью было выстроено следующим образом: все респонденты ответили на вопросы социально-биографической анкеты, выясняющей пол, возраст, наличие татуировок, их количество и возраст первой татуировки (опыт татуирования); затем был предложен «Опросник исследования образа тела» Д. Джейд для выявления отношения к телу респондентов; исследование идентичности личности было проведено с помощью методики М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?», позволившей выделить содержательные характеристики идентичности личности молодых людей. Далее следовало изучение самооценки, самооценки и самопрезентации с помощью валидных опросников: для выявления самооценки использовался тест-опросник самооценки (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев); для самооценки личности - методика О.И. Моткова; для определения уровня самопрезентации использовалась методика С.-Ж. Ли, Б. Куигли; для определения сущностных отношений личности к себе и к миру была предложена методика «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер. Статистический анализ обработки данных был произведен с помощью программы IBM SPSS Statistics 21.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что восприятие образа тела, характеристики идентичности и самоотношения, самопрезентация и экзистенциальная направленность молодежи с татуировками и без татуировок будут иметь различные модусы и значимо различаться между собой.

Результаты исследования

На первом этапе был проведен сравнительный анализ исследования образа тела респондентов контрольной и экспериментальной групп, который показал, что в целом значимых различий в восприятии образа тела между группами не наблюдается, также нет значимых различий в двух группах между показателями юношей и девушек и между группами. (Хотя показатели группы с татуировками чуть более высокие, нежели у контрольной группы, что говорит о большем дискомфорте его обладателей в этом вопросе.) Такие близкие показатели позволяют нам предположить, что стремление к татуированию тела не связано напрямую с восприятием образа тела, что речь идет не о формировании образа тела как такового, но о более поверхностном восприятии своего тела – тела как носителя информации.

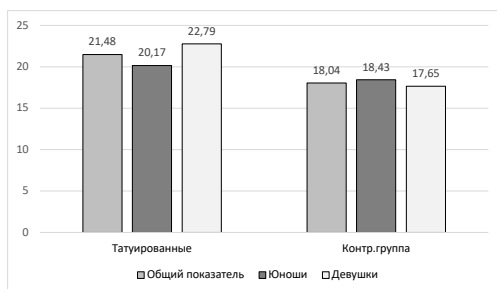

Рис. 1. Показатели различий (средние значения по группе) респондентов двух групп в исследовании образа тела по методике Дин Джей

Следующим этапом анализа было исследование молодежи с татуажем и без него с помощью Методики М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?», которое позволило выделить содержательные характеристики идентичности личности респондентов (Рис. 2).

Все ответы были категоризированы по следующим показателям: «социальные роли», «профессиональные роли», «другие социальные роли», «феминные характеристики», «мускулинные характеристики», «нейтральные характеристики», «креативные характеристики».

В результате сравнения характеристик идентичности моло-

дых людей двух групп, мы обнаружили, что молодежь с татуажем в большей степени проявляет себя феминно, тогда как мускулинные характеристики больше присущи молодым людям без татуажа ($p \leq 0,05$).

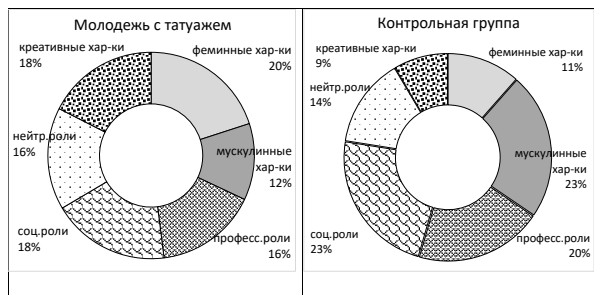

Рис. 2. Показатели содержательных характеристик идентичности личности (средние значения по группе в %) испытуемых по группам по методике М. Куна и Т. Мак-Паргленда (где $U \leq 0,05$)

Профессиональные, социальные и нейтральные роли распределены примерно в близких пропорциях в обеих группах с перевесом в сторону большей осознанности у молодежи без татуажа. А вот креативные роли имеют значимые различия у молодежи двух групп: они больше проявлены у молодежи с татуировками ($p \leq 0,05$).

Исследование самопрезентации, самооценки, самоотношения респондентов позволило увидеть интересные особенности и взаимосвязи показателей обнаруженных характеристик (Рис. 3).

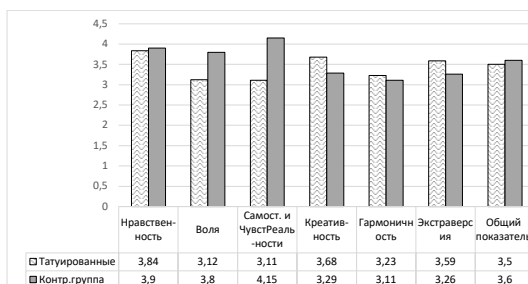

Рис. 3. Показатели различий (средние значения по группе) самооценки респондентов двух групп по методике изучения самооценки О.И. Моткова (где $U \leq 0,05$)

Анализ средних значений самооценки двух групп выявил как некоторые различия, так и близкие значения. Так, показатель шка-

лы «нравственность» имеет очень близкие значения (Т-гр = 3,84 и К-гр = 3,9), наиболее близкие значения также по шкалам «общий показатель» (Т-гр = 3,84 и К-гр = 3,9), «гармоничность» (Т-гр = 3,5 и К-гр = 3,6). Небольшое различие есть в показателях «экстраверсия» (Т-гр = 3,59 и К-гр = 3,26) и «креативность» (Т-гр = 3,68 и К-гр = 3,29) с тенденцией перевеса экстраверсии и креативности у молодежи с татуировками.

Чуть больший разрыв в значениях мы наблюдаем у групп по показателю «воля» (Т-гр = 3,12 и К-гр = 3,8), что свидетельствует о более развитом волевом компоненте у группы без татуировок. И значимые различия определились в показателе «самостоятельность и чувство реальности» ($p = 0,032^*$).

Высокие показатели у группы молодежи без татуировок по шкале «самостоятельность и чувство реальности» говорят о более устойчивом самоощущении ее респондентов: они чувствуют себя самостоятельными, понимающими и ощущающими реальность, у них более развит волевой компонент.

Самоотношение респондентов в двух группах имеет общую тенденцию (Рис. 4). В целом, самоотношение в группе молодежи без татуировок выше, нежели у молодежи с татуировками. Более высокие показатели у группы с татуировками наблюдаются только по шкалам «ожидание положительного отношения от других» (хотя здесь нет значимых различий) и по показателю «ожидание отношения других», где есть значимые различия ($p = 0,032^*$). Эти данные свидетельствуют о том, что для групп с татуировками особо значимо отношение к ним других людей, из чего складывается их самоотношение, можно даже предположить, что, возможно, им будет свойственно построение зависимых отношений.

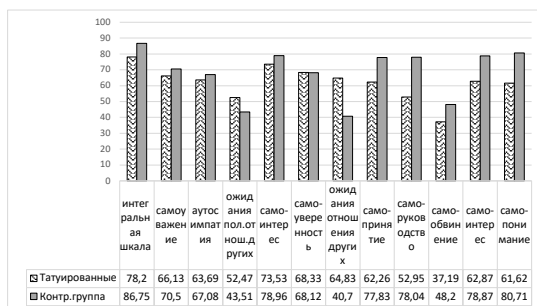

Рис. 4. Показатели различий (средние значения по группе) самоотношения респондентов двух групп по методике изучения самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева (где $U \leq 0,05$)

Важным видится, что значимые различия наблюдаются в показателях «саморуководство» ($p = 0,016^*$) и «самопринятие», «самопонимание», «самоинтерес» ($p = 0,032^*$), которые у группы молодежи без татуировок проявлены в большей степени.

Далее мы проанализировали тактики самопрезентации, выявленные по методике «Шкала измерения тактик самопрезентации» С.-Ж. Ли, Б. Куигли. Результаты диагностики представлены на рисунке 5. Общая тенденция такова: группа молодежи с татуировками стремится к наиболее выраженной самопрезентации по всем показателям по сравнению с контрольной группой. Значимые различия (на уровне $p \leq 0,000$) наблюдаются по всем шкалам, кроме шкалы «запугивание» в качестве самопрезентации.

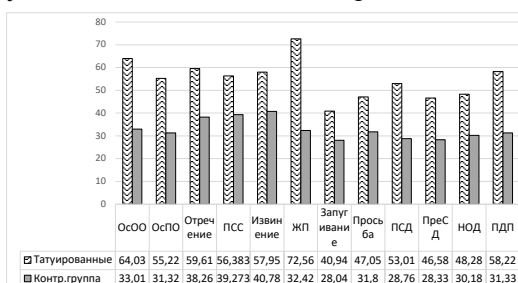

Рис. 5. Показатели различий (средние значения по группе) испытуемых по Шкале измерения тактик самопрезентации в двух групп по методике С.-Ж. Ли, Б. Куигли (где $U \leq 0,05$)

Шкала «Оправдание с отрицанием ответственности (ОсОО)»: средние показатели значимо и ярко преобладают у группы «Татуированные» (64,03), по сравнению с «Контрольной» группой (33,01). Из этого следует, что респонденты первой группы отрицают свою ответственность, оправдывая себя и свою безответственность различными способами в системе отношений «личность – общество», что обычно трактуется как потеря регулятора деятельности личности как социального существа.

Шкала «Оправдание с принятием ответственности (ОсПО)» тоже значимо выражена у группы «Татуированные» (55,22) - более, нежели у «Контрольной» группы (31,32). Из этого следует, что молодые люди могут возлагать на себя ответственность в ситуациях преодоления стресса, и, возможно, эти ситуации стресса могут быть ими преувеличены или переоценены.

Шкала «Отречение» доминирует у группы «Татуированные» (59,61), у «Контрольной» группы - 38,26. Вероятно, респонденты из группы «Татуированные» используют данную тактику самопрезентации чаще, что может являться одним из способов

справиться со страхом, т.е. стремлением отрицать или отгораживаться от какой-либо ситуации или чьего-то поведения, если это не согласуется с их интересами и убеждениями.

Шкалы «Препятствование самому себе» и «Извинение» также значимо различаются у двух групп и занимают высокий рейтинг среди других показателей

Шкала «Желание понравиться» - самая выраженная и первая в рейтинге у группы «Татуированные» (72,56), где у «Контрольной» группы - 32,42. Таким образом, данная тактика самопрезентации часто используется молодежью с татуировками, они любят фотографироваться, выкладывать фотографии в социальные сети и получать одобрение и подкрепление в виде «лайков» и «комментов».

Шкала «Запугивание» не получила при сравнении двух групп значимых различий, и у обеих групп это самая невыраженная характеристика.

Шкала «Просьба/Мольба» более доминирует у группы «Татуированные» (47,05), нежели у «Контрольной» группы (31,8), что говорит о том, что молодые люди с татуировками проявляют некую избирательность в общении, которая задается извне, т.е. не самим субъектом, а его окружением, потому у него появляется желание присоединиться к какому-то определенному человеку или группе, субкультуре.

Шкалы «Приписывание себе достижений» (ПСД) и «Преувеличение своих достижений (ПрСД)» также значимо различаются у двух групп и занимают высокий рейтинг среди других показателей: субъект с татуировками самовозвышается в своих глазах, старается демонстрировать высокую самооценку и доминирование. Привлекая к себе взгляды других людей татуировками, он пытается обратить их внимание на свои достижения или преувеличивать свои достижения.

Шкала «Негативная оценка других» и шкала «Пример для подражания» имеют между собой взаимосвязь и наиболее выражены у группы татуированных. Стремление стать лидером за счет негативной оценки или быть примером для подражания относится все еще к подростковым реакциям и желаниям, которые говорят о психологической незрелости молодежи, где татуировки – это знак самостоятельности и взрослости, но знак внешний, не связанный с внутренней наполненностью. Таким образом, мы можем сделать вывод о высоком уровне стремления к самопрезентации молодежи с татуировками за счет внешних характеристик.

Характеристики внутренней наполненности субъекта можно увидеть через диагностику экзистенциальных (сущностных) определений личности, которые мы проанализировали с помощью сравнения данных по группам, полученных в ответах опросника

«Шкала Экзистенции» [Лэнгле 2015]. Методика «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер измеряет, насколько человек живет осмысленно и в гармонии с собой, как сам человек видит свою жизнь (Рис. 6).

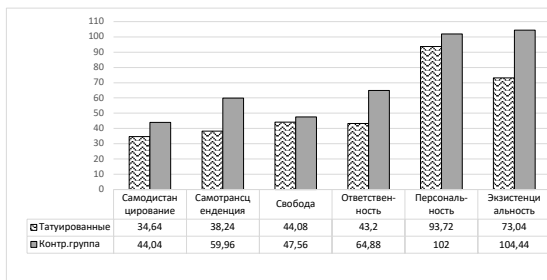

Рис. 6. Показатели различий (средние значения по группе) испытуемых по Шкале экзистенции в двух группах по методике А. Лэнгле и К. Орглер (где $U \leq 0,05$)

Анализ средних значений показателей по Школе Экзистенции показал, что молодежь без татуировок живет более осмысленно. По всем шкалам (самодистанцирование, самотрансценденция, свобода, ответственность, персональность, экзистенция) у них наблюдаются более высокие показатели.

Статические значимые различия были выявлены в таких показателях, как самотрансценденция, ответственность, экзистенциальность и общий показатель – эти критерии были выше у молодежи без татуировок ($p \leq 0,001$).

Самодистанцирование показывает способность человека отойти на дистанцию по отношению к себе самому, быть волевым, осознанным, что он может при необходимости сместить на второй план свои желания, представления, чувства, намерения, ради возможности взглянуть на себя и на ситуацию с некоторой дистанции. Этот показатель может быть как положительным (в данном случае), так и отрицательным, показывающим возможность отчуждения от телесности. *Самотрансценденция* является завершающим звеном самодистанцирования. Она возвращает вновь человека к самому себе через чувствование внутреннего соотношения с собой в прикосновении к ценностям мира. Самотрансцендирование свидетельствует о принятии своей телесности, своей субъектности, своего «Я». В данном случае на самотрансцендирование больше способны молодые люди, не наносящие татуировки (балльные оценки у группы «Т-гр» – 38,24 и у «К-гр» – 59,96 баллов).

Свобода дает возможность действовать в соответствии с собственной иерархией ценностей и приходиться к лично обоснованному решению. Соотнесение с этими внутренними и внешними условиями ведет к тому, что наступает ясность в принятии решений. В нашем случае показатели «свободы» очень близки у обеих групп (44,08 и 47,56 баллов).

Ответственностью измеряется способность человека доводить до конца решения, которые были приняты на основании личных ценностей. Процесс воплощения в жизнь собственных замыслов дает чувство уверенности, что все делается правильно. Человек совершает поступки либо с осознанием их обязательности для себя, либо с осознанием обязательств перед кем-то. Переживаемая ответственность является основным компонентом формирования самооценности. Значимые различия по показателю «ответственность» (балльные оценки по этому показателю у группы «Татуированные» – 43,2 и у «Контрольной» группы – 64,88 баллов) говорят о том, что для молодежи, наносящей татуировки, труднее нести ответственность за себя и перед другими людьми.

Степень *экзистенциальной исполненности* показывает, насколько осмысленна жизнь, присутствует ли внутреннее согласие, соотносятся ли сущности решения и поступки. И здесь значимые различия (Т.гр – 73,4 и К.гр – 104,44 баллов, где $p \leq 0,001$) между двумя группами демонстрируют, что экзистенциальной исполненности не достаёт респондентам группы, обладающим татуировками.

Для выявления взаимосвязи между показателями мы использовали корреляционный анализ Спирмена. И получили следующие результаты, которые важно обсудить. Мы обнаружили коэффициент корреляционной связи между всеми переменными и вынесли в таблицу наиболее интересные и значимые результаты по связям между переменными показателями самоотношения и самопрезентации (см. табл. 1).

В группе молодежи с татуажом прослеживается корреляционная связь по показателям «желание понравиться», «запугивание», «пример для подражания» и «ожидание отношения других людей» в самоотношении.

Эта корреляция показывает, что для молодежи с татуировками характеристики их самоотношения связаны с отношением к ним других людей, которым им важно понравиться. Для этого они или выбирают тактику запугивания, либо стремятся быть примером для подражания, что повышает их самоотношение. Тогда как для контрольной группы «пример для подражания» имеет обратную связь с показателем «ожидание отношения других людей».

Таблица 1

Взаимосвязь самопрезентации и самооотношения молодежи
в экспериментальной (Т.гр) и контрольной (К.гр) группах

Тактики самопрезентации	ожидания отношения других людей		саморуководство		самопринятие		самопонимание	
	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр
Оправдание с отриц. ответственности	,241	-,190	-,464*	,116	-,385*	-,198	-,357	-,164
Оправдание с прин. ответственности	,082	,166	-,313	,087	-,178	,141	-,057	,256
Отречение	-,086	,050	-,023	,123	-,104	-,113	-,409*	-,092
Препятствие самому себе	-,027	-,278	-,186	,075	,071	-,017	-,066	-,080
Извинение	,039	-,033	,096	-,042	-,057	,044	-,001	-,096
Желание поправиться	,412*	,272	,243	,127	,296	,292	,262	,253
Запугивание	,378*	-,010	,378*	,168	,242	,035	,104	-,180
Просьба/ Мольба	,215	-,044	,241	-,354*	,141	,069	,236	,040
Приписывание себе достижений	,219	,282	,226	,194	,256	-,419*	,147	,102
Преувеличение своих достижений	,270	-,282	,050	-,113	,128	-,014	,266	-,313
Негативная оценка других	-,057	,051	-,084	-,023	,143	-,205	-,113	-,070
Пример для подражания	,383*	-,396*	-,379*	,475*	-,379*	,299	-,040	,843**

Примечания. ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Показатель самопрезентации «оправдание с отрицанием ответственности» у молодежи с татуировками имеет обратную корреляционную связь с показателем «саморуководство» и «самопринятие», что свидетельствует о нежелании или не умении брать ответственность на себя при самостоятельном решении жизненных вопросов. «Саморуководство» в этой группе также напрямую связано со стратегией запугивания и - при обратной корреляции - с показателем «пример для подражания», из чего мы можем сделать заключение, что при «саморуководстве», при самостоятельном принятии решений респонденты этой группы мало доверяют себе и не являются для себя примером подражания. Противоположным образом ведут себя молодые люди без татуировок: при «саморуководстве» они стараются не обращаться за помощью и проявляют активность, стремясь быть примером для подражания.

Молодые люди контрольной группы, демонстрируя высокий уровень «самопринятия» в самоотношении, не «приписывают себе достижений», здесь выявлена обратная корреляционная связь.

У молодых людей с татуировками наблюдается обратная взаимосвязь между «самопониманием» и «отречением» в качестве самопрезентации, что свидетельствует об уходе в отречение от чего-либо, возможно, себя, т.е. когда у респондентов нет четкого понимания себя и своих действий (пример: девушка, сделавшая наколки в юном возрасте, хочет пойти учиться на педагога, она считает, что татуировки могут осложнить поступление в педагогический колледж, и потому свою неуверенность в успешной сдаче экзаменов она оправдывает фразой: «Меня все равно с наколками в педагоги не возьмут»).

Коэффициенты корреляционной связи между переменными самооценки и самопрезентации также оказались не столь многочисленными, но красноречивыми. Мы вынесли в таблицу 2 наиболее интересные, значимые результаты по этим связям. Показатель самооценки «нравственность» имеет прямо пропорциональную связь с показателем «пример для подражания» у молодежи контрольной группы и обратно пропорциональную связь у молодежи с татуировками. Такую ситуацию можно интерпретировать как желание молодежи контрольной группы быть примером для подражания вместе со стремлением к самооценке своего поведения как нравственного.

Молодежь с татуировками, чем больше стремится быть «примером для подражания», тем меньше оценивает свое поведение с точки зрения нравственных начал. И одновременно, чем больше респонденты этой группы желают быть примером для подражания, тем меньше они оценивают свое поведение как самостоятельное, с адекватным «чувством реальности».

Таблица 2

Взаимосвязь самопрезентации и самооценки молодежи
в экспериментальной (Т.гр) и контрольной (К.гр) группах

Тактики самопрезентации	нравственность		самостоятельность и чувство реальности		креативность		экстраверсия	
	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр	Т. гр	Кн. гр
Оправдание с отриц. ответственности	-,033	-,009	,099	-,039	-,061	-,129	-,3017	-,046
Оправдание с прин. ответственности	,033	-,141	-,070	-,043	,082	,155	-,313*	,086
Отречение	-,140	-,0252	-,115	-,114	-,067	-,296*	-,046	-,025
Препятствие самому себе	-,088	-,053	-,040	,082	-,047	-,203	,036	-,049
Извинение	-,194	,147	,018	,199	-,009	-,104	-,205	-,161
Желание понравиться	,122	,049	-,147	-,229	,349*	,065	-,029	-,089
Запугивание	,213	-,067	-,155	-,141	,177	,091	,247	-,183
Просьба/Мольба	,100	,108	-,037	,045	,094	-,033	,040	,080
Приписывание себе достижений	,194	,067	-,095	-,128	-,046	-,169	-,135	-,115
Преувеличение своих достижений	,270	,035	-,071	-,103	,009	-,006	-,116	-,200
Негативная оценка других	,188	-,120	,073	-,154	,023	-,169	-,020	-,079
Пример для подражания	-,290*	,389**	-,285*	-,023	-,197	-,008	,269*	192

Примечания. ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Чем выше оценивают свою креативность молодые люди с татуировками, тем больше они «желают понравиться»; тогда как молодые люди контрольной группы, чем выше осознают свою креативность, тем меньше уходят в «отречение» от тех или иных действий при самопрезентации.

Молодые люди с татуировками – более экстравертированные личности: чем больше проявлена у респондентов экстраверсия, тем меньше они включаются в самопрезентацию с «оправданием с принятием ответственности», но при этом хотят быть «примером для подражания».

Был выявлен также коэффициент корреляционной связи между переменными самопрезентации и шкалами экзистенции (см. табл. 3). В группе молодежи без татуажа существовала обратная корреляционная связь по показателям «самодистанцирование» и «отречение», «препятствие самому себе». Такая связь может говорить о том, что чем лучше субъект может дистанцироваться и посмотреть на себя со стороны, тем меньше он будет «отречься», желать спрятаться и «препятствовать самому себе».

Подобная вышеописанной обратная связь проявляется у показателей «персональность» и «отречение».

Показатель «самотрансценденция» значимо меньше проявлен у группы с татуировками: чем меньше они принимают свою телесность и свое «Я», тем более они занимают извиняющуюся позицию при самопрезентации (см. табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь самопрезентации и показателей шкалы экзистенции у молодежи в экспериментальной (Т.гр) и контрольной (К.гр) группах

Тактики самопрезентации	Самодистанцирования		Самотрансценденция		Свобода		Персональность	
	Т.гр	Кн.гр	Т.гр	Кн.гр	Т.гр	Кн.гр	Т.гр	Кн.гр
Оправдание с отриц. ответственности	-,039	-,239	,226	-,008	,016	-,053	-,3017	-,123
Оправдание с принят. ответственности	,023	-,076	,160	,051	,199	,117	-,313*	-,005
Отречение	,063	-,363**	-,203	-,235	-,131	-,014	-,046	-,326*
Препятствие самому себе	,028	-,368**	-,042	-,065	,138	-,107	,036	-,173
Извинение	-,019	,023	-,306*	,073	-,090	-,032	-,205	,057
Желание поправиться	,098	-,259	-,025	-,075	-,053	-,048	-,029	-,175
Запугивание	,078	-,011	,187	-,053	,320*	-,022	,247	-,039
Просьба/Мольба	-,090	-,158	-,032	,044	,062	,121	,040	-,051

Приписывание себе достижений	,226	-,129	-,037	,007	,088	,035	-,135	-,159
Преувеличение своих достижений	,027	-,133	-,155	-,139	,149	,089	-,116	-,021
Негативная оценка других	,110	-,272	,177	-,009	,074	-,059	-,020	-,129
Пример для подражания	-,013	,131	-,255	,204	-,051	-,123	,269*	192

Примечания. ** – Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Эта связь кажется нам достаточно логичной, если вспомнить мысль М.М. Бахтина, что любить свое тело – это глубокое внутреннее переживание для человека, тогда субъекту с татуировками эта любовь к своему телу как объекту дается с большим трудом и переживается в самопрезентации как «извинения».

В группе молодых людей с татуировками обнаружилась значимая корреляционная связь между показателями «свобода» и «запугивание», т.е., чем более свободно себя чувствует такой молодой человек, тем активней его тактика запугивания при самопрезентации.

Чем выше проявлен показатель «персональности» – раскрытия Бытия-Person или открытости «Я» миру, я – тем меньше «оправдания с принятием ответственности» демонстрируют молодые люди с татуажом (обратная корреляционная связь) и «отречения» у молодых людей контрольной группы (без татуажа). В то же время при высокой «персональности» молодежь с татуировками стремится быть примером для подражания (прямая корреляционная связь). В целом, у молодых людей с татуировками «персональность» проявлена несколько ниже (Рис. 6), что говорит о меньшей психологической зрелости, нежели у молодых людей без татуировок.

Заключение

В результате исследования молодежи, наносящей татуировки, благодаря использованию достаточного количества методик, были обнаружены психологические аспекты стремления к татуажу, которые могут быть выражены через следующие блоки, описывающие развитие личности молодого человека:

– телесность: стремление к татуированию тела не связано напрямую с восприятием образа тела в его целостном контексте, тело рассматривается как носитель информации;

– идентичность: идентификация молодежи с татуировками связана в большей степени с феминными характеристиками, для них важны креативные роли и в равных пропорциях и с меньшей осознанностью профессиональные, социальные и нейтральные роли;

– самооценка: скорее адекватная, снижены параметры воли и самостоятельности в сочетании со сниженным чувством реальности;

– самоотношение: в целом самоотношение снижено по сравнению с отношением к себе молодежи без татуировок, наиболее выраженной и проявленной для молодежи с татуировками оказалась характеристика «ожидание отношения от других»;

– самопрезентация: самопрезентация – самая яркая характеристика у молодежи с татуировками: они в 1,5-2 раза больше стремятся к самопрезентации, нежели молодежь без татуировок; наиболее выраженными являются «желание понравиться», «оправдание с отрицанием ответственности», «отречение», «пример для подражания»;

– экзистенция: экзистенциальная исполненность, осмысленность жизни у молодежи с татуировками ниже (у них ниже самотрансценденция ответственность, экзистенциальность), нежели у их сверстников;

Таким образом, современная татуировка оказывается способом выражения своего «Я», скорее даже конструированием своего «Я». Это - не прямое выражение себя, а компенсаторное, и оно преследует две цели: самовысказывание, вызов обществу, негласный призыв, крик о неудовлетворенных потребностях (при высокой самопрезентации и при сниженных самоотношении и самооценке). Человек надеется справиться с эмоциональным напряжением или болью при невозможности чувствовать и действовать. Здесь и происходит объективация - отношение к своему телу не как к части субъективного «Я», а как к инструменту для выражения боли и для нанесения боли. С другой стороны, тело становится инструментом постижения собственной идентичности через отчуждение тела от себя, от своих натуральных ощущений, рассматривается как знаковое поле, как поле для творчества. И наше исследование показало, что молодые люди без татуажа являются более свободными и ответственными, более целостными, имеющими персональные ценности, не нуждающимися в заместительном эффекте через знаковое поле.

Литература

Бахтин 2017 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 544 с.

Борохов 2017 – *Борохов А.Д.* Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя. Часть 2 // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 3. С. 10.

Борохов и др. 2009 – *Борохов А.Д., Кужим Г., Недельская М.* Психосемантический анализ татуировки в судебно-психиатрической экспертизе // Материалы второго международного психолого- социального конгресса 14–15 мая 2009, Санкт-Петербург. СПб.: СПбГИПСР, 2009. С. 34.

Ельский 1997 – *Ельский А.* Татуировка. Минск: МЕТ, 1997. 232 с.

Зинченко 2005 – *Зинченко В.П.* Психология телесности между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005. 159 с.

Карабанова, Мельникова 2009 – *Карабанова С.Ф., Мельникова Л.А.* От маски к имиджу: монография. Владивосток: Дальнаука, 2009. 164 с.

Лэнгле 2015 – *Лэнгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М: Генезис, 2017. 159 с.

Мельникова 2015 – *Мельникова Л.А.* Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности в молодежной среде: Дисс. ... канд. культурологии. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2015. 136 с.

Овсянникова 2017 – *Овсянникова О.А.* Татуировка как социокультурное явление [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. 2017. № 1 (17). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ovsyannikova_oa_17_1_25.pdf (дата обращения 21 сент. 2021).

Пирожков 1994 – *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира (криминальная субкультура). Тверь: Приз, 1994. 323 с.

Польская 2014 – *Польская Н.А.* Структура и функции самоповреждающего поведения // Психологический журнал. Институт психологии РАН. 2014. № 2. С. 45–56.

Силвер 2018 – *Силвер К.* Интервью экспертам медицинского журнала «Lancet». 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42745514> (дата обращения 15 сент. 2021).

Шнырева 2009 – *Шнырева О.А.* Татуировка как социальное письмо // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Вып. 1. С. 103–106.

Pozgain et al. 2004 – *Pozgain I., Barkić J., Filaković P.* Tattoo and personality traits in Croatian veterans // Yonsei medical journal. 2004. Vol. 45. no. 2. P. 300–305.

Sperry 1991 – *Sperry K.* Tattoos and tattooing. Part 1. History and methodology // Am J Forensic Med Pathol. 1991. Vol. 12. no. 4. P. 313–319.

Valentine, Schober 2000 – *Valentine B., Schober R.* Gangs and their tattoos: Identifying Gangbanders on the Street and Prison. Boulder, Colorado: Paladin Press, 2000. 176 p.

References

Bakhtin, M.M. (2017), *Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, Russia.

Borokhov, A.D. (2017), “Multi-axis classification of tattoos for an integral assessment of the manifestations of psychopathology of the carrier’s personality. Part 2”, *Medical psychology in Russia*, vol. 10, no. 3, p. 10.

- Borokhiv, A.D., Kuzhim, G. and Nedelsky, M. (2009), "Psychosemantic analysis tattoos in forensic psychiatric examination", *Materialy vtorogo mezhdunarodnogo psihologo-social'nogo kongressa* [Proceedings of the second international psycho-social Congress], St. Petersburg, Russia, 14-15 May 2009, p. 34.
- Karabanova, S.F. and Melnikova, L.A. (2009), *Ot maski k imidžu: monografija* [From the mask to the image: a monograph], Dalnauka, Vladivostok, Russia.
- Langle, A. (2015), *Person: Jekzistencial'no-analiticheskaja teorija lichnosti* [Person: An existential-analytical theory of personality], Genesis, Moscow, Russia.
- Melnikova, L.A. (2015), "Tattooing as a form of representation of socio-cultural codes of visibility in the youth environment", Ph.D. Thesis, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.
- Ovsiyannikova, O.A. (2017), "Tattooing as a socio-cultural phenomenon", *The science. Society. State* [Electronic], no. 1 (17), available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ovsiyannikova_oa_17_1_25.pdf (Accessed 21 sent. 2021).
- Pirozhkov, V.F. (1994), *Zakony prestupnogo mira (kriminal'naja subkul'tura)* [Laws of the criminal world (criminal subculture)], Prize, Tver, Russia.
- Polskaya, N.A. (2014), "Structure and functions of self-injurious behavior", *Psychological Journal. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 45–56.
- Pozgain, I., Barkić, J. and Filaković, P. (2004), "Tattoo and personality traits in Croatian veterans", *Yonsei medical journal*, vol. 45, no. 2, p. 300–305.
- Shnyreva, O.A. (2009), "Tattooing as a social letter", *Bulletin of the Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, issue 1, pp. 103–106.
- Silver, K. (2018), "Interview with experts of the medical journal "Lancet"", [Online], available at: <https://www.bbc.com/russian/news-42745514> (Accessed 15 sent. 2021).
- Sperry, K. (1991), "Tattoos and tattooing. Part 1. History and methodology", *Am J Forensic Med Pathol*, vol. 12, no. 4, p. 313–319.
- Valentine, B. and Schober, R. (2000), *Gangs and their tattoos: Identifying Gangbanders on the Street and Prison*, Paladin Press, Boulder, Colorado, USA.
- Yale, A. (1997), *Tatuirovka* [Tattoo], MET, Minsk, Belarus.
- Zinchenko, V.P. (2005), *Psihologija telesnosti mezhdū dushoj i telom* [Psychology of physicality between the soul and the body], in Zinchenko, V.P. and Levi, T.S. (ed.), AST, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Бахадова, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл, д. 6; bach-ev@mail.ru

Information about the author

Elena V. Bakhadova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; bach-ev@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-117-129

Социально-психологические аспекты работы педагога в период пандемии

Марина М. Мишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mishinamm@yandex.ru*

Ксения А. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kseniaprimavera@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-психологических аспектов работы педагога в период пандемии. Специфика ситуации, возникшей в обществе в период пандемии, требует изучения психологических характеристик связи стиля управления руководителя коллективом педагогов дошкольной образовательной организации с личностными особенностями сотрудников и социально-психологическим климатом. Актуальность анализа стиля управления дошкольной образовательной организацией в период пандемии вызвана вниманием со стороны родительской общественности к качественному воспитательному процессу, осуществляемому в дошкольных образовательных организациях. В статье приведены результаты исследования личностных особенностей педагогов в контексте внедрения инновационных форм работы в период пандемии с учетом принципов и модели федеральных образовательных стандартов дошкольного образования; описаны факторы, влияющие на психологический климат в коллективе; приведены результаты уровня удовлетворенности своей работой до и после проведения психологического тренинга с сотрудниками образовательного учреждения; даны психолого-педагогические рекомендации для создания оптимального климата и атмосферы психологической безопасности в период модернизации образовательной системы и перехода на альтернативные формы обучения, связанного с уникальной ситуацией пандемии и самоизоляции.

Ключевые слова: характеристики личности, психологический климат, педагогический коллектив, образовательная организация

Для цитирования: Мишина М.М., Воробьева К.А. Социально-психологические аспекты работы педагога в период пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 117–129. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-117-129

Socio-psychological aspects of the teacher's work during the pandemic

Marina M. Mishina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mishinamm@yandex.ru*

Ksenia A. Vorobyeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kseniaprimary@mail.ru*

Annotation. The study of the socio-psychological aspects of the teacher's work during the pandemic is presented in the article. The specifics of the situation that arose in society during the pandemic period require studying the psychological characteristics of the relationship between the management style of the head of teachers of a preschool educational organization with the personal characteristics of employees and the socio-psychological climate. The relevance of the analysis of the management style of a preschool educational organization during the pandemic is caused by the attention of the parent community to the high-quality educational process carried out in preschool educational organizations. The article presents the results of a study of the teacher's personal characteristics in the context of the introduction of innovative work forms during the pandemic, taking into account the principles and model of federal educational standards of preschool education. The factors affecting the psychological climate in the team are described. The results of the level of satisfaction with their work before and after conducting psychological training with employees of an educational institution are presented. Psychological and pedagogical recommendations are given for creating an optimal climate and atmosphere of psychological security during the modernization of the educational system and the transition to alternative forms of education associated with the unique situation of a pandemic and self-isolation.

Keywords: personality characteristics, psychological climate, teaching staff, educational organization

For citation: Mishina, M.M. and Vorobyeva, K.A. (2021), "Socio-psychological aspects of the teacher's work during the pandemic", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no. 4, pp. 117–129, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-117-129

Введение

В период пандемии важно обратить особое внимание на формирование психологического климата в коллективе дошкольной образовательной организации, которое зависит от многих факто-

ров: различий личностных черт сотрудников, совместимости их темперамента и особенностей характера. В сложных социальных условиях, связанных с пандемией, руководитель несет персональную ответственность за эффективность и качество выполняемой работы, подразумевающей продуктивное взаимодействие всех участников воспитательного процесса.

Психолого-педагогическая работа с сотрудниками дошкольной образовательной организации включает в себя психолого-педагогические знания и отработку навыков применения современных технологий, стабилизирующих психологический климат в коллективе. Устойчивый позитивный психологический настрой сотрудников проявляется в многообразных видах деятельности организации в целом, высоком профессионализме воспитателей (знания, умения, навыки, профессиональный опыт) и слаженности их действий в достижении воспитательных целей [Карпов 2016].

Наличие оптимального климата в дошкольной образовательной организации в период пандемии расширяет профессиональную компетентность воспитателя и улучшает условия профессиональной деятельности [Зиновьева 2004].

В исследованиях В.А. Адольфа [Адольф, Степанова 2011] проанализировано развитие профессионального потенциала педагога, происходящее в условиях обновления образовательной практики. Р.А. Исаев [Исаев 2017] определяет возможности применения разнообразных эффективных методов разрешения конфликтов в коллективах и показывает, что при наличии экстремальных ситуаций в условиях совместной деятельности проявляется латентность групповой психологии. Л.Н. Аتماхова [Аتماхова 2018] анализирует понятие профессионального саморазвития педагога дошкольного образовательного учреждения и дает его определение. А.В. Карпов [Карпов 2016] выявляет значимые проблемы принятия решения в трудовой деятельности, а А.И. Чебунин [Чебунин 2017] исследует проблему управления социально-психологическим климатом в коллективе, где выделяет внешние и внутренние факторы удовлетворенности работой. Исследования В.А. Новицкой [Новицкая 2017] касаются разработки психолого-педагогических технологий, в которых она предлагает способы построения индивидуального образовательного маршрута педагога дошкольного образования, что является важным моментом в системе повышения квалификации.

В процессе управления современной дошкольной образовательной организацией выявлены следующие противоречия между [Бездольный, Луковников 2018; Волчкова 2009]:

- наличием благоприятного психологического климата в кол-

лективе, обеспечивающем качество воспитания дошкольников, и неспособностью кадров соответствовать требованиям новых образовательных стандартов, что вызывает психологическое напряжение в коллективе;

- потребностью в подготовке воспитателей к внедрению новых воспитательных инновационных технологий и недооценкой компетенции руководителя в организации научно-методической работы, повышающей квалификацию сотрудников;

- постоянно растущими требованиями в обеспечении условий для преемственности дошкольного и школьного образования и координацией руководителем действий сотрудников для повышения эффективности образовательного процесса;

- усложнением роли руководителя дошкольной образовательной организации и психологическими барьерами в создании комфортного климата в коллективе.

Актуальность исследования состоит в том, что существует проблема стандартизации для выявления личностных характеристик сотрудников дошкольной образовательной организации в период пандемии с целью создания благоприятного социально-психологического климата в контексте внедрения инновационных форм работы с учетом принципов и модели федеральных образовательных стандартов дошкольного образования.

Объект исследования: личностные характеристики сотрудников дошкольной образовательной организации.

Предмет исследования: личностные характеристики сотрудников дошкольной образовательной организации, обеспечивающие благоприятный социально-психологический климат педагогического коллектива.

Цель исследования: выявить личностные характеристики сотрудников дошкольной образовательной организации как фактора социально-психологического климата коллектива.

Методы исследования: методика «Удовлетворенность работой» (В.А. Розанова); методика «Социально-психологическая самооценка группы как коллектива» (Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгина).

В качестве метода статистической обработки данных в исследовании был использован критерий углового преобразования Фишера.

База эмпирического исследования: 22 сотрудника дошкольной образовательной организации.

Анализ и обсуждение результатов

Анализ результатов исследования удовлетворенности условиями работы в период пандемии в коллективе дошкольной образовательной организации выявил, что 65% сотрудников удовлетворены условиями работы, а 35% испытывают дискомфорт от существующих условий организации трудовой деятельности.

Результаты исследования по методике «Самоаттестация группы как коллектива» в период пандемии продемонстрировали высокий уровень сплоченности членов группы педагогического коллектива дошкольной образовательной организации, которые выразились в наличии одинаковых убеждений, помощи друг другу, тесном взаимодействии и своевременной поддержке новых членов коллектива. В ходе самоаттестации была особенно отмечена слаженная работа при решении стоящих перед группой задач в сочетании с достаточно высокой требовательностью друг к другу. Несмотря на слаженную работу сотрудников коллектива дошкольной образовательной организации и проявление взаимовыручки, следует отметить высокий уровень текучести кадров, что заставляет задуматься о всей серьезности психологической работы по сплочению коллектива через личностный рост каждого из его участников.

Средний балл результатов исследования самоаттестации группы как коллектива большинством участников составил 25,4 (более 25 баллов означает, что психологический климат благоприятен); 56% сотрудников педагогического коллектива оценили социально-психологический климат как благоприятный, ни один сотрудник не оценил психологический климат отрицательно. Оценка менее 25 баллов оказалась у 3% сотрудников: по их мнению, они работают в неблагоприятном психологическом климате. Все без исключения сотрудники, участвовавшие в исследовании, упомянули о низком уровне оплаты труда, который негативно сказывается на удовлетворенности занимаемой должностью.

Для формирования оптимального климата в педагогическом коллективе в период пандемии нами был разработан тренинг, проходивший на платформе ZOOM и направленный на формирование эмоционально устойчивой, сплоченной команды педагогов ДОО. Тренинг предполагал развитие у педагогов коммуникативных навыков, уверенности в правильности применения профессиональных знаний, налаживанию взаимопонимания при активной взаимовыручке.

Для установления статистически достоверных различий в показателях степени удовлетворенности работой до проведения тренин-

га и после его завершения был применен критерий углового преобразования Фишера, оценивающий эффективность деятельности, направленной на стабилизацию коллективных взаимоотношений.

С помощью критерия углового преобразования Фишера сопоставим доли сотрудников детского сада по показателям удовлетворенности работой и оценки социально-психологического климата в коллективе до и после тренинга.

Данные (таблица 1) позволяют констатировать существенные изменения, произошедшие в области удовлетворенности работой, у коллектива детского сада после тренинга: число педагогов, удовлетворенных работой, возросло на 30% (фэмп=2,265, $p<0,05$), статистически достоверно снизилось число педагогов, не достаточно удовлетворенных работой (фэмп=2,932, $p<0,01$). Также установлено снижение на 15% числа сотрудников детского сада, неудовлетворенных работой (фэмп=2,515, $p<0,05$).

Таблица 1

Сравнительная таблица данных до и после проведения тренинга

№	Степень удовлетворенности работой	Этап исследования		Критерий Фишера	
		Начальный этап	Контрольный этап	Φ	p уровень значимости
1	Вполне удовлетворены работой	30%	30%	0	$p>0,05$
2	Удовлетворены	35%	65%	2,265	$p<0,05$
3	Не вполне удовлетворены	20%	0%	2,932	$p<0,01$
4	Не удовлетворены	15%	0%	2,515	$p<0,01$
5	Крайне не удовлетворены	0%	0%	0	-

Нами установлены статистически достоверные различия в оценке педагогами социально-психологического климата в коллективе до и после тренинга: число педагогов, оценивших социально-психологический климат в коллективе на уровне более 25 баллов, после тренинга возросло на 10% (фэмп=2,035, $p<0,05$). В свою очередь, на 10% снизилось число педагогов, оценивших социально-психологический климат в коллективе на уровне менее 25 баллов (фэмп=2,035, $p<0,05$).

Таким образом, реализация психологического тренинга для сотрудников образовательной организации отразилась на повы-

нении оценки педагогами социально-психологического климата в их коллективе.

По итогам выполнения исследования были сформулированы рекомендации для педагогов и администрации, которые позволят создать благоприятный психологический климат в дошкольном учреждении в период пандемии.

Благоприятный психологический климат в коллективе дошкольной образовательной организации зависит от его объективной оценки руководителем и всеми сотрудниками, верно осознающими свои права и обязанности. Необходимо вовремя исправлять недостатки собственной работы, что зависит от адекватной рефлексии руководителя и сотрудников.

Анализируя результаты, полученные на основании проведенных методик, можно сказать, что руководство дошкольной организации умело применяет свои навыки для успешного функционирования организации.

Социальная среда является необходимым условием полноценного развития сотрудников дошкольной образовательной организации, поскольку обеспечивает их информационными, духовными, познавательными, культурными ресурсами развития, стимулирует к профессиональной активности. Следует отметить, что профессиональная среда представляет для сотрудника и определенную опасность в виде психологических проблем, возникающих в процессе межличностного взаимодействия, которое часто сопровождается конфликтом и стрессом [Бойко 2018]. Проблема большинства дошкольных образовательных организаций заключается во внутренней обособленности и преобладании неформальных образцов группового поведения над формально заданными. Поэтому управление дошкольной образовательной организацией в период пандемии заключается в непосредственной регламентации группового поведения при формировании уместных профессиональных контактов. В целом для улучшения процесса формирования благоприятного социально-психологического климата в организации возможна реорганизация команды, проведение тренингов на доверие и сплочение, а также усиленный контроль за качеством выполнения профессиональных обязанностей [Чебунин, 2017]. Не существует общепринятого метода решения проблем, связанных с кадровой структурой дошкольной образовательной организации. Умение руководителя, его талант состоят в том, чтобы находить оптимальный способ создать эффективную слаженную команду гуманистических настроенных компетентных профессионалов, находящихся адекватное решение стоящих перед коллективом задач [Чубенко, 2020].

Для профилактики конфликтности в коллективе дошколь-

ной образовательной организации необходимо проанализировать факторы, влияющие на психологический климат:

- *психологическая совместимость* коллег, обеспечивающая эффективность совместной профессиональной психолого-педагогической деятельности, причем важное значение следует придавать личной удовлетворенности трудом. Проявление психологической совместимости происходит на разных уровнях: психофизиологическом, психологическом, социально-психологическом. Критерием совместимости являются такие личностные качества, как взаимопонимание, сопереживание, взаимопомощь. Психофизиологический уровень совместимости имеет ввиду оптимальное сочетание особенностей системы органов чувств (зрение, слух, свойства темперамента, выносливость, скорость мыслительных операций, особенности восприятия). Психологическая совместимость развивает рефлексивное отношение и критичность к себе, способствует установлению доверительных отношений в совместной деятельности. Постепенно согласуются социальные роли членов коллектива дошкольной образовательной организации и устанавливаются их общие ценности;

- *общественная политическая и экономическая стабильность*, влияющая на социально-психологическое благополучие членов коллектива дошкольной образовательной организации;

- *реакция на внезапное возникновение экстремальных ситуаций* (самоизоляция при пандемии);

- *структура* (количество сотрудников, статусно-ролевая структура, отсутствие функционально-ролевых противоречий, планирование и распределение ресурсов, централизация власти, наличие этнических и возрастных групп);

- *санитарно-гигиенические условия труда* (режим дня и психологическая безопасность на рабочем месте, оснащение рабочего места, личностная удовлетворенность трудовой деятельностью, отсутствие признаков профессионального выгорания). Несоблюдение перечисленных условий труда повышает напряженность среди сотрудников и формирует неблагоприятный климат в коллективе);

- *удовлетворенность работой при длительном сохранении профессионального интереса и ощущения новизны* способствует саморазвитию и творчеству сотрудников, что является профилактикой профессионального выгорания. Привлекательность работы дает сотрудникам удовлетворенность условиями труда. При этом важное значение имеет оплата труда, система его материального стимулирования и социального обеспечения. Следует правильно распределять отпуск сотрудника, а также показывать перспективу карьерного роста и возможности самосовершенствования.

Сотрудник должен иметь возможность бесплатно пройти курсы повышения квалификации и обменяться опытом на уровне города, области, края;

– *характер профессиональной деятельности* (профессиональная и личностная ответственность, риск, частые эмоциональные проявления, невозможность делегировать свои полномочия, недостаточный уровень компетенций, необходимых для работы с детьми с ОВЗ и их семьями);

– *распределение функциональных обязанностей* (несоответствие профессиональных качеств занимаемой должности повышает напряжение в профессиональной среде и становится причиной конфликтов);

– *сработанность* сотрудников коллектива дошкольной образовательной организации обеспечивает максимально возможную успешность совместной деятельности при минимальных усилиях;

– *отсутствие полной и точной информации по важному для сотрудников* вопросу ведет к конфликтной ситуации (задача руководителя заключается в обеспечении достоверной информацией всех сотрудников).

Психологические рекомендации педагогическому коллективу и руководителю по созданию благоприятного климата в образовательном учреждении в период пандемии:

1. Сотрудникам важно отслеживать свое эмоциональное состояние на протяжении всего рабочего дня. Особенно это касается молодых специалистов, переживающих период адаптации и погружение в профессию. В сложной ситуации, связанной с пандемией, педагогу необходимо сохранять терпимость по отношению к коллегам, детям, родителям детей.

2. Опытным педагогам в отношении начинающих специалистов важно занять позицию доброго наставничества, передавать педагогический опыт, делиться мастерством, оказывать психологическую поддержку, увлекать в профессию.

3. Педагогу важно воздержаться от любой критики и стараться понять причины негативного поведения другого.

4. Снимать эмоциональное напряжение после долгого рабочего дня (овладеть навыками аутотренинга или замещающими «ритуалами», способствующими релаксации, - чтение любимой литературы, прослушивание спокойной музыки).

5. Руководителю педагогического коллектива необходимо регулярно поддерживать морально и материально сотрудников ответственно и качественно выполняющих свои обязанности, мотивируя тем самым остальную часть коллектива, систематически организовывать профилактические мероприятия и групповые

тренинги, направленные на поддержание позитивного климата в дошкольной образовательной организации.

Выводы

Анализ социально-психологических детерминант, оказывающих существенное воздействие на характер взаимоотношений сотрудников дошкольной образовательной организации и климат в коллективе, позволил определить основные психологические проблемы, связанные с особыми условиями, возникающими в обществе в период пандемии, которые сопровождаются профессиональным выгоранием педагогов. В период пандемии важно понять и принять новые условия жизни и распределить ответственность за педагогическую деятельность между педагогами, которые владеют технологиями и методами бесконфликтного общения как внутри коллектива, так и с родителями своих воспитанников.

С помощью метода факторного анализа нами были выявлены возникшие в период пандемии трудности, препятствующие формированию оптимального психологического климата в коллективе сотрудников дошкольной образовательной организации: конфликты между сотрудниками, критические замечания в виде явных и открытых выпадов в сторону отдельных сотрудников (часто более молодых, кто только что пришел в профессию, или очень пожилых, которые давно в профессии, но не перестроили свой стиль работы в соответствии с требованиями времени). В коллективе, где новички чувствуют себя лишними, нередко проявляется враждебность, при этом коллектив разделяется на «привилегированных» и «пренебрегаемых».

Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на оптимальный психологический климат дошкольной образовательной организации, является преимущественно женский по составу коллектив, где может происходить профессиональная деформация.

При формировании оптимального психологического климата среди сотрудников дошкольной образовательной организации в период пандемии руководителю необходимы знания и соблюдение организационных и психологических принципов и правил, которые отражает устав организации. Руководитель может существенно влиять на характер межличностных отношений сотрудников и на их удовлетворенность результатами профессиональной деятельности. Формальное взаимодействие руководителя с сотрудниками способствует нарастанию напряжения в коллективе, чему часто служит причиной авторитарный стиль управления, ведущий к снижению инициативности, ответственности и самоконтроля педагогов. При авторитарном стиле управ-

ления у сотрудников редки творческие проявления, следовательно, и продуктивность трудовой деятельности снижается.

Учебно-воспитательная деятельность в целом должна укреплять чувство долга перед коллективом и ставить новые цели, совершенствуя воспитательную работу. Управленческая деятельность должна осуществляться по единым профессиональным требованиям.

Для успешного хода профессионального процесса и достижения педагогической культуры со стороны руководства педагогического коллектива дошкольной образовательной организации требуется укрепление педагогического коллектива, что достигается трудоемкой индивидуальной работой с каждым человеком.

Длительный стаж работы воспитателя в дошкольной образовательной организации связан с любовью и ответственностью по отношению к детям. Осуществляя профессиональную деятельность, воспитатель проявляет творческую активность, что предполагает рост педагогического мастерства. С повышением профессиональной культуры педагога происходит развитие педагогического коллектива в соответствии с требованиями времени. Важно сохранять и умножать лучшие культурные традиции коллектива и передавать их молодым педагогам. При профессиональном эффективном межпоколенческом взаимодействии педагогов происходит повышение педагогического мастерства каждого члена педагогического коллектива, что создает благоприятный психологический климат.

Благодаря коллегиальному стилю управления дошкольной образовательной организацией наблюдается положительная динамика профессионального развития при удовлетворенности профессиональной деятельностью разновозрастных педагогических кадров. Понимание каждым сотрудником единой цели порождает чувство ответственности и сознание личного участия в общей профессионально значимой общественной деятельности.

Заключение

Формирование благоприятного психологического климата в дошкольной образовательной организации в период пандемии происходит при совпадении ценностных установок всех сотрудников, имеющих воспитательные цели, соответствующие современным общественным требованиям и обладающим важным социальным значением.

Профессиональные отношения сотрудников в педагогическом коллективе в период пандемии будут благополучными при условии наличия благоприятного лично значимого профессионального взаимодействия внутри трудового коллектива.

Эффективность совместной профессионально-педагогической деятельности выражается в знаниях, умениях и навыках сотрудников, их эмоциональном настрое, экономических показателях, положительном отношении к своей деятельности при удовлетворенности работой.

Литература

Адольф, Степанова 2011 – *Адольф В.А., Степанова И.Ю.* Развитие профессионального потенциала педагога в условиях обновления образовательной практики // *Инновации в образовании.* 2011. № 10. С. 14–24.

Атмахова 2018 – *Атмахова Л.Н.* Профессиональное саморазвитие педагога дошкольного образовательного учреждения // *Детский сад от А до Я.* 2018. № 1. С. 13–18.

Бездольный, Луковников 2018 – *Бездольный А.В., Луковников Н.Н.* О социально-психологическом климате в коллективе. М.: Дашков и Ко, 2018. С. 201.

Бойко 2018 – *Бойко В.В.* Социально-психологический климат коллектива и личности. М.: Мысль, 2018. С. 189.

Волчкова 2009 – *Волчкова В.И.* Социально-психологический климат в педагогическом коллективе // *Высшее образование в России.* 2009. № 1. С. 167–170.

Зиновьева 2004 – *Зиновьева Н.В.* Психологическая подготовка руководителей-профессионалов; проблема развития стиля деятельности // Доклад на заседании кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 2004. С. 57.

Исаев 2017 – *Исаев Р.А.* Пути совершенствования форм и методов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций в трудовых коллективах. М.: Норма, ФиС, 2017. С. 247.

Карпов 2016 – *Карпов А.В.* Проблемы принятия решения в трудовой деятельности // *Психологический журнал.* 2016. № 3. С. 2–5.

Новицкая 2017 – *Новицкая В.А.* Индивидуальный образовательный маршрут педагога Детского сада // *Воспитание дошкольников.* 2017. № 4. С. 9–23.

Чебунин 2017 – *Чебунин А.И.* Управление социально-психологическим климатом в трудовом коллективе. Киев, 2017. С. 120.

Чубенко 2020 – *Чубенко Л.В.* Развитие профессиональной компетентности педагогов детского сада // *Детский сад: теория и практика: науч.-метод. журн.* 2020. № 11. С. 56–61.

References

Adolf, V.A. and Stepanova, I. Yu. (2011), “Development of the professional potential of a teacher in the conditions of updating educational practice”, *Innovations in education*, no. 10, pp. 14–24.

Atmakhova, L.N. (2018), “Professional self-development of a teacher of a preschool educational institution”, *Kindergarten from A to Z*, no. 1, pp. 13–18.

Bezdolny, A.V. and Lukovnikov, N.N. (2018), *O social'no-psihologicheskom klimate v kollektive* [About the socio-psychological climate in the team], Dashkov and Co., Moscow, Russia.

Boyko, V.V. (2018), *Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva i lichnosti* [Socio-psychological climate of the collective and personality], Mysl', Moscow, Russia.

Chebunin, A.I. (2017), *Upravlenie social'no-psihologicheskim klimatom v trudovom kollektive* [Management of the socio-psychological climate in the labor collective], Kiev, Ukraine.

Chubenko, L.V. (2020), "Development of professional competence of kindergarten teachers", *Kindergarten: theory and practice: scientific method. journal*, no. 11, pp. 56–61.

Isaev, R.A. (2017), *Puti sovershenstvovaniya form i metodov preduprezhdeniya i razresheniya konfliktnykh situacij v trudovykh kollektivah* [Ways of improving the forms and methods of preventing and resolving conflict situations in labor collectives], Norm, FiS, Moscow, Russia.

Karpov, A.V. (2016), "Problems of decision-making in labor activity", *Psychological Journal*, no. 3, p. 2–5.

Novitskaya, V.A. (2017), "Individual educational route of a kindergarten teacher", *Education of preschoolers*, no. 4, pp. 9–23.

Volchkova, V.I. (2009), "Socio-psychological climate in the pedagogical collective", *Higher education in Russia*, no. 1, pp. 167–170.

Zinovieva, N.V. (2004), "Psychological training of professional managers; the problem of developing the style of activity", *Doklad na zasedanii kafedry psihologii truda i inzhenernoj psihologii MGU im. M.V. Lomonosova* [Report at the meeting of the Department of Labor Psychology and Engineering Psychology of the Lomonosov Moscow State University], MSU, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Марина М. Мишина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mishinamm@yandex.ru

Ксения А. Воробьева, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; [kсениaprimavera@mail.ru](mailto:kсениaпримaвeрa@mail.ru)

Information about the authors

Marina M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mishinamm@yandex.ru

Ksenia A. Vorobyeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kсениaprimavera@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-130-151

Адаптация опросника «Вторичная выгода от болезни»

Ирина В. Вець

*Психологический институт Российской академии образования
Москва, Россия, irina.vets@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена адаптация русскоязычной версии опросника «Вторичная выгода от болезни», созданного на основе опросника Will Joel Friedman «The Benefits of Suffering and the Costs of Well Being: Secondary Gains and Losses», 1994. Наш опросник состоит из двух частей и включает 40 вопросов, по 4-5 утверждений в каждой шкале. Первая часть характеризует период, когда человек заболевает. Она имеет шкалы: регрессия, триггеры соматизации, конформизм, симуляция. Вторая часть опросника содержит шкалы: ресурсы восстановления, цена восстановления, пути восстановления, автономия и отражает процесс выздоровления. Результаты стандартизации опросника (n=392) свидетельствуют о том, что методика обладает хорошими психометрическими показателями внутренней согласованности шкал и ретестовой надежности. Отметим, что шкалы не являются строго ортогональными. Конфирматорный анализ показал согласованность пунктов опросника. Дискриминативный анализ подтвердил, что опросник может быть использован на выборке от 18 до 60 лет. Опросник позволяет оценить психологические препятствия к выздоровлению и ресурсы скорейшего восстановления здоровья. В статье приведен текст опросника с инструкцией и ключи.

Ключевые слова: вторичная выгода от болезни, ресурсы, надежность, валидность

Для цитирования: Вець И.В. Адаптация опросника «Вторичная выгода от болезни» // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 130–151. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-130-151

Adaptation of questionnaire «Secondary benefit from the disease»

Irina V. Vets

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education
Moscow, Russia, irina.vets@yandex.ru*

Abstract. An adaptation of the Russian version of the questionnaire «Secondary benefit from the disease» based on the questionnaire Will Joel Friedman «The Benefits of Suffering and the Costs of Well Being: Secondary Gains and Losses» (1994) is presented in the article. Our questionnaire consists of two parts and includes 40 questions, with 4-5 statements on each scale. The first part describes how a person becomes ill, includes scales: regression, somatization triggers, conformism, simulation. The second part of the questionnaire consists of scales: recovery resources, recovery cost, recovery pathways, autonomy, and reflects the recovery process. The standardization of the questionnaire (n=392) indicates that the methodology has good psychometric indicators of the internal consistency of the scales and retest reliability. However, we cannot say that the scales are completely independent, requiring additional research. The confirmatory analysis allowed us to see a good consistency of the questionnaire items. When studying the discriminative power of points, it turned out that this technique is suitable for studying the secondary benefit of the disease for people from 18 to 60 years old. The multi-scale method allows evaluating the psychological phenomena that hinder and contribute to a speedy recovery. The article contains the text of the questionnaire with instructions and keys.

Keywords: secondary benefit from the disease, representativeness, reliability, validity

For citation: Vets, I.V. (2021), “Adaptation of questionnaire «Secondary benefit from the disease»”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 130–151, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-130-151

Введение

Цель нашего исследования – разработка и проверка психометрических свойств опросника «Вторичная выгода от болезни» (адаптация опросника Will Joel Friedman «The Benefits of Suffering and the Costs of Well Being: Secondary Gains and Losses», 1994). Актуальность создания опросника обусловлена необходимостью иметь и использовать в диагностической работе метод выявления вторичной выгоды от болезни, максимально адаптированный под языковые и социокультурные особенности России.

Согласно нашим представлениям, вторичная выгода от болезни – наименее изученный феномен в современной психологии [Fishbain 1994; Egmond 2003; Молчанова, Авдошина 2006; Донцова 2019].

З. Фрейд на основании психоаналитического подхода объяснял природу вторичной выгоды от болезни через принцип замещения «несостоявшегося удовлетворения благодаря регрессии либидо к более ранним периодам, с чем неразрывно связан возврат на более ранние ступени развития выбора объектов или организации» [Фрейд 1989]. З. Фрейд отмечал неосознаваемую потребность в сохранении симптома у субъекта, поскольку только в этом случае тот получает возможность компенсировать дефициты и уменьшить напряжение. В нашем исследовании мы опираемся на понятие «вторичной выгоды от болезни», имея в виду выгоды и потери, возникающие в период болезни.

Развивая исследования в области вторичной выгоды от болезни, Э.И. Киришбаум, А.И. Еремеева говорят о психологических защитных механизмах в форме «отступления», приводящих к «бегству в болезнь», которые направлены на ограждение сознания от неприятных, травмирующих событий [Киришбаум, Еремеева 2000].

Н. Агазаде, изучая преднамеренное расстройство или симулирование симптомов, ограничение способностей физического или психологического характера, писал о надуманном поведении. «Разница между надуманным (поддельным) расстройством и симуляцией состоит в том, что первое осуществляется бессознательно, без каких-либо четких намерений, а второе преследует очевидную цель быть признанным в качестве либо больного, либо недееспособного, и, тем самым, получить какие-либо экономические выгоды, избежать юридических проблем, уклониться от военной службы» [Агазаде 2013].

Исследование конструкторов вторичной выгоды вносит вклад в изучение этого феномена. Е.И. Рассказова и Ю.М. Мигунова, отмечая связь соматического симптома со вторичной выгодой, указывают на проблему рассогласования в исследованиях поведения и вторичной выгоды в случае симуляции, «фальшивости» самих симптомов [Рассказова, Мигунова 2014]. Авторы подчеркнули, что данная проблематика суживает поле последствий и приводит к нарушениям межличностного общения.

С.А. Кулаков включил «вторичную выгоду» в психодинамическую диагностику осей восприятия заболевания, рассматривая ее как выгоду, позволяющую человеку чувствовать доброе отношение к себе со стороны других и избегать неприятных ситуаций или решений [Кулаков 2016].

Следует отметить разносторонность феномена вторичной выгоды, включающего в себя сознательные и несознательные представления о себе в период болезни, что составляет внутреннюю картину болезни. Внутренняя картина болезни имеет широкий спектр исследований, в которых авторы описали данный феномен и охарактеризовали дезадаптации в разные периоды хронических заболеваний, а также в периоды долговременных выздоровлений [Лурия 1977; Николаева 1987; Ялтонский, Абросимов 2015; Грехов и др. 2020]. Они доказали, что наличие неадекватной внутренней картины болезни отрицательно влияет на течение и исход заболевания, деструктивно изменяя личность и усугубляя ее страдания; изучили различные типы реакций на заболевание [Barker et al. 1946; Личко, Иванов 1980], однако в теме внутренней картины болезни мало известен аспект ее вторичной выгоды и отмечается скудность валидизированных инструментов по эмпирическому исследованию [Молчанова, Авдошина 2006; Лутова 2013]. В настоящее время психологи используют опросник, в состав которого входит шкала «Вторичная выгода», – «Опросник мотивации на психотерапию» [Колпаков 2011], где шкала «Вторичная выгода от психотерапии» отражает фактор мотивации на психотерапию, связанную с получением социального подкрепления или выгоды от психотерапии, и никак не связывается с решением реально существующей психологической проблемы.

Также в опроснике «Шкала отношения к лечению» одна из шкал «Установка на получение Вторичного выигрыша» от болезни (проблемы)» представляет иррациональность и отказ пациента от профессиональной психологической помощи с различной нозологической принадлежностью [Ожерельева и др. 2015].

Большим шагом вперед в этом вопросе явился созданный Е. Молчановой и Т. Авдошиной психодиагностический инструмент для изучения вторичной выгоды в контексте этно- и социокультурных особенностей «роли больного в обществе». Созданный ими Опросник вторичной выгоды от болезни (ОВВБ) позволяет измерить параметры социальной роли больного в обществе и оценить, что может позволить себе человек в ситуации «НЕ-здоровья» [Молчанова, Авдошина 2006]. В связи с этим в опроснике были обозначены три фактора: «фактор собственно вторичной выгоды от болезни», «фактор снижения ответственности заболевшего перед обществом», «фактор позитивного отношения общества к заболевшему». Проанализировав научные источники, мы должны сказать о недостаточности изучения феномена вторичной выгоды в индивидуальной истории человека. Вследствие этого, необходимо расширять исследования компонентов вторичной выгоды от болезни, создавать инструменты изучения данного феномена.

Для создания русскоязычной версии опросника «Вторичная выгода от болезни» и проведения эмпирического исследования мы адаптировали опросник Will Joel Friedman «The Benefits of Suffering and the Costs of Well Being: Secondary Gains and Losses», 1994. Он состоит из двух частей. Первая часть характеризует период, когда человек заболевает. Вторая часть отражает процесс выздоровления. Наличие нескольких шкал позволяет оценить психологические явления, препятствующие, и способствующие выздоровлению. Вопросы сформулированы таким образом, чтобы обеспечить возможность оценки сознательных и бессознательных стратегий получения вторичных выгод и потерь от болезни.

W.J. Friedman, являясь профессиональным клиницистом в области психотерапии, наблюдая за невротическими пациентами, разработал двухчастную структуру опросника по 25 утверждений в каждой части. Первая часть представляет собой так называемые «преимущества от страданий» (benefits of suffering), то есть выгоды от физических, эмоционально-характерологических и жизненных трудностей, которые несут как сознательный, так и бессознательный характер. Вторая часть выявляет «вторичные потери» (disadvantages of well being), или недостатки благополучия, от чего человек отказывается или что отпускает, с осознанной целью решить свои трудности. Таким образом, опросник выявляет неосознаваемые выгоды от болезни и предоставляет информацию об истинных мотивах затягивания сроков выздоровления для врача, пациента и его окружения.

Результаты исследования

На начальном этапе был осуществлен профессиональный перевод опросника Will Joel Friedman «The Benefits of Suffering and the Costs of Well Being: Secondary Gains and Losses», 1994. В результате пилотажного исследования были произведены уточнения вопросов и выделены наиболее значимые из них. Например, в исходном опроснике один из вопросов первой части звучит так: «Выбирает выгоду от болезни, чтобы оправдать и узаконить обвинение, жаловаться, критиковать, быть снобом, грубым, безразличным, нечувствительным, обвинять и стыдить других». В адаптированном варианте данный вопрос звучит менее обвиняюще: «Заболевший человек склонен испытывать недовольство другими». В результате мы получили по 20 вопросов в каждой части.

В пилотажном исследовании участвовало 70 человек в возрасте от 18 до 70 лет. В опрос были включены разные категории респондентов: студенты, военнослужащие, пациенты, пенси-

омеры, домохозяйки, медицинские сестры. Из них мужчин было 46%, женщин 54%.

По итогам пилотажа были выделены шкалы, уточнявшиеся в ходе исследования. Для устранения социально желательных ответов вопросы сформулированы в проективной форме - о других людях. Представленный нами опросник является проективной методикой. В инструкции мы просили респондентов вспомнить собственный опыт взаимодействия с часто или долго болеющими людьми и выразить свое мнение с помощью предлагаемых вариантов ответов об этих людях. В первой части приводится 20 утверждений о заболевшем человеке, который находится в начале или разгаре болезни, во второй части – 20 утверждений о выздоравливающем человеке. Для оценки ответов использовалась 5-ти балльная шкала Лайкерта с градацией значений: «нет», «скорее нет», «не знаю», «скорее да», «да», что отражает оценку суждений от одной критической точки через нейтральную к противоположной критической [Квон и др. 2018].

На втором этапе была произведена проверка факторной структуры опросника и его надежности (N=120). В результате было отобрано 40 утверждений, по 20 в каждой части.

На третьем этапе данный вариант опросника был предложен 392 респондентам и осуществлена валидность опросника с помощью других психодиагностических методик. Обработка данных проводилась в программе SPSS 26.

Методика исследования

Опросник «Вторичная выгода от болезни» состоит из 40 утверждений, входящих в состав 8 шкал по 4-5 утверждений в каждой (регрессия, триггеры соматизации, конформизм, симуляция, ресурсы восстановления, цена восстановления, пути выздоровления, автономия) (см. табл. 1, табл. 2). Также разработан итоговый показатель оценки вторичной выгоды от болезни – Общий уровень вторичной выгоды от болезни (ОУВВБ). Вопросы сформулированы как в прямой, так и обратной форме.

Таблица 1

Опросник «Вторичная выгода от болезни»

Инструкция: Просим Вас принять участие в исследовании психологических процессов, происходящих в процессе выздоровления после тяжелых болезней. Опросник состоит из двух частей. Первая часть характеризует период, когда человек болеет. Вторая часть отражает процесс выздоровления. Вспомните свой опыт взаимодействия с долго или часто болеющими людьми и, опираясь на этот опыт, выразите свое мнение с помощью предлагаемых ниже утверждений. Выберите один из вариантов ответа.

Пожалуйста, выразите ваше отношение с помощью в соответствии со шкалой:

НЕТ, совершенно не согласен	Скорее НЕТ, чем Да	Затрудняюсь ответить	Скорее ДА, чем НЕТ	ДА, совершенно согласен
<i>НЕТ</i>	<i>Скорее НЕТ</i>	<i>НЕ ЗНАЮ</i>	<i>Скорее ДА</i>	<i>ДА</i>

Часть 1

	Заболевший человек:	НЕТ	Скорее НЕТ	НЕ ЗНАЮ	Скорее ДА	ДА
1	Может позволить себе злиться, капризничать, обижаться.	1	2	3	4	5
2	Тревожится, страдает от страха одиночества, ненужности, бесполезности.					
3	Руководствуется девизом «я должен», чтобы соответствовать чьим-то ожиданиям, заслуживать одобрение.					
4	Часто заболевает вновь и вновь.					
5	Может проявлять эгоизм или скупость.					
6	Склонен испытывать недовольство собой.					
7	Стремится быть хорошим.					
8	Испытывает парадоксальные чувства – «если болит, значит живой».					
9	Полагает, что болезнь может послужить оправданием лени и беспомощности.					

10	Склонен считать себя важным, особенным.					
11	Избегает агрессии, конфликтов, ссор.					
12	Получает возможность отомстить, чтобы восторжествовала справедливость.					
13	Может чувствовать себя незаметным, бесполезным.					
14	Думает, что люди, власти мира, Бог несправедливы к нему.					
15	Избегает ответственности.					
16	Его переполняет чувство вины.					
17	Склонен испытывать недовольство другими людьми.					
18	Избегает нежелательных последствий от своих непродуманных действий.					
19	Заболевший как бы говорит: «Посмотрите, что вы со мной сделали»					
20	Игнорирует свое болезненное состояние.					

Часть 2

НЕТ, совершенно не согласен	Скорее НЕТ, чем Да	Затрудняюсь ответить	Скорее Да, чем НЕТ	Да, совершенно согласен
<i>НЕТ</i>	<i>Скорее НЕТ</i>	<i>НЕ ЗНАЮ</i>	<i>Скорее Да</i>	<i>Да</i>

	Выздоровливающий человек:	НЕТ	Скорее НЕТ	НЕ ЗНАЮ	Скорее Да	Да
21	Ищет новые способы решения проблем.	1	2	3	4	5
22	Соглашается с тем, что люди, которые раньше заботились о нем, перестают это делать.					
23	Ему необходимо находить баланс между энтузиазмом и собственными усилиями.					

24	Его больше не тревожат мелкие обиды и старые ошибки.					
25	Берет на себя ответственность за свои мысли, чувства и поведение					
26	Расстается с «друзьями», которые не принимают его здоровым.					
27	Берет на себя ответственность, отказывается от оправданий и манипуляций.					
28	Просит о помощи и ценит сочувствие.					
29	Признавая свои страхи, идет вперед.					
30	Расстается со своим особым положением «больного» на работе, дома и в кругу друзей.					
31	Расстается с собственной безответственностью, эгоизмом, «особыми потребностями», ленью.					
32	Отказывается от старых стратегий преодоления трудностей.					
33	Отказывается от гиперконтроля или гиперопеки.					
34	Лишается стабильного источника страданий.					
35	Учится конструктивно справляться со своими страхами, тревогой, печалью.					
36	Отказывается от негативного внимания и принимает жизненные вызовы.					
37	Развивает свою психологическую устойчивость.					
38	Меняет отношение к здоровью и успеху.					
39	Расстается с нереалистичными, нерациональными идеями или убеждениями.					

40	Не винит себя за длительное выздоровление.					
----	--	--	--	--	--	--

Таблица 2

Ключ к опроснику «Вторичная выгода от болезни»

Шкала	Утверждения
Регрессия	4, 12, 14, 15, 19
Триггеры соматизации	1, 2, 5, 10, 17
Конформизм	3, 7, 8, 11, 20
Симуляция	6, 9, 13, 16, 18
Ресурсы восстановления	25, 29, 35, 37
Цена восстановления	30, 31, 33, 34
Пути восстановления	21, 23, 27, 36
Автономия	22, 24, 26, 28, 40
Общий уровень вторичной выгоды от болезни	Сумма оценок по восьми шкалам

Характеристика шкал

Шкала регрессия отражает степень приспособления личности в трудной ситуации с использованием ранних, незрелых моделей поведения. Шкала *триггеры соматизации* оценивает степень воздействия эмоционального состояния на физическое состояние. Шкала *конформизм* исследует зависимость личности от мнений и взглядов ее окружения. Шкала *симуляция* выявляет попытки выгладеть больным, чтобы получить сочувствие или избежать ответственности. Шкала *ресурсы восстановления* диагностирует дополнительный эмоционально-когнитивный потенциал, позволяющий выздороветь или улучшить здоровье. Шкала *цена восстановления* отражает потери от деструктивных отношений и поведения, на которые идет личность, чтобы выздороветь. Шкала *пути выздоровления* отражает конструктивные способы выхода из болезни или снижения степени симптоматики болезни. Шкала *автономия* позволяет диагностировать способность к независимости, самостоятельному управлению и регулированию своей деятельности. Шкала *общий уровень вторичной выгоды от болезни* выражает общее стремление извлечь выгоду от болезни.

Выборка

Репрезентативность выборки обеспечивалась различием испытуемых по возрасту, образованию, профессии, социальному

статусу, проживанием в различных населенных пунктах, а также достаточным количеством респондентов для стандартизации. В основном этапе исследования приняло участие 392 человека, среди них женщин 233 (59,4%), мужчин 159 (40,6%), все - жители Москвы и Московской области, Калуги; студенты КГУ им. К.Э. Циолковского, медицинские работники, военнослужащие, домохозяйки, пациенты ЗЦВКГ имени А.А. Вишневого, пенсионеры. Показатели возрастного диапазона следующие: от 18 до 39 лет $N=212$, $M=28,5$, $SD=14,85$; от 40 до 60 лет $N=127$, $M=50$, $SD=14,14$; от 61 до 80 лет $N=49$, $M=75$, $SD=19,80$.

Внутренняя согласованность шкал проверялась с помощью расчета коэффициента альфа-Кронбаха. Диапазон альфа-Кронбаха шкал варьировал от 0.41 до 0.74 (см. табл. 3).

Таблица 3

Описательные статистики, альфа-Кронбаха

Шкала	<i>M</i>	<i>Me</i>	Стандартное Отклонение	α Кронбаха
Регрессия	2,47	2,4	1,32	0,71
Триггеры соматизации	3,02	3,03	0,33	0,74
Конформизм	3,12	3	0,34	0,52
Симуляция	2,98	2,97	0,37	0,54
Ресурсы восстановления	4,02	4,02	0,04	0,72
Цена восстановления	3,7	3,69	0,16	0,64
Пути выздоровления	3,82	3,88	0,28	0,56
Автономия	3,23	3,38	0,35	0,41
Общий показатель вторичной выгоды от болезни	3,29	3,21	0,39	0,61

Примечания: *M* – среднее, *Me* – медиана.

Ретестовая надежность исследована на выборке 61 респондент с интервалом в 7 недель. Наиболее низкая надежность наблюдалась для шкалы конформизм ($r=0,684$, $p < 0,01$), наиболее высокая – для шкал цена восстановления ($r=0,794$, $p < 0,01$) и автономия ($r=0,793$, $p < 0,01$).

Опросник обладает хорошей *Дискриминативной валидностью*. Группы с высокой и низкой вторичной выгодой от болезни (по 33% от выборки в каждой группе, $N=32$ с низкой и $N=41$ с высокой) значимо различаются и по шкалам, и по общему уровню ($p \leq 0,000$). Коэффициенты были достаточно высоки и находи-

лись в диапазоне от 0.36 до 0.71. По полу опросник различает мужчин и женщин только по шкалам *триггеры соматизации* и *автономия* и на уровне тенденции - *конформизм*, *ресурсы восстановления и общий уровень*. Для оценки дискриминативности по возрасту мы разделили респондентов на три группы: от 18 до 39 лет (1 группа), от 40 до 60 (2 группа), 61 до 89 (3 группа). По результатам дискриминантного анализа выявлено, что по шкалам *конформизм*, *триггеры соматизации*, *ресурсы восстановления* эти группы значительно различаются. По шкалам *цена восстановления* и *автономия* группы различаются на уровне тенденции. Полученные результаты следует учитывать при их интерпретации.

Структурная валидность проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа, заключающегося в определении степени согласованности наблюдаемых переменных (ответов на пункты) и шкал, насколько наша теоретическая модель подтверждается эмпирическими данными. Степень соответствия модели эмпирическим данным оценивалась по следующим показателям: отношение χ^2 к числу степеней свободы $\chi^2/df \leq 2$, индекс относительного согласия CFI ≥ 0.90 , среднеквадратичная ошибка аппроксимации RMSEA ≤ 0.05 , индекс абсолютного согласия GFI > 0.90 , вероятность P и Pclose.

Данный вид анализа позволил увидеть хорошую согласованность пунктов опросника вторичной выгоды от болезни с соответствующими шкалами и указал на приемлемое соответствие эмпирических данных теоретической модели (см. табл. 4).

Таблица 4

Данные о пригодности модели

χ^2/df	p	GFI	CFI	RMSEA	Pclose
1.13	0.00	0.85	0.91	0.037	0.99

Критериальная валидность исследовалась с помощью пяти методик и позволила отследить причинно-следственные связи между критериями акцентуаций личности [Леонгард 2001], психологического благополучия [Шевеленкова, Фесенко 2005], способами совладающего поведения [Вассерман и др. 2009], стилями саморегуляции [Моросанова и др. 2020], критериями эмоциональной регуляции [Панкратов, Корниенко 2017] и шкалами нашего опросника «Вторичная выгода от болезни». Данные методики были выбраны для подтверждения выдвинутых гипотез: 1) Неэффективная эмоциональная и когнитивная регуляция поведения, использование дезадаптивных способов совладания с трудными жизненными ситуациями, а также отдельные акцен-

туации препятствуют выздоровлению. 2) Осознанная саморегуляция достижения цели способствует достижению физического здоровья и психологического благополучия. 3). Ресурсами восстановления здоровья могут выступать отдельные акцентуации и копинг-стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями. 4) Шкала автономии значимо взаимосвязана с процессами осознанной саморегуляции достижения целей.

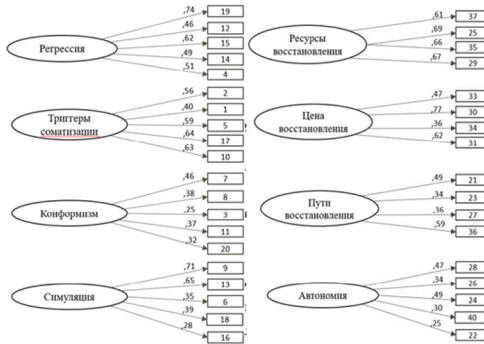

Рис. 1. Результат конфирматорного анализа пунктов опросника «Вторичная выгода от болезни»

Полученные данные позволили увидеть следующие взаимосвязи (см. табл. 5).

Таблица 5

Значимые корреляции шкал опросника «Вторичная выгода от болезни» со шкалами пятью методик

Название шкал методик	Регрессия	Триггеры соматизации	Конформизм	Стимуляция	Ресурсы восстановления	Цена восстановления	Пути восстановления	Автономия
Демонстративность					.303*	.398**	.363**	.793**
Тревожность				-.254*				
Автономия (ПБ)								.267*
Управление средой		.260*	-.290*					.306*
Цели в жизни								.305*
Дистанцирование		.272*			-.291*		-.265*	-.332**
Самоконтроль						-.268*		-.345**

Поиск социальной поддержки							.277*	
Бегство								-.294*
Программирование				.260*				.266*
Оценивание результатов								.276*
Сосредоточение					.301*			
Положительная перефокусировка	-.262*							

Примечания: * $p > 0.05$, ** $p > 0.001$.

Шкала *регрессия* имеет отрицательную взаимосвязь со шкалой Положительная перефокусировка ($r = -0.262$, $p < 0.05$) опросника; «Эмоциональная регуляция эмоций» Дж. Гросса. Получается, что, чем больше испытуемый уходит в регрессию, избегает ответственности, думает, что люди, Бог несправедливы к нему, тем меньше он может сфокусироваться на положительных, более приятных событиях и ситуациях, а больше размышляет о пережитых затруднениях, тем дольше остается в болезненном состоянии. Аналогичные результаты получены и другими исследователями в отношении положительного влияния когнитивной переоценки на эмоциональное и социальное функционирование, благополучие [Панкратова, Корниенко 2017].

Шкала *триггеры* соматизации связана со шкалой Управление средой ($r = 0.260$, $p < 0.05$) опросника «Психологическое благополучие» К. Рифф и шкалой Дистанцирование ($r = 0.272$, $p < 0.05$) опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса. Чем больше испытуемый ощущает власть над другими, злится, проявляет эгоизм и скупость, тем больше эмоционально дистанцирует себя от других и чувствует физическое нарушение, боль. Полученные нами результаты согласуются с мнением авторов о соматизации как способе избегания психологического стресса или избегания психологической боли [Менделевич 2014; Смулевич 2011].

Шкала *конформизм* отрицательно взаимосвязана с фактором Управление средой ($r = -0.290$, $p < 0.05$) «Психологического благополучия» К. Рифф. Чем больше пациент зависит от мнения других, избегает конфликтов, подавляет гнев, то есть проявляет иррациональный конформизм, тем больше сверхадаптируется, теряя субъектную позицию с ее способностью активно управлять

ситуацией. Эти выводы подтверждаются как зарубежными, так и отечественными исследователями [Song et al. 2012; Андромонов 2016].

Шкала *симуляция* имеет отрицательную взаимосвязь со шкалой Тревожность ($r=-0.254$, $p<0.05$) опросника акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека и шкалой Программирование ($r=0.260$, $p<0.05$) опросника ССПМ. Систематизируя знания о притворном поведении, расхождении между предъявленными и фактическими симптомами [Спасенников, Спасенникова 2017; Сафуанов 2018], мы можем говорить о попытке пациента выглядеть больным, оправдывающимся, переполненным чувством вины, он ошибочно считает, что таким образом уменьшает свою внутреннюю тревогу. Он теряет главную цель – быть здоровым – и продумывает отдельные шаги, которые могут, в конечном итоге, даже уводить его от этой цели.

Шкала *ресурсы восстановления* положительно взаимосвязана со шкалой Демонстративность ($r=0.303$, $p<0.05$) опросника акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека и шкалой Сосредоточение ($r=0.301$, $p<0.05$) опросника «Эмоциональная регуляция эмоций» Дж. Гросса и отрицательно со шкалой Дистанцирование ($r=-0.291$, $p<0.05$) опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса». При высоком проявлении эмоционально-когнитивного потенциала, психологической устойчивости, адекватном поведении пациент становится более решительным, способным сосредотачиваться на пошаговом решении проблем, лучше саморегулироваться [Бодров 2006; Дикая 2007; Моросанова 2014; Соловьев 2019], однако, как показали наши исследования, в случае чрезмерной рациональности, есть опасность пойти на неоправданный риск, излишне манипулировать и застрять в тревоге.

Шкала *цена восстановления* тесно связана с Демонстративностью ($r=0.398$, $p<0.01$) опросника акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека и отрицательно с Самоконтролем ($r=-0.268$, $p<0.05$) опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса. Чем дальше респонденты уходят от неэффективных стратегий при выздоровлении, тем они становятся более решительными, гибкими, могут осознанно сосредотачиваться на восстановлении [Абросимов, Ялтонский 2018]. Их поведение становится менее гиперконтролирующим, импульсивным, усиливается способность непосредственно выражать свои переживания.

Шкала *пути восстановления* взаимосвязана со шкалой Демонстративность ($r=0.363$, $p<0.01$) опросника акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека, шкалой Поиск Социальной Поддержки ($r=0.277$, $p<0.05$) и отрицательно связана со шкалой Дистанци-

рование ($r=-0.265$, $p<0.05$) опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса. Чем активнее испытуемый ищет новые способы решения проблем, уходит от манипуляций, берет на себя ответственность за скорейшее выздоровление, тем чаще и смелее опирается на поддержку окружающих [Корнев, Агалакова 2010]. Однако, по нашему мнению, важно выявлять и отслеживать чрезмерную активность, которая может привести к неоправданному риску в процессе выздоровления.

Шкала *автономия* имеет статистически достоверные взаимосвязи с фактором Демонстративности ($r=0.793$, $p<0.01$) опросника акцентуаций личности Леонгарда-Шмишека; шкалой Управление средой ($r=0.306$, $p<0.05$) и Цели в жизни ($r=0.305$, $p<0.05$) опросника «Психологическое благополучие» К. Рифф; шкалами Программирование ($r=0.266$, $p<0.05$) и Оценивание результатов ($r=0.276$, $p<0.05$) опросника ССПМ а также имеет отрицательную взаимосвязь с показателями Дистанцирования ($r=-0.332$, $p<0.01$) и Самоконтроля ($r=-0.345$, $p<0.01$) опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса. Чем выше независимость, самостоятельность в отношении регуляции собственной деятельности, тем выше способность преобразовывать окружение и среду, эффективно планировать и достигать цели в жизни, адекватно оценивать результаты достижения, тем меньше личность дистанцируется и способна снижать гиперконтроль в процессе выздоровления [Старновская 2012; Моросанова и др. 2020].

Выводы

Результаты стандартизации опросника «Вторичная выгода от болезни» свидетельствуют о том, что он обладает хорошими психометрическими показателями в исследовании феномена вторичной выгоды и позволяет оценить психологические явления, препятствующие и способствующие скорейшему выздоровлению, измерить стратегии вторичных выгод от болезни и стратегии потери вторичных выгод от болезни. Наша теоретическая модель опросника подтверждается эмпирическими данными. Дискриминантный анализ показал, что данная методика подходит для исследования вторичной выгоды от болезни для лиц от 18 до 60 лет.

Опросник может быть использован как для теоретических исследований, так и на практике.

Литература

Абросимов, Ялтонский 2018 – Абросимов И.Н., Ялтонский В.М. Выбор копинг-стратегии как фактор психологической адаптации пациента к хроническому соматическому заболеванию // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. № 4. С. 12–18.

Агазаде 2013 – *Агазаде Н.* Надуманное (factitious) поведение в чрезвычайных и кризисных ситуациях [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 6 (23). URL: <http://mpj.ru> (дата обращения 20 марта 2021).

Андрамонов 2016 – *Андрамонов Д.К.* Феномены конформизма и неконформизма в контексте «Критической теории» // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1-4 (43). С. 104–106.

Бодров 2006 – *Бодров В.А.* Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 113–122.

Вассерман и др. 2009 – *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я.* Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов НИПНИ им В.М. Бехтерева. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева. 38 с.

Грехов и др. 2020 – *Грехов Р.А., Бурлай О.С., Рамхелавон М.Б.* Психологические особенности феномена агрессивности у больных ревматоидным артритом // Актуальные вопросы клинической психологии в регионе. Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2020. С. 58–63.

Дикая 2007 – *Дикая Л.Г.* Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы и перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 17–42.

Донцова 2019 – *Донцова А.Д.* Вторичная выгода от болезни у подростков с атопическим дерматитом // FORCIPE. 2019. Т. 2. С. 1011–1011.

Квон и др. 2018 – *Квон Г.М., Вакс В.Б., Поздеева О.Г.* Использование шкалы Лайкерта при исследовании мотивационных факторов обучающихся [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 11. С. 1039–1051. URL: <http://e-koncept.ru/2018/181086.htm> (дата обращения 15 апреля 2021).

Киришаум, Еремеева 2000 – *Киришаум Э.И., Еремеева А.И.* Психологическая защита. М.: Смысл, 2000. 181 с.

Колпаков 2011 – *Колпаков Я.В.* Мотивация на психотерапию у женщин, зависимых от психоактивных веществ [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 6. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 21 марта 2021).

Корнев, Агалакова 2010 – *Корнев К.И., Агалакова А.С.* Роль социальной поддержки как стратегии преодоления личностью трудных жизненных ситуаций // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2010. № 2. С. 12–20.

Кулаков 2016 – *Кулаков С.А.* Клиническая супервизия случая соматоформной болевой дисфункции [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2016. № 2 (12). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения 21 марта 2021).

Леонгард 2001 – *Леонгард К.* Акцентуированные личности. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 445 с.

Личко, Иванов 1980 – *Личко А.Е., Иванов Н.Я.* Методика определения типа отношения к болезни // Журнал невропатологии и психиатрии. 1980. № 8. С. 15–25.

Лурия 1977 – *Лурия А.Р.* Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977. 110 с.

Лутова 2013 – *Лутова Н.Б.* Суицидальные тенденции и комплаентность больных эндогенными расстройствами // Тюменский медицинский журнал. 2013. № 3. С. 8–9.

Менделевич 2014 – *Менделевич Е.Г.* Соматизация тревожных расстройств в практике невролога: алгоритмы и подходы к дифференцированному лечению // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014. № 4. С. 81–86.

Молчанова, Авдошина 2006 – *Молчанова Е.С., Авдошина Т.* Вторичная выгода от болезни и механизмы психологической защиты у пациентов с соматоформными расстройствами и шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. № 3. С. 33–37.

Моросанова 2014 – *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как Психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 62–78.

Моросанова и др. 2020 – *Моросанова В.И., Кондратьев Н.Г., Гайдамашко И.В.* Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 1. С. 77–95.

Николаева 1987 – *Николаева В.В.* Влияние хронической болезни на психику. Монография. Психологическое исследование. М.: Изд-во Московского Университета, 1987. 167 с.

Ожерельева и др. 2015 – *Ожерельева Е.А., Курпатов В.И., Хохлова К.А., Бирюкова К.А.* Сравнительный анализ динамики эмоциональных и когнитивно-поведенческих свойств личности пациентов психотерапевтического центра с различной нозологической принадлежностью, прошедших лечение в группе когнитивно-поведенческой терапии [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2015. № 3 (9). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения 22 марта 2021).

Панкратова, Корниенко 2017 – *Панкратова А.А., Корниенко Д.С.* Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139–149.

Рассказова, Мигунова 2014 – *Рассказова Е.И., Мигунова Ю.М.* Функции соматических симптомов в межличностном общении: культурно-исторический подход в психосоматике // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 79–87.

Сафуанов 2018 – *Сафуанов Ф.С.* Симуляция психического расстройства: социально-психологический аспект // Российский психиатрический журнал. 2018. № 4. С. 48–55.

Смулевич 2011 – *Смулевич А.Б.* Психические расстройства в клинической практике. М.: МЕДпресс-информ, 2011. 720 с.

Соловьев 2019 – *Соловьев М.Н.* Психологическая устойчивость личности как «инструмент» от стресса // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 2 (53). С. 70–74.

Спасенников, Спасенникова 2017 – *Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г.* О признаках симуляции психических расстройств подследственными // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье. 2017. № 2 (26). С. 47–50.

Старновская 2012 – *Старновская Е.Е.* К вопросу формирования научного понятия «Автономность личности» // Приволжский научный вестник. 2012. № 4 (8). С. 91–94.

Фрейд 1989 – *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции / Под ред. Т.И. Фролова, М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1989. 456 с.

Шевеленкова, Фесенко 2005 – *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.

Ялтонский, Абросимов 2015 – *Ялтонский И.Н., Абросимов И.Н.* Структура внутренней картины болезни и совладающего поведения у взрослых больных муковисцидозом // Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы: XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Казань, Россия, 23-26 сентября 2015 г.: тезисы / Под общ. ред. Н.Г. Незнанова. СПб.: Альфа Астра, 2015. С. 677–678.

Barker et al. 1946 – *Barker R.G., Barker R., Wright B., Gonick M.* Adjustment to physical handicap and illness: A survey of the social psychology of physique and disability. New York: Social Science Research Council, 1946.

Egmond 2003 – *Egmond Van J.* Multiple meanings of secondary gain // The American Journal of Psychoanalysis. 2003. no. 63 (2). P. 135–147.

Fishbain 1994 – *Fishbain D.A.* The Secondary Gain Concept: Definition Problems and Its Abuse in Medical Practice // Am Pain Soc J. no. 3. P. 264–273.

Song et al. 2012 – *Song G., Ma Q., Wu F., Li L.* The psychological explanation of conformity. Social Behavior and Personality // An international journal. 2012. no. 40 (8). P. 1365–1372.

References

Abrosimov, I.N. and Yaltonsky, V.M. (2018), “The choice of a coping strategy as a factor of psychological adaptation of a patient to a chronic somatic disease”, *Bulletin of Omsk University. The series “Psychology”*, no. 4, pp. 12–18.

Agazade, N. (2013), “Far-fetched (factitious) behavior in emergency and crisis situations”, *Medical psychology in Russia: electron. scientific journal*, vol. 23, no. 6, [Online], available at: <http://mprj.ru> (Accessed 20 March 2021).

Andramonov, D.K. (2016), “The phenomena of conformism and nonconformism in the context of “Critical theory””, *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 1-4 (43), pp. 104–106.

Barker, R.G., Barker, R., Wright, B. and Gonick, M. (1946), *Adjustment to physical handicap and illness: A survey of the social psychology of physique and disability*, Social Science Research Council, New York, USA.

Bodrov, V.A. (2006), “The problem of overcoming stress. Part 2. Processes and resources of overcoming stress”, *Psychological Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 113–122.

Dikaya, L.G. (2007), “Adaptation: methodological problems and main research directions”, in Dikaya, L.G. and Zhuravlev, A.L. (ed.), *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy i perspektivy* [Psychology of adaptation and

the social environment: modern approaches, problems and prospects], Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Dontsova, A.D. (2019), "Secondary benefit from the disease in adolescents with atopic dermatitis", *FORCIPE*, vol. 2, pp. 1011–1011.

Egmond, V.J. (2003), "Multiple meanings of secondary gain", *The American Journal of Psychoanalysis*, vol. 63, no. 2, pp. 135–147.

Fishbain, D.A. (1994), "The Secondary Gain Concept: Definition Problems and Its Abuse in Medical Practice", *Am Pain Soc J*, no. 3, pp. 264–273.

Freud, Z. (1989), *Vvedenie v psichosnsliz. Lekcii* [Introduction to psychoanalysis: Lectures], in Frolov, T.I. and Yaroshevskij, M.G. (ed.), Nauka, Moscow, Russia.

Grekhov, R.A., Burlai, O.S. and Ramkhelavon, M.B. (2020), "Psychological features of the phenomenon of aggressiveness in patients with rheumatoid arthritis", *Aktualnye voprosy klinicheskoy psikhologii v regione* [Topical issues of clinical psychology in the region], Volgograd, Russia, 18 September 2020, pp. 58–63.

Kirshbaum, E.I. and Eremeeva, A.I. (2000), *Psichologicheskaya zashchita* [Psychological protection], Smysl, Moscow, Russia.

Kornev, K.I. and Agalakova, A.S. (2010), "The role of social support as a strategy for overcoming difficult life situations by a person", *Bulletin of the Omsk University. The series "Psychology"*, no. 2, pp. 12–20.

Kolpakov, Ya.V. (2011), "Motivation for psychotherapy in women who are dependent on psychoactive substances", *Medical psychology in Russia: electron. scientific journal*, no. 6, [Online], available at: <http://medpsy.ru> (Accessed 21 March 2021).

Kulakov, S.A. (2016), "Klinicheskaya superviziya sluchaya somatoformnoj bolevoj disfunkcii" [Clinical supervision of the case of somatoform pain dysfunction], *Clinical and medical psychology: research, training, practice: electron. scientific journal*, no. 2 (12), [Online], available at: <http://medpsy.ru/climp> (Accessed 21 Mar 2021).

Kwon, G.M., Vaks, V.B. and Pozdeyeva, O.G. (2018), "The use of the Likert scale in the study of motivational factors of students", *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, no. 11, [Online], available at: <http://e-koncept.ru/2018/181086.htm> (Accessed 15 April 2021).

Leonhard, K. (2001), *Akcentuirovannyye lichnosti* [Accentuated personalities], EKSMO-Press, Moscow, Russia.

Lichko, A.E. and Ivanov, N.Ya. (1980), "Methodology for determining the type of attitude to the disease", *Journal of Neuropathology and Psychiatry*, no. 8, pp. 15–25.

Luria, P.A. (1977), *Vnutrennyaya kartina bolezni i yatrogenne zabolevaniya* [Internal picture of the disease and iatrogenic diseases], Medicina, Moscow, Russia.

Lutova, N.B. (2013), "Suicidal tendencies and compliance of patients with endogenous disorders", *Tyumen Medical Journal*, no. 3, pp. 8–9.

Mendelevich, E.G. (2014), "Somatization of anxiety disorders in the practice of a neurologist: algorithms and approaches to differentiated treatment", *Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics*, no. 4, pp. 81–86.

Molchanova, E.S. and Avdoshina, T. (2006), "Secondary benefit from the disease and mechanisms of psychological protection in patients with somatoform disorders and schizophrenia", *Social and Clinical Psychiatry*, no. 3, pp. 33–37.

- Morosanova, V.I. (2014), "Conscious self-regulation of voluntary human activity as a psychological resource for achieving goals", *Theoretical and experimental psychology*, no. 4, pp. 62–78.
- Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G. and Gaidamashko, I.V. (2020), "Reliability of conscious self-regulation as a resource for achieving goals in high-risk professions", *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, no. 1, pp. 77–95.
- Nikolaeva, V.V. (1987), *Vliyaniye hronicheskoy bolezni na psihiku* [The influence of chronic disease on the psyche], Moscow University Publishing House, Moscow, Russia.
- Ozhelereva, E.A., Kurpatov, V.I., Khokhlova, K.A. and Biryukova, K.A. (2015), "Comparative analysis of the dynamics of emotional and cognitive-behavioral properties of the personality of patients of the psychotherapeutic center with different nosological affiliation who were treated in the group of cognitive-behavioral therapy", *Clinical and medical psychology: research, training, practice: electron. scientific Journal*, no. 3 (9) [Online], available at: <http://medpsy.ru/climp> (Accessed 22 March 2021).
- Pankratova, A.A. and Kornienko, D.S. (2017), "Russian-language adaptation of the ERQ questionnaire (Emotion Regulation Questionnaire) by J. Gross", *Voprosy psichologii*, no. 5, pp. 139–149.
- Rasskazova, E.I. and Migunova, Yu.M. (2014), "Functions of somatic symptoms in interpersonal communication", *Cultural-historical approach in psychosomatics*, no. 1, pp. 79–87.
- Safuanov, F.S. (2018), "Simulation of mental disorder: socio-psychological aspect", *Russian Psychiatric Journal*, no. 4, pp. 48–55.
- Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), "Psychological well-being of the individual", *Psychological diagnostics*, no. 3, pp. 95–121.
- Smulevich, A.B. (2011), *Psikhicheskie rasstroistva v klinicheskoi praktike* [Mental disorders in clinical practice], MEDpress-inform, Moscow, Russia.
- Solovyov, M.N. (2019), "Psychological stability of the individual as a "tool" for stress", *Bulletin of the Kurgan State University*, no. 2 (53), pp. 70–74.
- Song, G., Ma, Q., Wu, F. and Li, L. (2012), "The psychological explanation of conformity", *Social Behavior and Personality: An international journal*, vol. 40, no. 8, pp. 1365–1372.
- Spasennikov, B.A. and Spasennikova, M.G. (2017), "On the signs of simulation of mental disorders under investigation", *Bulletin of the Medical Institute "Reaviz": rehabilitation, doctor and health*, no. 2 (26), pp. 47–50.
- Starnovskaya, E.E. (2012), "On the question of the formation of the scientific concept of "Autonomy of the individual"“, *Privolzhsky Scientific Bulletin*, no. 4 (8), pp. 91–94.
- Wasserman, L.I., Iovlev, B.V., Isaeva, E.R., Trifonova, E.A., Shchelkova, O.Yu., Novozhilova, M.Yu. and Vux, A.Ya. (2009), *Metodika dlya psichologicheskoy diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami. Posobie dlya vrachej i medicinskih psichologov NIPNI im V.M. Bekhtereva* [Methodology for psychological diagnostics of coping methods with stressful and problematic situations for the individual. Manual for doctors and medical psychologists of the V.M. Bekhterev NIPNI], NIPNI im. V.M. Bekhtereva, St. Petersburg, Russia.
- Yaltonsky, I.N. and Abrosimov, I.N. (2015), "The structure of the internal picture of the disease and coping behavior in adult patients with cystic fibrosis", *Psichiatriya na etapah reform: problemy i perspektivy: XVI S'ezd psichiatrov Rossii. Vserossiyskaya nauchno-*

prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem [Psychiatry at the stages of reforms: problems and prospects: XVI Congress of Psychiatrists of Russia. All-Russian scientific and practical conference with international participation], Kazan, Russia, 23-26 September 2015, pp. 677–678.

Информация об авторе

Ирина В. Вець, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *irina.vets@yandex.ru*

Information about the author

Irina V. Vets, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9/4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *irina.vets@yandex.ru*

Личностная готовность студентов-психологов
различных специализаций
к профессиональной деятельности

Дмитрий Д. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ddantonov1997@yandex.ru*

Аннотация. Профессиональное самоопределение специалиста складывается из двух аспектов: овладения специалистом необходимыми компетенциями и профессионально-важными качествами и формированием у него мотивации, установки, интенции к реализации профессиональной деятельности – все это можно собирательно назвать личностной готовностью к профессиональной деятельности. Первый аспект изучен достаточно подробно, второй проработан и эмпирически исследован в меньшей степени. Наша работа носит поисковый характер и ее цель – выявить особенности личностной готовности к профессиональной деятельности студентов-психологов разных направлений подготовки. Также предлагается инструмент для оценки личностной готовности студентов к профессиональной деятельности. Исследование проводилось на студентах ФГБОУ ВО «РГГУ», 50 респондентов: 13 студентов 5 курса «психологии служебной деятельности», 11 студентов 5 курса «психологии и педагогики девиантного поведения», 11 студентов 3 курса «психологии служебной деятельности», 15 студентов «психологии и педагогики девиантного поведения». Средний возраст – 21, 5 лет. Нами использовалась авторская анкета на определение отношения к выбранной специальности и субъективной готовности работать по ней в дальнейшем; полуструктурированное интервью, направленное на обнаружение статусов идентичности Дж. Марсия. Содержание рефлексивного компонента не связано с курсом обучения и не отличается на 3 и 5 курсах. У студентов-третьекурсников статус «мораторий» чаще сочетается с типом отношения «разочарованный» и «ищущий», статус «достигнутая идентичность» – с типами «уверенный» и «колеблющийся». Психологи обеих специальностей не различаются распределением статусов профессиональной идентичности. Отсутствует специфический тип отношения и статус идентичности у студентов-выпускников обеих специальностей. У студентов «психологии и педагогики девиантного поведения» чаще встречается тип «Колеблющиеся». Среди студентов «психологии служебной деятельности» со статусом «мораторий» частотность типа отношения «разочарованный» выше. Среди сту-

дентов «психологии и педагогики девиантного поведения» со статусом «достигнутая идентичность» более значительное количество типов «уверенный», «колеблющийся» и «ищущий»

Ключевые слова: личностная готовность к профессиональной деятельности, рефлексивный компонент, я - профессиональный компонент, идентичность, студенты, психологи

Для цитирования: Антонов Д.Д. Личностная готовность студентов-психологов различных специализаций к профессиональной деятельности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 152–164. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-152-164

Personal readiness of psychology students of various specializations to professional activity

Dmitry D. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ddantonov1997@yandex.ru*

Abstract. Professional self-determination of a specialist consists of two aspects: mastering of necessary competences and professionally important qualities, and formation of his motivation, attitude, and intension to implement professional activity – all this can be collectively called personal readiness to professional activity. The first aspect has been studied in sufficient detail; the second has been developed and empirically investigated to a lesser extent. Our research is exploratory in nature and its goal is to identify the features of personal readiness for professional activity of psychology students of different specialties. We also offer an instrument to assess students' personal readiness for professional activity. The study was conducted on the students of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), 50 respondents: 13 5th year students of «psychology of service activity», 11 5th year students of «psychology and pedagogy of deviant behavior», 11 3rd year students of «psychology of service activity», and 15 3rd year students of «psychology and pedagogy of deviant behavior». The average age was 21, 5 years old. In the study we used the author's questionnaire to determine the attitude to the chosen specialty and subjective readiness to work in it in the future; semi-structured interview aimed at determining the status of identity J. Marcia. The content of the reflexive component is not connected with a course of study, and does not differ at 3 and 5 courses. In third-year students the status «moratorium» is more often combined with the attitude type «disappointed» and «seeking», the status «identity» – with the types «confident» and «hesitant». Psychologists of both specialties do not differ in the distribution of professional identity statuses. There is no specific type of attitude and identity status among

graduate students of both specialties. Among the students of «psychology and pedagogy of deviant behavior» the type «hesitant» is more frequent. Among the students of «psychology of service activity» with the status of «moratorium» the type of attitude «disappointed» is more frequent. Among the students of «psychology and pedagogy of deviant behavior» with the status of «identity» types «confident», «hesitant» and «seeking» are more common.

Keywords: personal readiness for professional activity, reflexive component, self-professional component, identity, students, psychologists

For citation: Antonov, D.D. (2021), “Personal readiness of psychology students of various specializations to professional activity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 152–164, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-152-164

Введение

Профессиональное обучение ставит перед специалистами высшей школы задачи формирования у студентов как отдельных систем знаний, навыков, компетенций, так и создания ценностно-мотивационных основ будущей профессиональной деятельности, ориентировки в социальных и организационных ее аспектах, поддержки профессионального самоопределения студентов. Решение данных задач всеми сторонами учебного процесса – как специалистами высшего учебного заведения, так и самими обучающимися – приводит, в конечном итоге, к вопросу о степени профессиональной и личностной готовности выпускника к будущей профессиональной деятельности.

Наше исследование посвящено изучению личностных компонентов профессиональной готовности. Как правило, в это понятие включается набор ценностей, установок, смыслов, схем интерпретации, образов, которые обеспечивают мотивацию применения совокупности знаний, умений и навыков непосредственно в практической деятельности. Для реализации цели нашего эмпирического исследования была выбрана трехчленная схема личностной готовности к профессиональной деятельности, включающая Я-профессиональный, мотивационный и рефлексивный компоненты личностной готовности [Сладкова 2017, с. 342–346].

При исследовании личностной готовности к профессиональной деятельности у студентов-психологов следует учитывать особенности специальности внутри психологических направлений, определяющих общий вектор подготовки и акценты в обучении, а также ступень и курс обучения в качестве этапов становления компетенции и готовности специалиста. Практическая значимость исследования определяется, в первую очередь,

задачами оценки и формирования личностной готовности студентов-психологов в ходе их профессионального обучения.

Целью нашего исследования стал анализ особенностей личностной готовности к профессиональной деятельности у студентов-психологов различных направлений подготовки разных курсов обучения.

Задачи эмпирического исследования:

- провести сравнительный анализ особенностей личностной готовности к профессиональной деятельности на разных этапах обучения и у студентов различных психологических направлений;
- провести анализ взаимосвязи статуса профессиональной идентичности и отношения к профессиональной деятельности как компонентов личностной готовности к профессиональной деятельности.

Гипотезы:

1. Студенты выпускных курсов обладают большей степенью сформированности компонентов личностной готовности к профессиональной деятельности по сравнению со студентами промежуточных этапов обучения с учетом специфики направления подготовки;
2. Я-профессиональный и рефлексивный компоненты личностной готовности к профессиональному обучению взаимосвязаны.

Методы:

Полуструктурированное интервью на определение статусов идентичности Дж. Марсиа в адаптации О.А. Карабановой, В.Р. Орестовой [Карабанова, Орестова 2005].

Авторская анкета на определение отношения к специальности и субъективной готовности работать по ней в дальнейшем.

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 50 студентов дневного отделения психологического факультета Института психологии им. Л.С. Выготского ФГБОУ ВО РГГУ. Из них 13 студентов 5 курса специальности 37.05.02 «психология служебной деятельности», 11 студентов 5 курса специальности 44.05.01 «психология и педагогика девиантного поведения», 11 студентов 3 курса специальности 37.05.02 «психология служебной деятельности», 15 студентов 3 курса специальности 44.05.01 «психология и пе-

дагогика девиантного поведения». Средний возраст респондентов составляет 21,5 г (диапазон от 19 до 28 лет). Из них 11 юношей и 39 девушек (12 % и 88 %, соответственно).

Результаты

Анализ рефлексивного компонента личностной готовности к профессиональной деятельности позволил выделить четыре условных типа отношения к ней в будущем. Для обозначения выделенных типов нами были использованы следующие формулировки: «уверенные», «колеблющиеся», «разочарованные» и «ищущие». Сходные формулировки употребляют Н.А. Володина и Н.Н. Колмогорцева [Володина, Колмогорцева 2014, с.109–113].

Группа «уверенных» представлена ответами респондентов, которые планируют работать по специальности (ответ «определенно, да» в анкете), имеют сформированное представление о том, чем им предстоит заниматься, осознают и могут обрисовать общественную значимость своей профессии.

Группа «колеблющихся» представлена ответами респондентов, которые планируют работать по специальности, но не до конца уверены в этом (ответ «не знаю, как все сложится, но скорее всего, да» в анкете). Имеют сформированное представление о содержании их будущей профессиональной деятельности, способны объяснить значимость своей профессии для общества. Однако в силу разных факторов (проверить их в рамках данного исследования не представляется возможным) респонденты не могут с уверенностью сказать самим себе, что точно будут работать по специальности.

Группа «разочарованных» представлена ответами респондентов, которые ни при каких условиях не планируют работать по специальности (ответ «определенно, нет» в анкете), открыто заявляют, что разочарованы в профессии, признают, что «напрасно потратили свое время». При этом студенты испытывают трудности в формулировании общественной значимости профессии; отвечая на вопросы, связанные с планированием профессионального развития, они пишут, что: а) уже выбрали новую цель и следуют ей;

б) намечают приблизительные пути развития, в) признают бессмысленность дальнейшего получения образования. Существование данной группы наглядно демонстрирует, что «осознанность» первичного выбора профессии не гарантирует последующего стремления работать по «сознательно выбранной специальности».

Группа «ищущие» представлена ответами респондентов, не

стремящихся работать по специальности, с одной стороны, но при этом не выказывающих разочарования (как одноименная группа «разочарованных»), с другой стороны. Респонденты признают, что обучение психологической специальности было полезно или, по крайней мере, не бессмысленно. Полученные знания и приобретенные практические навыки они планируют использовать для реализации собственных целей и идей или же не планируют применять вовсе. В последнем случае психологическое образование является для них одним из способов формального получения высшего образования.

Отсутствуют значимые различия в частотах встречаемости статусов идентичности у студентов разных курсов обучения (см. табл. 1, критерий хи-квадрат).

Срок обучения не вносит различий в частоту встречаемости ответов на анкету (см. табл. 2, критерий хи-квадрат).

Таблица 1

Распределение статусов идентичности
среди студентов-психологов 3 и 5 курсов обеих специальностей

Группа	Статусы идентичности			
	Достигнутая идентичность	Мораторий	Диффузная идентичность	Предрешение
5 курс ПСД	61,54%	30,76%	7,7%	0
3 курс ПСД	54,55%	27,27%	18,18%	0
5 курс ППДП	54,55%	45,45%	0	0
3 курс ППДП	60%	40%	0	0

Таблица 2

Распределение типов отношения
среди студентов-психологов 3 и 5 курсов обеих специальностей

Группа	Тип отношения			
	Уверенный	Колеблющийся	Разочарованный	Ищущий
5 курс ПСД	23,08%	15,38%	38,46%	23,08%
3 курс ПСД	27,2%	18,2%	36,4%	18,2%
5 курс ППДП	9,09%	54,55%	18,18%	18,18%
3 курс ППДП	33,33%	40%	6,67%	20%

Выявлена тенденция, не достигающая статистической значимости, согласно которой в группе «Разочарованные» выше частота встречаемости статуса «мораторий», нежели статуса «достигнутая

идентичность» ($p < 0,06$) (см. табл. 1–2). В группе «Колеблющиеся» частота встречаемости статуса «достигнутая идентичность» выше, чем статуса «мораторий». Наконец, в группе «Уверенные» чаще встречается статус «достигнутая идентичность», чем статус «мораторий». Различий в частотах встречаемости статусов в группе «Ищущие» обнаружено не было. Для более дифференцированного анализа была произведена оценка частоты встречаемости статусов идентичности на 5 и 3 курсах в отдельности (см. табл. 1–2, критерий хи-квадрат).

Выявлено равномерное распределение статусов идентичности среди групп анкеты у студентов-выпускников. Несколько иная картина наблюдается на 3 курсе обучения (см. табл. 1, критерий хи-квадрат). Существует тенденция, не достигающая статистической значимости, согласно которой у студентов 3 курсов обучения статус «мораторий» встречается чаще в группах «Ищущие» и «Разочарованные», тогда как статус «достигнутая идентичность» чаще можно обнаружить в группах «Колеблющиеся» и «Уверенные» (см. табл. 1–2, $p < 0,06$).

Для уточнения специфики различий дополнительно был проверен вклад специальности в распределение статусов идентичности. Отсутствуют значимые различия в частотах встречаемости статусов идентичности у студентов «психологии служебной деятельности» и «психологии и педагогики девиантного поведения» (см. табл. 1). Однако есть и результат, немного проливающий свет на специфику отдельных психологических специальностей. Можно говорить о существовании тенденции, согласно которой среди студентов «психологии и педагогики девиантного поведения» чаще встречается тип отношений «Колеблющиеся», тогда как среди студентов «психологии служебной деятельности» чаще встречается тип отношения «Разочарованные» (см. табл. 1).

Обсуждение результатов

Были получены одинаковые частоты встречаемости статусов профессиональной идентичности у студентов 3 и 5 курсов обучения. Подобное распределение может быть объяснено внутригрупповой динамикой. Поскольку положение теории статусов идентичности Дж. Марсиа и последующие исследования данной проблематики допускают текучесть статусов в процессе жизненного пути человека, то логично предположить, что начальное распределение статусов могло быть иным [Злоказов 2015, с. 155–161; Marcia 1980, с. 159–187].

Респонденты, первоначально находившиеся в статусе «до-

стигнутая идентичность», благодаря более тесному знакомству с будущей профессией могли «регрессировать» из «достигнутой идентичности» в «мораторий». Иные респонденты, пришедшие в психологию в сомнениях, с запросом на решение личностных проблем, оказались способны найти в ней нечто, что помогло им выстроить осмысленную программу жизни и «подняться» до «достигнутой идентичности».

В ходе анализа рефлексивного компонента была получена одинаковая частота встречаемости групп анкеты у 5 и 3 курсов обучения. Вероятно, дифференцированность образа профессии или его эмоциональный окрас жестко не связаны с курсом обучения, но детерминируются, прежде всего, личностным отношением и активностью субъекта. Также можно говорить о спорадических изменениях отношения к профессии у отдельных студентов, которые существенно не сказались на групповой динамике. Речь идет о переходах из одной группы анкеты в другую: из «уверенных» в «колеблющиеся», из «уверенных» в «разочарованные», из «разочарованных» в «ищущие», и т.д. Выявленные динамические колебания в отношении к профессии довольно любопытны и могут стать предметом специального лонгитюдного исследования.

Однако назвать наши данные экстраординарными было бы необоснованно. Еще В.Н. Обносков, правда, на примере учащихся ПТУ, установил, что длительность обучения не влияет на точность представлений о профессии и отношение к ней [Обносков 1986]. Л.И. Кунц уже на студентах-психологах с 1 по 5 курсы продемонстрировала, что даже у выпускников представление о профессии носит идеализированный, нереалистичный характер [Кунц 2005]. И.М. Богдановская и А.М. Сычев также на студентах-психологах показали, что выпускники не отличаются от студентов младших курсов лучшим уровнем владения профессиональной терминологией и более развернутым представлением о требованиях, трудностях и специфике профессиональной деятельности [Богдановская, Сычев 2019, с. 184–192].

Анализ соотношения типов отношения к профессии и статусов идентичности показал, что студенты, обладающие такими типами как «Ищущие», «Колеблющиеся», «Уверенные», чаще имеют статус «достигнутая идентичность», в то время как у студентов с типом «Разочарованные» чаще встречается статус «мораторий». Тип «Разочарованные» встречается у респондентов, чьи ожидания и представления о профессии оказались неадекватны реальности и вынуждают обучающихся либо погрузиться в хаос проб, либо предпринять попытку переосмысления своих целей, интересов и стремлений. Обе дороги ведут к ситуации выбора, что согласуется с содержанием статуса «мораторий».

Неудивительно также, что статус «достигнутая идентичность» чаще наблюдается среди «Уверенных». Вполне логично, что студенты, обладающие сформированным представлением о профессиональной деятельности, знакомые со спецификой профессии, осознающие значимость своей профессиональной деятельности и планирующие работать по профессии, имеют статус «достигнутая идентичность». Правда, в данном случае невозможно определить, что является следствием, а что результатом – достигнутая идентичность или тип отношения к профессии.

В случае с двумя оставшимися типами ситуация выглядит не столь однозначно. Тип «Коллеблющиеся» предполагает некоторые сомнения в личной компетентности, правильности выбора, однако студент нацелен на развитие себя в профессии и скорее строже оценивает себя, чем «Уверенные». Ситуация выбора для него не столь актуальна.

Тип «Ищущие» - наиболее интересный тип, наполненный как плывущими по течению выбора, сделанного за них респондентами, так и теми, кто признает факт, что ситуация обучения снабдила их опытом и знаниями, которым можно найти применение в реальности. В первом случае у респондентов отсутствует потребность что-либо менять или перестраивать, во втором случае студенты обладают достаточно четким пониманием того, к чему они действительно стремятся. И, следовательно, эти два типа можно отнести скорее к статусу «достигнутая идентичность».

При относительной схожести результатов на 3 и 5 курсах обучения, представители третьих курсов, тем не менее, демонстрируют более ясную картину. Выделенная тенденция, не достигающая уровня статистической значимости, указывает на то, что среди респондентов, находящихся в статусе «мораторий», чаще встречаются ответы группы «Разочарованные» и «Ищущие», в то время как среди обладателей статуса «достигнутая идентичность» чаще можно встретить ответы группы «Уверенные» и «Коллеблющиеся». Вполне закономерно, что студенты в статусе «мораторий идентичности» будут стремиться упорядочить и переосмыслить полученный в стенах вуза опыт, дабы найти новое основание, на чем можно выстраивать свое профессиональное развитие. Другим выходом из кризиса может стать путь хаотических проб, дающий время нащупать более или менее устойчивый фрагмент реальности, на который можно твердо опереться. Тогда как студенты в статусе «достигнутая идентичность» будут скорее предрасположены к следованию ранее принятой цели или, по крайней мере, предпочтут ее модификацию, а не радикальную перестройку.

Более любопытно отсутствие подобной тенденции у пред-

ставителей выпускных курсов. Можно предположить, что, если студент принял решение завершить обучение по выбранной специальности, то было бы неправомерно ожидать от него статуса «мораторий» в сочетании с группами «Разочарованные» и «Ищущие». Вполне вероятно, что отдельные респонденты действительно могли «регрессировать» до «моратория», отягченного «разочарованием» и «поиском», однако на общей динамике данные случаи не отразились.

Последний блок результатов посвящен анализу различий в особенностях личностной готовности к профессиональной деятельности у студентов, обучающихся разным психологическим специальностям. Психологи обеих специальностей имеют одинаковые распределения статусов идентичности. Описательная статистика демонстрирует крайне схожие распределения статусов идентичности во всех четырех группах. Баланс между достигнутой идентичностью и мораторием колеблется в соотношении 3:2 в пользу достигнутой идентичности.

Благодаря анализу рефлексивного компонента личностной готовности была обнаружена тенденция, согласно которой среди студентов «психологии служебной деятельности» чаще встречается тип отношения «Разочарованные», тогда как среди обучающихся по специальности «психология и педагогика девиантного поведения» чаще можно увидеть тип «Колеблющиеся».

Для объяснения полученных результатов можно предположить следующее. Студенты, обучающиеся по специальности «психология служебной деятельности», рискуют разочароваться в профессии ближе к срединному этапу обучения, по мере роста числа дисциплин специальности. Первоначально присущее первокурсникам стремление работать с криминогенными элементами, сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими, романтический флер, окутывающий профессию и роль, отводимую в ней психологу, постепенно истончается в процессе предметного знакомства со спецификой профессии: убежденность в былых намерениях или исчезает, или трансформируется в чувство обиды и негодования на систему образования, вуз и себя, допустившего ошибочный выбор.

В свою очередь, представители специальности «психология и педагогика девиантного поведения» имеют возможность трудоустройства в организациях, лишенных столь яркой социальной стигмы риска, опасности, общественного неодобрения и опасений. Полученное образование позволяет им работать рядовым психологом-педагогом, дополнительно фундированным навыками противодействия различным видам девиаций. Таким образом, студент будет скорее выбирать между возможностью работать в данный мо-

мент или необходимостью «вооружиться» психотерапевтическими техниками работы, которые позволят оказывать компетентную помощь и повысят «стоимость» работника на рынке труда.

Выводы

Сравнительный эмпирический анализ особенностей личностной готовности к профессиональной деятельности на разных этапах обучения психологическим специальностям показал, что содержание рефлексивного компонента не связано с курсом обучения и не отличается на 3 и 5 курсах. Данные результаты могут быть объяснены как внутригрупповой динамикой, благодаря которой изменения типов отношения происходили у отдельных представителей, но не сказались на группе в целом, так и отсутствием специальной работы по формированию образа профессии.

У студентов-третьекурсников статус «мораторий идентичности» чаще сочетается с типом отношения «Разочарованный» и «Ищущий», а статус «достигнутая идентичность» - с типами «Уверенный» и «Колеблющийся».

Психологи обеих специальностей имеют одинаковые распределения статусов профессиональной идентичности, что может объясняться как общим предметным полем деятельности, так и локальными перетеканиями статусов друг в друга, не сказывающимися на общегрупповой динамике.

При сравнительном анализе рефлексивного компонента удалось установить тенденцию, не достигающую статистической значимости, согласной которой среди специалистов, обучающихся на «психологии служебной деятельности», чаще встречается тип отношения «Разочарованные», то есть студенты считают, что получение психологического образования было ошибкой, негативно характеризуют свое отношение к обучению в целом и к профессии в частности. Респонденты не собираются работать по специальности или в смежных отраслях. В то же время среди студентов «психологии и педагогики девиантного поведения» чаще встречается тип «Колеблющиеся», чьи представители планируют работать по профессии, признают значимость полученного ими образования, но довольно строго оценивают себя как будущих специалистов, что выражается в осторожном планировании своей профессиональной судьбы.

Анализ взаимосвязей компонентов личностной готовности к профессиональной деятельности с учетом специальности показал следующее соотношение. Статус «достигнутая идентичность» наиболее часто встречается в сочетании с такими типами отношения к профессии, как: «Ищущие», «Колеблющиеся» и «Уверенные» (для специальности «психологии и педагогика

девиантного поведения»), тогда как «мораторий» чаще сочетается с типом «Разочарованные» (для специальности «психология служебной деятельности»). Такие данные могут быть связаны со спецификой специальностей. Специальность «психология служебной деятельности» предоставляет больше почвы для разочарования и переосмысления профессии «психолог», тогда как в специальности «психология и педагогика девиантного поведения» имплицитно зашита более четкая картина будущего, и выпускник может скорее сомневаться в том, готов ли он к профессиональной деятельности.

Заключение

Результаты исследования актуализируют не только необходимость в инструментально-поведенческой подготовке специалистов-психологов, но и значимость выработки у студентов особого отношения к получаемой профессии, воспитания в них гордости за свою будущую профессиональную деятельность. Последняя, однако, не должна исключать знания и понимания специфики профессии, признания и принятия определенных жертв (например, трудности с выездом за границу у сотрудников силовых структур, психологически сложную атмосферу учреждений и т.п.). Имеют значение не только теоретические знания и практические навыки вкупе с умением оперировать ими, но и определенная мотивационно-смысловая основа, дающая специалисту-психологу базовую уверенность в полезности его профессии обществу. Данный стержень должен помочь выпускникам предпринять попытки найти работу по специальности, а не предпочесть иные сферы приложения приобретенного высшего образования.

Литература

Богдановская, Сычев 2019 – *Богдановская И.М., Сычев А.В.* Образ будущей профессиональной деятельности у студентов-психологов // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 2. С. 184–192.

Володина, Колмогорцева 2014 – *Володина К.А., Колмогорцева Н.Н.* Экспериментальное исследование образа профессии у студентов-психологов-педагогов на начальных этапах обучения в вузе // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 109–113.

Злоказов 2015 – *Злоказов К.В.* Опросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 155–161.

Карабанова, Орестова 2005 – *Карабанова О.А., Орестова В.Р.* Методы исследования идентичности в концепции статусов идентичности Д. Марсиа // Журнал практического психолога. 2005. № 1. С. 39–50.

Куниц 2005 – *Куниц Л.И.* Профессиональная направленность как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности: на материале сту-

дентов-психологов: Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирский государственный педагогический университет, 2005.

Обносов 1986 – *Обносов В.Н.* Динамика профессиональных представлений учащихся ПТУ при разных способах введения в профессию // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 28–32.

Сладкова 2017 – *Сладкова И.А.* Проблема личностной готовности к профессиональной деятельности будущих педагогов-психологов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 342–346.

Marcia 1980 – *Marcia J.* Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / In J. Adelson (ed.). N.Y.: Wiley, 1980. P.159–187.

Reference

Bogdanovskaya, I.M. and Sychev, A.V. (2019), “The image of future professional activity at students-psychologists”, *Psychology of the person in education*, vol. 1, no. 2, pp. 184–192.

Karabanova, O.A. and Orestova, V.R. (2005), “Methods of research of identity in the concept of identity statuses by D. Marcia”, *Journal of Practical Psychologist*, no. 1, pp. 39–50.

Kuntz, L.I. (2005), “Professional orientation as a factor of formation of an image of the future professional activity of a personality: on the material of students of psychology”, Abstract of Ph.D. dissertation, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

Marcia, J. (1980), “Identity in adolescence”, in J. Adelson (ed.), *Handbook of adolescent psychology*, Wiley, N.Y., USA, pp.159–187.

Obnosov, V.N. (1986), “The dynamics of professional representations of students of vocational schools at different methods of introduction to the profession”, *Voprosy psichologii*, no. 6, p. 28–32.

Sladkova, I.A. (2017), “Problem of personal readiness to professional activity of future teachers-psychologists”, *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, vol. 6, no. 3 (20), pp. 342–346.

Volodina, K.A. and Kolmogortseva, N.N. (2014), “Experimental study of the image of the profession in students of psychology and pedagogy at the initial stages of training in high school”, *Pedagogical Education in Russia*, no. 7, pp. 109–113.

Zlokazov, K.V. (2015), “Surveys of identity development in the works of Erickson followers”, *Pedagogical Education in Russia*, no. 9, pp. 155–161.

Информация об авторе

Дмитрий Д. Антонов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ddantonov1997@yandex.ru

Information about the author

Dmitry D. Antonov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ddantonov1997@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
И.В. Попова

Компьютерная верстка
В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 01.12.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1348.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru